

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

pdfelement
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
▼
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
▼
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА - КАЗАНЬ 2012

1(6)

pdfelement

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
 ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
 РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители: Институт языкознания РАН
 Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

Ш.Х. Акалин (Турция), А. Ахундов (Азербайджан), К.А. Бичелдей (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), В.А. Виноградов (Москва), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), И.Г. Галяутдинов (Уфа), Ф.А. Ганиев (Казань), Т.М. Гарипов (Уфа), А.П. Деревянко (Москва), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Ислев (Чебоксары), А.Б. Куделин (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), К.М. Мусав (Москва), В.И. Рассадин (Элиста), В.Н. Тугужекова (Абакан), Э.И. Фазылов (Узбекистан), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широбокова (Новосибирск), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: Д.М. Насилов (Москва),
 Зам. главного редактора: Ф.С. Хакимзянов (Казань),
 Отв. секретарь: Т.А. Анисеева (Москва)
 Г.Ф. Благова (Москва), А.И. Гелеева (Нальчик), Э.А. Грунина (Москва), А.В. Дыбо (Москва), С.Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), И.В. Кормушин (Москва), И.В. Кульганск (Санкт-Петербург), О.А. Мудрак (Москва), И.А. Невская (Германия), Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицын (Санкт-Петербург), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск).

Региональные сотрудники

Х.Ч. Алишина (Тюмень), А.-М.Х. Батчаев (Карачаевск), Л.С. Кароол (Кызыл), Н.И. Попова (Якутск), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), Л.И. Чебодаева (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк).

Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин

№ 1(6)

МОСКВА-КАЗАНЬ 2012

ISSN 2079-9160

COMMITTEE OF RUSSIAN TURCOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
BRANCH OF HISTORY

RUSSIAN TURKOLOGY

Founded by Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy
of Sciences, Branch of History

Advisory Board

Sh.H. Akalin (Turkey), A. Axundov (Azerbaijan), K.A. Bicheldey (Kyzyl),
A.A. Chechenov (Moscow), A.P. Derevyanko (Moscow), E.I. Fazylov (Uzbekistan),
N.H. Gajixmedov (Makhachkala), I.G. Galyautdinov (Ufa), F.A. Ganiev (Kazan),
T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isaev (Cheboksari), Ju. Janhunen (Finland),
F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan),
K.M. Musaev (Moscow), V.I. Rassadin (Elista), N.N. Shirobokova (Novosibirsk),
V.N. Tuguzhekova (Abakan), I. Vásáry (Hungary), V.A. Vinogradov (Moscow),
M.Z. Zakiev (Kazan), P. Zime (Germany)

Editorial Board

Editor-in-Chief: D.M. Nasilov (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: F.S. Khakimzyanov (Kazan),
Executive Editor: T.A. Anikeeva (Moscow)
G.F. Blagova (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), A.I. Gelyaeva (Nal'chik),
E.A. Grurina (Moscow), S.G. Klyashtorny (St. Petersburg), I.V. Kormushin
(Moscow), I.V. Kulganek (St. Petersburg), O.A. Mudrak (Moscow),
I.A. Nevskaya (Germany), E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsyn (St.
Petersburg), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

Regional Staff

X.Ch. Alishina (Tyumen), A.-M.H. Batchaev (Karachaevesk), L.I. Chebodayeva
(Abakan), L.S. Kara-ool (Kyzyl), N.I. Popova (Yakutsk), S.B. Sarbasheva
(Gorno-Altaysk), I.V. Shentsova (Novokuznetsk).

Publisher: On behalf of the Committee of Russian Turkologists –
I.V. Kormushin

№ 1(6)

MOSCOW-KAZAN 2012

© Институт языкознания РАН
© Российский комитет тюркологов

3 февраля 2012 г. в г. Москве проходило Годичное собрание Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН совместно с редколлегией и редсоветом журнала «Российская тюркология», а также представителями других тюркологических организаций России. Ниже приводится текст доклада председателя РКТ при ОИФН РАН д.ф.н., проф. И.В.Кормушина.

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ В 2011 г.

И.В. Кормушин, г. Москва

Уважаемые члены Российского комитета тюркологов!

Со времени предыдущего Годичного собрания РКТ, состоявшегося 2–3 февраля 2011 г. в Москве, в Институте языкознания РАН, Бюро Комитета вело научно-организационную работу по следующим направлениям.

1. Были внесены на утверждение Бюро Отделения историко-филологических наук РАН и одобрены на заседании 8 февраля 2011 г. частичные персональные изменения в составе РКТ: места выбывших членов заняли директор Чувашского государственного института гуманитарных исследований Ю.Н. Исаев и видный лингвист-компаративист профессор РГГУ О.А. Мудрак. В ближайшее время мы внесем на Бюро Отделения вопрос о включении в состав Комитета нового директора Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН проф. А.Н. Алексеева.

На прошлом пленуме был поднят вопрос об определении принципов ротации членов Комитета и привлечения новых членов. Осуществление этого упирается в другой практический принцип формирования РКТ из руководителей наиболее значимых коллективов академических институтов и НИИ при правительствах автономий и университетских кафедр, которые обычно бывают крупными учеными-гуманитариями. Кадровые же назначения на эти места, естественно, в компетенции региональных властей. С другой стороны, численность Комитета определена в 48–50 человек, поэтому молодым людям пробиться в эту когорту довольно затруднительно. Есть, конечно, некоторый резерв в виде тех членов Комитета, которые по многу лет не участвуют в работе годичных собраний. Однако для использования этого резерва необходима некоторая психологическая революция.

2. Продолжалась работа возобновленного в 2009 году журнала *Российская тюркология*. Осенью вышел в свет уже пятый номер. Мы вплотную подошли к реализации главной нашей практической идеи – получить в ВАКе включение РТ в список рецензируемых ваковских изданий. Для этого пришлось в прошедшем году, исправляя наши собственные ошибки, выпустить дополнительные тиражи первых номеров, более соответствующих правилам ВАКа – наличие ключевых слов и резюме, в том числе на английском языке, сведений об авторах. Мы вывешиваем

содержание журнала на нашем сайте turcologica.org, в ближайшее время подвесим первые номера полностью в формате ПДФ. Журнал испытывает трудности в поступлении разнообразных, и прежде всего, информационных материалов, рецензий, обзоров. Но самое главное, что журнал делается практически силами нескольких человек, причем людей архизанятых. А большой коллектив из членов редколлегии, редсовета и особой категории региональных сотрудников, задействован едва ли на 5–10%. Вот где хотелось бы увидеть деятельное участие молодых тюркологов.

Думаю, этими беглыми замечаниями ограничусь, предвкушая более детальный рассказ главного редактора РТ Д.М. Насилова. Но еще раз призываю руководителей журнала к скорейшему прохождению через процедуру акцептирования в ВАКе. Так что, коллеги, ловите момент сами и учите своих подшефных. Ведь в нашем журнале полностью отсутствуют какие-либо поборы за напечатание ваковской статьи, то, что в иных изданиях выливается в круглые суммы. Единственное наше требование – научное качество статьи. Здесь я призываю всех сопричастных публикационному процессу быть к авторам требовательными.

Добавлю еще, что много сил и денег ушло на закрытие такого требования ВАКа, как подписка, включение нашего журнала в Каталог российских журналов. Попросил бы об этом рассказать подробнее ответсекретаря редколлегии Т.А. Анিকেеву. Необходимо сказать, что траты на практически ненужную подписку, дополнительные выпуски первых номеров и т.п. были обеспечены щедрой спонсорской помощью нашего коллеги и товарища А.А.Чеченова, за что от Вашего имени разрешите выразить ему искреннюю признательность и благодарность.

3. Важным направлением нашей объединительной работы является организация научных конференций, либо помощь в организации таких конференций тюркологическим центрам и местам. В августе 2011 года мы заносим заседание Российского комитета тюркологов, прошедшее в Москве, в ИЯз РАН, 2–3 февраля 2011г. Был заслушан отчет председателя, отчеты о работе комиссий, сделан ряд научных докладов - А.В. Дыбо, О.А. Мудрак, И.Л. Кыласов, приняты решения.

Под эгидой Комитета проведены следующие конференции:

- 1) Тенишевские чтения – 5. Москва, ИЯз РАН, 25–26 апреля 2011 г.;
- 2) XI региональная конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», Уфа, 19–21 октября 2011 г.;
- 3) Международная тюркологическая конференция «Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков», посвященная памяти Д.Г. Тумашевой, Казань, 21–24 октября 2011 г.

В отчетный период мы не решили один из главных вопросов этого направления нашей работы в 2012 году, по которому было достигнуто предварительное согласие: проводить ли общероссийскую тюркологическую конференцию в августе 2012 года в Якутске. Причин для колебаний несколько: высокая дороговизна командирования в Якутию из европейских регионов, практически полное отсутствие средств на такого рода командировки в институтах, и, главное, сомнение в том, что мы имеем моральное право просить республику взять на себя такой груз: даже приглашение 20 человек, в общем-то, минимум для конференции, выльется в сумму в несколько миллионов рублей. Надо еще раз вернуться к вопросу о целесообразности столь отдаленного от центра места сбора для конференции.

4. Здесь мы подходим к одному из центральных пунктов нашей практической деятельности в 2011 году – работы по организации Фонда поддержки тюркологических исследований. Мы отработали при консультативной помощи юристов устав Фонда, а затем с их же помощью провели через Министерство юстиции. Нам не удалось получить юридический адрес в нашем родном институте,

но нам помогли наши друзья-карачаевцы, и конкретно г-н А.Х. Тоторкулов, который предоставил нам, как это называется, местонахождение Фонда: Россия, 105318, Москва, Семеновская пл. дом 7, корпус 16.

Согласно уставу, Фонд поддержки тюркологических исследований является некоммерческой организацией, учрежденной гражданином Российской Федерации на основе добровольно внесенного им имущественного взноса и преследующей цели финансовой и организационной помощи в развитии отечественных исследований в области тюркологии – комплекса гуманитарных научных дисциплин, связанных с изучением и фиксацией настоящего и прошлого языков, фольклора, литературы, этнографии, географии, истории, письменных памятников, культуры тюркоязычных народов России и мира, их взаимодействия и взаимообогащения с языками и культурами иных народов Евразии с древнейших времен по настоящее время.

Я являюсь Учредителем Фонда как гражданин Российской Федерации, ученый, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, но главное – как руководитель не имеющей статуса юридического лица общественной организации при Российской академии наук, т.е. как председатель Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук (РКТ при ОИФН РАН). В Уставе так и подчеркнуто, что приоритетной общественной организацией, с которой взаимодействует Фонд, является Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН.

Целью создания Фонда, как объявлено в Уставе, является формирование имущества на основе добровольных взносов и иных, не запрещенных законом поступлений и направление их на поддержку отечественных и коллективных международных исследований в области тюркологии.

Из сказанного ясно, что фонд является самостоятельной – самодеятельной организацией, и закон охраняет самостоятельность этой организации. Самодеятельность же фонда ограничена только в одном – как благотворительные взносы спонсоров, так и все возможные доходы от коммерческой деятельности фонда должны быть направлены на достижение уставных целей – поддержку исследований в области тюркологии.

Устав ФПИ, который соответствует типовым положениям закона о таких организациях, (собственно, Минюст и проверял степень этого соответствия) очерчивает широкие возможности организационных форм – филиалы, отделения, дочерние образования, и методов хозяйствования – производственные, коммерческие, финансовые.

Структура органов управления проста и логична. Во главе Фонда поддержки тюркологических исследований стоит Генеральный совет Фонда, в который входит по должности Учредитель, т.е. Ваш покорный слуга, а также Исполнительный директор, который является, как сказано в Уставе, «единоличным исполнительным органом», ответственным за всю текущую работу. Генеральный совет будет пополняться так наз. Участниками Фонда из числа наиболее значимых спонсоров.

Далее, центральный научный орган – Попечительский совет, под председательством А.В. Дыбо. В ПС вошли также: А.Н. Гаркавец, К.М. Миннуллин, Д.М. Насилов и А.А. Чеченов. 5 человек – это тот минимум, который разрешен на первых порах, при организации фонда, по мере роста и укрепления фонда, число членов ПС должно возрасти.

Четвертый орган управления – ревизионная комиссия, на первых порах имеет право быть представленной одним человеком – Ревизором Фонда.

Уже на этой стадии сказались кадровые трудности в нашей отрасли науки. Наш очень исполнительный и деятельный молодой товарищ – Т.А. Аникеева, выполняет обязанности ответственного секретаря редколлегии журнала Российская тюркология.

В России как: кто хорошо везет, тому еще больше подкладывают. Мы уговорили Т.А. стать еще и исполнительным директором Фонда. Она проделала всю первоначальную работу, а вот недавно поняла, что переложили ей дровишек, и настояла на своей отставке. Выручил нас наш большой друг и коллега, А.А. Глашев, которому сначала мы предложили быть родоначальником ревизионной комиссии. Благодарю А.А. Глашева за согласие взять на себя груз ответственности исполнительного директора. Кадровые изменения подлежат утверждению в Минюсте, что, надеемся не сильно задержит работу. Подобрать же ревизора – менее сложная задача.

Теперь мы должны перейти к практической работе по привлечению спонсоров. Нами составлен следующий призыв.

Обращение к посетителям сайтов turologica.com и turologica.org

Уважаемые друзья и коллеги, дамы и господа!

Наш «Фонд поддержки тюркологических исследований» создается из безвозмездных взносов физических и юридических лиц для того, чтобы помочь творческим людям, увлеченным филологией и историей тюркоязычных народов нашей страны и мира, полнее реализовать свои планы в научных исследованиях, в издании статей и книг, в осуществлении экспедиций и поездок на конгрессы и симпозиумы, в установлении контактов со специалистами, занимающимися теми же проблемами, что и они, в самых разных странах. Наш Фонд хочет протянуть руку тем, до кого помощь и внимание научно-исследовательских институтов и кафедр университетов пока не дошла в силу самых разных причин, и особенно, в этой помощи нуждаются молодые. Наша наука тюркология десятки лет держалась на государственных субсидиях, которые ныне ограничены. В изменившихся условиях хозяйствования, когда открыта широкая дорога частному спонсированию разнообразных культурных и научных проектов, не будем стоять в стороне от веяния времени, поможем любимой отрасли знания организационно и финансово.

Призываем коллег агитировать и привлечь спонсоров к нашему делу.

Счет Фонда открыт в отделении Альфа Банка «Полянка», Москва, ул. Б.Полянка, д.13/16, стр. 1, куда можно придти лично и заполнить объявление о взносе или перевести средства из любого банка.

Заполнение квитанции. От кого: ФИО или юрлицу, получатель: Фонд поддержки тюркологических исследований, счет № 40703810902200000067, ИНН 7719289271, КПП 771901001, ОКАТО, БИК 45263588000; источник поступления: безвозмездная помощь.

В качестве спонсоров мы можем и хотим привлечь структуры среднего и большого бизнеса. Небольшие учредительские взносы мы призываем сделать наши университеты и академические институты.

На этом я хотел бы закончить свое выступление о работе РКТ за прошедший период.

Благодарю за внимание!

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

О ФОНЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ ТОФАЛАРСКОГО И ТУВИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В.И. Рассадин, г. Элиста

Резюме. В статье проводится сравнение состава вокализма и консонантизма и поведение в звуков в потоке речи в двух близкородственных языках – тофаларском и тувинском. Показано, что система тофаларского консонантизма организована по принципиально иному принципу, хотя системы вокализма совпадают. Тофаларский язык сближается с языками соётов, уйгуров цаатанов и уйгуров урянхайцев, образуя с ними таёжный ареал саянских тюркских языков, тувинский же язык образует с языками кёк-мончаков и тувинцев Ценгельского сомона Монголии степной ареал саянских тюркских языков. Оба ареала объединяются в одну самостоятельную саянскую подгруппу. В статье дана уточнённая классификация сибирских тюркских языков.

Ключевые слова: вокализм, консонантизм, тофаларский язык, тувинский язык, фарингализация гласных, долгие гласные, дифтонги, сильные согласные, слабые согласные, сонанты.

Тофаларский язык, согласно классификации Н.А. Баскакова, входит в состав уйгуро-тукуйской подгруппы уйгуро-огузской группы тюркских языков [Баскаков 1969: 313]. Н.А. Баскаков считает, что тофаларский язык «... по своим фонетическим, грамматическим и лексическим признакам ... наиболее близок к тувинскому языку и, по существу, может считаться одним из его диалектов» [Там же: 323]. Сравнительные исследования, основывающиеся на многолетних полевых записях тофаларского языка, привели нас к выводу, что тофаларский язык не диалект другого языка, а вполне самостоятельный язык, имеющий во всех ярусах ряд специфических черт, резко отличающих его от других тюркских языков, в том числе и от тувинского. Достаточно сказать, что в отношении морфологических форм тофаларский язык примерно только наполовину совпадает с тувинским языком. Другая половина сближает его с хакасским языком и северными алтайскими диалектами, в то же время ряд признаков либо вообще присущ только тофаларскому языку, либо представляет собой законсервированные в нём некоторые древнетюркские черты. Такую же картину являет собой и лексический состав тофаларского языка. Обо всём этом мы уже писали ранее [Рассадин 1971: 71–147; 1978].

Ниже остановимся на некоторых результатах сравнительного изучения фонетики тофаларского и тувинского языков, обратив внимание на сходство и различия в их звуковом составе.

В области вокализма существенных различий по составу гласных фонем между двумя рассматриваемыми языками нет. Так, для обоих характерно наличие восьми простых кратких гласных фонем, противопоставляемых по рядности

в четырёх парах: *a* – *э* (с вариантом *э* только в тофаларском), *o* – *в*, *y* – *γ*, *ы* – *и* (с вариантом *i* только в тофаларском). И там и там гласные противопоставляются также и по степени длительности. В обоих языках имеется по восемь долгих гласных фонем, сводимых в четыре пары: *aa* – *ээ* (с вариантом *ээ*), *oo* – *во*, *yy* – *γγ*, *ыы* – *иы* (с вариантом *ii*). Кроме того, эти языки характеризуются противопоставлением чистых кратких и долгих гласных фонем особым кратким гласным, произносимым с участием фаринкса, так называемым фарингализованным гласным фонемам (у нас они обозначены твёрдым знаком), которых тоже восемь: *аь* – *эь* (с вариантом *эь*), *оь* – *оь*, *уь* – *уь*, *ыь* – *иь* (с вариантом *иь*). Таким образом, краткость без фарингализации, краткость с фарингализацией и долгота – вот характерные признаки гласных фонем тувинского и тофаларского языков. Только этим различаются, например, слова типа *аьт* ‘лошадь’ – *ат* ‘имя’ – *аат* ‘укачивай ребёнка’, *ыьт* ‘собака’ – *ыт* ‘отправь’ – *ыыт* ‘звук; голос’ и т. п. Такого нет больше нигде в тюркских языках.

В тофаларском языке, как и в тувинском разговорном, имеются кроме того долгие гласные с носовым оттенком [Исхаков, Пальмбах 1961: 9], но они представляют собой лишь варианты долгих гласных. Для тофаларского языка вообще присуща некая гнусавость произношения. Замечена только пара слов с явно выраженной назализацией долгих гласных, противопоставленных долгим чистым, благодаря чему различается смысл этих слов. Так, слово *ээрер* в тофаларском языке, произнесённое с чистым долгим *ээ*, означает ‘крутить’, но с назализованным *ээ* уже означает ‘лаять’, *саат* с чистым долгим *аа* означает ‘препятствие, задержка’, а с назализованным *аа* – ‘жевательная сера’.

В тувинском языке назализация выступает как признак полноправных фонем. Так, например, если сказать по-тувински *чаа* с чистым долгим гласным, то это будет означать ‘война’, если же с долгим назализованным гласным *аа*, то это будет ‘новый’. И такое различие проходит по многим словам тувинского языка, хотя на письме никак не обозначено. Только контекст приходит на помощь. Тофаларский язык использует другой способ различения подобных слов, например, *чаа* означает ‘война’, а *няа* ‘новый’.

Существенным отличием вокализма тофаларского языка от тувинского является наличие наряду с *ээ* долгого *ээ*, равно как и кратких *э* и *эь*, вместо тувинских *ээ*, *э* и *эь*, особенно в непервых слогах многосложных слов и в односложных словах с долгим гласным, например: тоф. *худаэ* – тув. *хүдээ* ‘зять’, тоф. *бирээ* – тув. *бирээ* ‘один’, тоф. *һераам чоқ* – тув. *хөрээм чок* ‘мне не нужно’, тоф. *тишектээр* – тув. *бижектээр* ‘употреблять нож’, тоф. *бээр* – тув. *бээр* ‘даст’, тоф. *бээрда* – тув. *бээрде* ‘когда даст’ и т.п.

Кроме того, для тофаларского языка характерно особое явление опереднения (типа умлаута) твёрдорядных долгих гласных или дифтонгов, появляющихся и в корневых словоформах и на стыке морфем, если при этом образуется двоеслог с интервокальным среднеязычным сонантом **y* (*j*). Так, на месте двоеслога *айы* появляются либо *ээ*, либо *аз* – *эи*, либо *эй*, например: тоф. *ай* ‘луна; месяц’ – *ээ* – *аз* ‘его луна; его месяц’ (< **айы*), тоф. *чээнды* – тув. *чайынды* ‘наледь’, тоф. *һээнды* – тув. *хайынды* ‘вскипел (*нар, чай*)’. Двоеслог *ойы*–*ойу* дал *өө*–*өө*, например: тоф. *моон* – *моон* – тув. *моюн* ‘шея’, тоф. *оон* – *оон* – тув. *оюн* ‘игра’, но обязательной нормы произношения здесь нет и возможны варианты типа *ои* – *оэ* тоф. *оин* – *оин* ‘игра’. Двоеслог *уйу* дал *үү*, например: тоф. *буй* ‘пах’ – *бүү* ‘его пах’ (< **буйу*), тоф. *үүдар* ‘грустить’ (< **үүудар* < монг. *uyidaqu* id.). Двоеслог *ыйы* дал *иы*, например: тоф. *мише* – тув. *мыйыс* ‘рога’, тоф. *миит* – тув. *мыйыт* ‘ленок’, тоф. *һааштыры* – тув. *хыйыштыр* ‘наискось’. Двоеслог *уйы* дал либо долгий гласный *иы*, либо дифтонг *yi*, например: тоф. *чорин берген* ‘уехал’ из

**чоруйы берген* (< *чору-* 'уезжать'), тоф. *чуи берген* 'вымыл' из **чуйы берген* (< *чу-* 'мыть').

Для тофаларского языка характерно появление опереднённых долгих гласных или дифтонгов на месте подобных двоеслогов, оказавшихся на стыке морфем. Это происходит автоматически, как было показано в последнем случае, и не имеет исключений. Так, например, только по этой причине аффикс отрицательного деспричастия всегда звучит как *-бейн* и в мягкорядных, и в твёрдорядных словах (ср. тоф. *ацнавейн туру* 'не охотится' < **ацнабайын туру*, тоф. *барбейн туру* 'не уходит' < **барбайын туру*). Здесь двоеслог **айы*, появившийся в твёрдорядном варианте этого аффикса **-байын* закономерно дал мягкорядный дифтонг *ей*. Такие двоеслоги в тофаларском языке обычно возникают при образовании форм личной принадлежности у существительных, оканчивающихся на *-й*, или при присоединении деспричастия на *-йы* (ср. др.-тюрк. *-ji* ~ *-ju*) к глагольным основам, имеющим на конце гласную, например: тоф. *ай* 'луна; месяц' - *эз* ~ *аз* 'его луна; его месяц' < **айы* (ср. тув. *айы* id.), тоф. *ацна* 'охотиться' - *ацнаэ берген* 'стал охотиться' < **ацнайы берген* (ср. тув. *ацнай берген* id.), тоф. *чору* 'уезжать' - *чорий берген* 'уехал' < **чоруйы берген* (ср. тув. *чоруй берген* id.).

Происходит в тофаларском языке и опереднение кратких (чистых и фарингализованных) гласных под влиянием соседних среднеязычных и палатализованных согласных, например: тоф. *чеш* (< **чаш*) 'новорожденный' (тув. *чаш* 'младенческий; молоко'); тоф. *чешы* (< **чашы*) 'волосы на голове человека' (тув. *чашы* 'женская коса на голове'); тоф. *неш* (< **ниш* < **ыниш*) 'дерево; дрова' (тув. *ыниш* id.); тоф. *неньчык* (< **ничык* < *нич* 'бок') 'маленькая сумочка для мелких вещей' (тув. *чанчык* 'кисет; футлярчик' < *чан* 'бок'); тоф. *шай* (< **шай*) 'чай' (тув. *шай* id.).

Указанные выше особенности вокализма, проявляющиеся регулярно и массово, придают тофаларскому языку заметное своеобразие, хотя по составу гласных фонем, по противопоставлению чистых кратких, фарингализованных кратких, долгих чистых и назализованных гласных тофаларский язык в общем сближается с тувинским языком, равно как и другие тюркские языки таёжного ареала саянской подгруппы - соётский в Бурятии, шатанский уйгурский и урянхайско-уйгурский в Монголии, а также степного ареала саянской же подгруппы - язык кёк-мончаков и тувинцев Ценгельского сомона в Монголии (по нашим наблюдениям).

В области консонантизма тофаларский и тувинский языки имеют принципиальные различия. Для системы согласных тувинского языка характерно деление на шумные согласные и сонанты. Шумные в свою очередь делятся на сильные и слабые согласные. Сонанты являются сверхслабыми согласными. Вся тувинская система согласных построена, таким образом, на противопоставлении сильных, слабых и сверхслабых фонем. При этом сильные и слабые противопоставляются только в анлауте, например: тув. *лар* 'тигр' - *бар* 'есть, имеется', *паш* 'чугунный котёл' - *баш* 'язва', *пай* 'летающая мишень' - *бай* 'богатый', *тараа* 'зерно' - *дараа* 'следующий', *түс* 'отдельный' - *дүс* 'соль' и т. п.

Для инлаута и ауслаута характерны слабые согласные фонемы. В положении между гласными и после сонорных они озвончаются, а в сочетании с другими шумными всегда выступают глухие варианты. В ауслауте же шумные используются всегда в глухом варианте. Попадая при морфологическом изменении слова в интервокальное положение, этот конечный глухой слабый озвончается, например: тув. *ат* 'имя' - *ады* 'его имя', *аьт* 'лошадь' - *аьды* 'его лошадь', *аат*

'укачивай ребёнка' – *аадар* 'будет укачивать ребёнка'; *паш* 'котёл' – *пажы* 'его котёл', *баш* 'язва' – *бажы* 'его язва', *баьш* 'голова' – *баьжы* 'его голова'; *ас* 'заблудись' – *азар* 'заблудится', *аьс* 'повесь' – *аьзар* 'повесит' и т. п. Закономерности озвончения таковы: *с – з*, *ш – ж*, *к – з*, *п – в* (через *б*), *т – д* и т. д.

Тофаларский язык даёт иную систему согласных. Хотя в нём представлены шумные (сильные и слабые) и сонанты (сверхслабые), но организованы они в систему совсем по другому принципу. Здесь в анлауте практически нет противопоставления сильных и слабых согласных, как это наблюдается в тувинском языке. Встречаются буквально единичные случаи противопоставления слов по качеству согласных в анлауте; ср.: тоф. *паш* 'котёл' – *баш* 'язва', *тац* 'нет, не знаю' – *дац* 'утренняя зоря'. При этом слова *баш* и *дац* могут произноситься и с глухими вариантами – *паш* и *тац*, если эти слова попадают в позицию после глухих. У слов же *паш* 'котёл' и *тац* 'нет, не знаю' анлаут никогда не озвончается.

Следует признать, что в основном в анлауте тофаларских слов представлены либо всегда глухие сильные шумные согласные, никогда не озвончающиеся, как например, *сен* 'ты', *сан* 'число', *шэй* 'чай' и т. п., либо только слабые, могущие произноситься как в глухих, так и звонких вариантах в зависимости от позиции, например: *чору* ~ *чору* 'идёт, едет', *чер* ~ *чер* 'земля', *қан* ~ *ган* 'кровь', *кайда* ~ *гайда* 'где', *балык* ~ *палык* 'рыба', *хоор* ~ *гоор* 'увидит', *кеьш* ~ *геьш* 'шкура', *таш* ~ *даш* 'камень'.

Противопоставление же согласных, причём такое, на котором строится вся система согласных в тофаларском языке, происходит в конце корневых основ, при этом оно сохраняется даже в тех случаях, когда эти согласные попадают на стыке морфем в интервокальное положение. Сильные согласные всегда сопровождаются в первом слогте фарингализованными гласными, а слабые всеми остальными: краткими чистыми, долгими и дифтонгами. Слабые согласные, попав в интервокальное положение, как правило озвончаются или чередуются с другими звонкими, но могут произноситься и полувонко, например: тоф. *қат* 'кожаный мешок' – *қабы* 'его мешок', *қат* 'ягода' – *қады* 'его ягода', *ас* 'заблудись' – *азар* 'заблудится', *ақ* 'белый; белок' – *ағы* 'его белок', *баш* 'язва' – *бақы* 'его язва'.

Сильные же согласные в положении между гласными частью сохраняются без изменения, иногда лишь слегка геминируя: это согласные *т*, *с*, например, *қашт* 'слой' – *қашты* ~ *қаштты* 'его слой', *аьс* 'повесь' – *аьсар* ~ *аьссар* 'повесит', частью же претерпевают некоторые изменения, чередуясь по схеме *к – һ* (*аьқ* 'теки' – *аьһар* 'потечёт'), *к – һ* (*төьк* 'пролей' – *төьһер* 'прольёт'), *ш – һь* (*баьш* 'голова' – *баьһи* ~ *беьһи* 'его голова'), *п – п-ф* (*қашп* 'поймай ртом' – *қашпар* ~ *қашфар* 'поймает ртом').

В силу указанных закономерностей тофаларские слова в потоке речи становятся для носителя тувинского языка, ухо которого настроено на другую систему консонантизма, не узнаваемыми. Так, например, тувинские слова *азар* 'потечёт' и *ажар* ~ *ажыгар* 'откроет' в тофаларском языке различаются только палатализацией согласного *һ*, то есть *һ – һь*: *аьһар* 'потечёт' – *аьһяр* 'откроет', тувинские словоформы *бажы* 'его язва' и *баьжы* 'его голова' различаются фарингализацией гласного, в тофаларском же языке – не только гласным, но и согласным: *бақы* 'его язва' – *баьһи* ~ *беьһи* 'его голова' и пр.

Кроме того, среди сонантов в тофаларском языке широко представлен инициальный смычный среднеязычный носовой *нь*- на месте тувинской аффрикаты *ч-;* ср.: тоф. *ништ* – тув. *чишт* 'молодой', тоф. *нин* – тув. *чан* 'иди домой', тоф. *нёон* – тув. *чоон* 'толстый' и др. Появление *нь* связано, по нашему убеждению,

со среднеязычной артикуляцией тофаларской анлаутной аффрикаты $t \sim t' \sim t'' (< *j)$, имеющей варианты $тб - дь$, и с влиянием общей назализованности произношения, так называемой гнусавостью. Наличие носового сонанта $нб - и$ вместо ртвовой аффрикаты $t \sim t' \sim t'' (< *j)$ во многих словах проходит своеобразной ареальной полосой по ряду языков Саяно-Алтая: тофаларскому, соётскому, хакасскому, шорскому, алтайским северным диалектам. При этом в хакасском и шорском языках на месте среднеязычного $нб$ представлен обычный переднеязычный носовой сонант $и$ типа *наи* 'бок', *наи* 'новый'. В соётском языке и в алтайских северных диалектах здесь стоит среднеязычный сонант $нб$, как и в тофаларском языке, например: тоф. *няа*, соёт. *няа*, тубал. *няны* 'новый'. Среднеязычный характер $нб$ в тубаларском диалекте алтайского языка, например, поддерживается среднеязычной артикуляцией аффрикаты $дб (< *j)$, из которой он и развился, о чём мы уже писали ранее [Рассадин 1976: 57–60].

По нашим наблюдениям, систему согласных, аналогичную тофаларской, имеют тюркские языки таёжного ареала саянской подгруппы, в которую входят помимо тофаларского также соётский, цаатанский уйгурский и уйгуро-уринхайский языки. Такую же систему консонантизма, что и в тувинском языке, имеют языки кёк-мончаков и тувинцев Ценгельского сомона Монголии.

Таким образом, проведённое выше сопоставление фонетики тофаларского и тувинского языков позволяет заключить, что тофаларский язык в своём звуковом составе помимо ряда сходств с тувинским языком имеет принципиальные расхождения, не позволяющие согласиться, как мы уже говорили выше, с мнением Н.А. Баскакова, что тофаларский язык должен считаться диалектом тувинского языка. Материал приводит нас к тому, что тофаларский язык самостоятельный язык и образует вместе с языком соётов Бурятии, цаатанов уйгуров и уйгуро-уринхайцев Монголии отдельный таёжный ареал. Тувинский же язык объединяется с языками кёк-мончаков и тувинцев Ценгельского сомона Монголии в другой, степной ареал.

Оба эти ареала имеют определённые сходства не только в звуковом составе, но и в грамматике и лексике, позволяющие объединить их в одну подгруппу саянских тюркских языков, существующую самостоятельно и параллельно с уйгуро-тукуйской подгруппой древних тюркских языков и с подгруппами хакасской и якутской современных тюркских языков. Объединять древние уйгурский и огузский языки и современные тувинский и тофаларский языки в одну подгруппу, которая якобы существует параллельно с современными якутской и хакасской подгруппами, было бы не совсем корректно, поскольку современные якутский и долганский языки по многим признакам сближаются как с древними уйгурским и огузским языками, так и с современными саянскими. Поэтому классификация сибирских тюркских языков требует уточнения в связи с появлением новых материалов.

По нашему мнению, уточнённая классификация сибирских тюркских языков в упомянутой классификации Н.А. Баскакова может выглядеть следующим образом. Предложенная нами классификация не является окончательной. Здесь особняком стоят южные диалекты алтайского языка, сближающиеся с современным киргизским языком.

Более расширенный и углублённый сравнительный анализ строя сибирских тюркских языков позволит найти более точное, оптимальное решение данной проблемы.

II. Уйгуро-огузская группа.

1. Уйгуро-тузкойская подгруппа – древнеуйгурский язык
древнеогузский язык
2. Саянская подгруппа – степной ареал:
тувинский язык
язык кёк-мончаков
язык тувинцев Ценгельского
сомона
– таёжный ареал:
тофаларский язык
соётский язык
язык уйгуров цаатанов
уйгуро-урянхайский язык
3. Якутская подгруппа – якутский язык
долганский язык
4. Хакасская подгруппа – хакассский язык
шорский язык
чулымско-тюркский язык
язык тубаларов
язык челканцев
язык кумандинцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. – М., 1969.
- Исхаков Ф.Г., Палымбаев А.А.* Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. – М., 1961.
- Рассадин В.И.* Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ, 1971.
- Рассадин В.И.* Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1976.
- Рассадин В.И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978.

Rassadin, Valentin I. Tofa and Tuvan phonetic systems

Summary. The article presents a comparison of the vocalism and consonantism as well as the behavior of sounds in the speech flow of the two closely-related languages – Tofa and Tuvan aiming at determining their common and distinctive phonetic features. A claim by N. A. Baskakov that Tofa is a dialect of Tuvan is put to test. This comparison showed that the Tofa consonantism is organized according to different principles than the Tuvan one, while featuring overlapping vocalism systems. Tofa is closely related to the Soyot, Tsataan Uyghur and Uriankhai Uyghur languages that form the taiga subgroup of Sayan Turkic languages, while Tuvan along with Kók-Monchak and Tsengel Somon (Mongolia) forms the steppe subgroup of Sayan Turkic languages. Both sub-branches constitute a separate Sayan branch of Turkic. The author also presents a classification of Siberian Turkic languages developed by him.

Key words: vocalism, consonantism, Tofa, Tuvan, vowel pharyngealisation, long vowels, diphthongs, strong consonants, weak consonants, sonorants.

ИНДИРЕКТИВНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ШОРСКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Шаламай, г. Новокузнецк

Резюме. В этой статье описывается ряд форм шорского языка, одного из тюркских языков Западной Сибири. Это формы *-(n)чаттыр* и *-(n)Тыр*, а также аналитические формы глагольного сказуемого, состоящие из причастия лексического глагола и частицы *лалтыр*, являющейся формой на *-(n)Тыр* от глагола *лал* 'существовать', которые способны выражать и эвиденциальную, и миративную семантику. Этот кластер значений обозначается термином «индирективность». В различных контекстах тюркские индирективные формы могут также выражать инференцию, адмиративность, пересказывательность и т.д., но они исторически связаны с выражением перфектного значения. В нашу задачу входит определение статуса этих форм в глагольной системе современного шорского языка.

Ключевые слова: шорский язык, морфология, перфект, эвиденциальность, (ад)миративность, индирективность

1. К соотношению понятий эвиденциальности и миративности

В этой статье описываются две глагольные формы шорского языка, одного из тюркских языков Западной Сибири. Эти формы *-(n)чаттыр* и *-(n)Тыр* способны выражать и эвиденциальную и миративную семантику. В нашу задачу входит определение их статуса в глагольной системе шорского языка.

Эвиденциальность (засвидетельствованность) – это категория, которая указывает на источник сведений о сообщаемом факте. Говорящий сообщает о событии, основываясь на данных, полученных от другого лица (цитация), на снах (сведениях, полученных путем откровения), на догадках (на предположительных сведениях) или на собственном прошлом опыте (сведениях, извлекаемых из памяти). [Chafe & Nichols 1986; Willet 1988; Evidentials 2000; Эвиденциальность 2007].

Общепризнанной является следующая классификация эвиденциальных значений. Информация может быть получена говорящим посредством: (1) чувственного восприятия факта; (2) логического умозаключения по некоторым внешним признакам (инференция); (3) сообщения о факте со стороны другого лица или лиц (пересказывательность) [Эвиденциальность 2007].

Соответственно, эвиденциальность подразделяется на прямую (1) и косвенную (2) и (3). Под прямой эвиденциальностью подразумевается сообщение говорящего, основанное на данных, полученных им с помощью зрения, слуха, обоняния, общего ощущения, т.е. с помощью собственных органов чувств. Однако для многих языков прямая эвиденциальность выступает только как зрительное восприятие, связанное с личным присутствием говорящего. Данные, полученные через другие органы чувств, часто маркируются формами косвенной эвиденциальности. Одним из частных случаев косвенной эвиденциальности является *ин-*

ференция – утверждение, основанное на логическом выводе. Говорящий описывает предполагаемую ситуацию по некоторым наличествующим признакам, но не является ее непосредственным наблюдателем. При пересказывательном значении сообщение говорящего основано на информации, переданной другим лицом – «хозяином» информации. [Эвиденциальность 2007]

Эвиденциальность может выражаться лексически и грамматически (морфологически и синтаксически). Во многих языках значение косвенной эвиденциальности передается при помощи перфекта или форм, восходящих к префекту. Н.А. Козинцева предполагает, что семантика эвиденциальности исторически связана с результативностью – говорящий на основе некоторого наличного результата делает утверждение о предшествующих событиях, основанное на его умозаключении [Эвиденциальность 2007; Козинцева 1991.]

(Ад)миративность – выражение удивления по поводу неожиданного обнаружения факта [DeLancey 1997; Evidentials 2000; Эвиденциальность 2007]. Адмиративность – это категория, которая родственна эвиденциальности, поэтому формы эвиденциальности часто служат и выражением адмиративности. Однако вызывать удивление могут и события, свидетелем которых был сам говорящий, и события, о которых он услышал от других людей, или информацию о которых он получил путем инференции. Тем самым, это две разные логические категории.

В тюркских языках существуют формы, которые способны выражать и косвенную эвиденциальность (*Оказывается, он уже пришел* – в контексте, когда говорящий не видел факта совершения этого события, а делает вывод о его совершении на основании косвенных данных), и миравитивность в контексте прямой эвиденциальности (*Оказывается, она хорошо играет на гитаре* – в контексте, когда говорящий является сам свидетелем сообщаемого события). Их основное значение лучше всего передается русским модальным словом *оказывается*. Они передают не прямое, индирективное, по терминологии Л. Юхансона, сообщение о событии, опосредованное либо косвенным источником информации, либо нежеланием говорящего нести полную ответственность за достоверность этой информации: *насколько я могу судить, ..., судя по тому, что мне представляется, ...* и т.п. [Johanson 2000b; Баджанлы 2005].

По определению Л. Юхансона, индирективность – лингвистическое выражение следующего: «Eⁿ представляется через P». Это обозначает, что нарративное событие Eⁿ заявляется (описывается) не прямо, а косвенным способом: упоминанием, ссылкой на его получение субъектом, обладающим органами чувств и сознанием. Перевод таких событий на русский язык сопровождается словами *оказывается, очевидно, вероятно, кажется, показалось, выяснилось, выясняется* и т.д. При этом неважно, получена информация при помощи слухов, логического заключения или прямого восприятия. Получатель информации P – не обязательно говорящий, но и участник события [Johanson 2000b]. Первичное описание таких форм в шорском языке, хотя часто и в других терминах дано Н.П. Дыренковой, (1941), Д.М. Насиловым (1983) и другими [Невская 2001; Nevskaya 2002; Исхакова и др. 2007].

В различных контекстах тюркские индирективные формы могут также выражать инференцию, адмиративность, пересказывательность и т.д., но они исторически связаны с выражением перфектного значения. Являются ли соответствующие индирективные формы всё ещё формами перфекта и в современных тюркских языках, или они претерпели развитие в сторону форм времени, эвиденциальности или индирективности? Ответ на этот вопрос необходимо давать

путём анализа употребления каждой из затронутых форм в каждом тюркском языке в отдельности.

Для более подробной характеристики данных форм в современном шорском языке мы обращаемся к теории «операторов, выражающих точку зрения наблюдателя на событие», разработанную Ларсом Юхансоном. Они включают в себя в первую очередь аспектуально-временные операторы, причём аспект и акционсарт строго различаются между собой как категория грамматическая (аспект) и лексико-грамматическая (акционсарт) [Johanson 2000a]. Теория опирается на следующие основные понятия. В плане аспектуальных значений различаются:

1. интрагерминальность (intraterminality) – значение представления действия в его протекании, фиксирование точки зрения наблюдателя на действие в момент, когда оно уже протекает, т.е. его начальный предел уже преодолен, но оно еще не достигло своего естественного конечного предела, если он имеется (Intra);

2. постгерминальность (postterminality) – значение представления действия после достижения им своего естественного конечного предела (Post), сравните «эхо минувшего события» [Плунгин 2000];

3. адгерминальность (adterminality) – значение представления действия в момент достижения им своего естественного конечного предела (Ad); это значение характерно для славянских языков.

Соответственно, аспектуальные формы могут характеризоваться наличием значений постгерминальности (+Post), интрагерминальности (+Intra), адгерминальности (+Ad) или их отсутствием (-Post, -Intra, -Ad).

Действие может протекать в прошедшем или непротекать (настоящем или будущем) времени. Здесь мы тоже будем использовать символику Ларса Юхансона: действие в прошлом = +Past, действие в настоящем или будущем = -Past.

Наиболее подходящими претендентами на статус индириктивных форм в шорском языке являются формы на *-(n)ТЫр* и *-(n)чаттыр*, а также аналитические формы глагольного сказуемого, состоящие из причастия лексического глагола и словоформы *полтыр*, являющейся формой на *(n)ТЫр* от глагола *пол- 'существовать'*.

2. Форма на *-(n)ТЫр*

2.1 «Простая» форма на *-(n)ТЫр*

Грамматические описания шорского языка по-разному оценивают эту форму: 1) прошедшее сложное второе, когда действие, совершено в прошлом, его очевидцем, как правило, говорящий не был [Дыренкова 1941]; 2) прошедшее заглазное (*оказывается*) [Языки 1966]; 3) прошедшее заглазное – действие не всегда достоверное, совершенное в прошлом, очевидцем которого говорящий не был; действие неожиданное и необычное; служит для оживления рассказа [Курпешко, Широбокова 1991]; 4) прошедшее неожиданное – действие, совершенное в прошлом и которое вызывает у говорящего удивление [Чиспяков 1992].

В общетюркологическом плане эта форма описывается как форма, выражающая «действие, совершенное в прошлом, очевидцем которого, как правило, говорящий не был» [СИГТЯ 2002], а также как форма, которая описывает действие, «о котором говорящий слышал, но сам его исполнения не видел, а также действие неожиданное и необычное» [Эвиденциальность 2007]

Тем самым, как для шорского языка, так и для других тюркских языков, имеющих эту форму, отмечается наличие у нее значений косвенной эвиденциальности и митаривности, но этим её семантика не исчерпывается. Фразу шор. *Ол келтир* 'Он, оказывается, пришёл' можно употребить и в контексте, когда говорящий судит о событии по косвенным признакам или по информации, полученной от другого лица, и в контексте, когда он сам является свидетелем этого события.

Рассмотрим некоторые контексты с формой на *-(n)Тыр* в шорском языке.

- (1) *Пир кижн Кемчик тайга-зын-а ачық-қа*
 один человек Кемчик гора-poss3-dat промысел-dat
нар-тыр
 идти-ind

'Один человек, сказывают, на гору Кемчик отправился на промысел (оказывается)'. – В этом контексте реализуются следующие значения формы на *-(n)Тыр*: +PAST (+POST) в комбинации со значением косвенной эвиденциальности (пересказываемости) и индирективности.

- (2) *Мен эжик-ти чаа-п сал-арга*
 я дверь-асс закрыть-cv положить:aux-ind
ундут сал-тыр-ым.
 забыть положить:aux-ind-1sg

'Я забыл (оказывается) запереть дверь'. – В этом контексте реализуются следующие значения формы на *-(n)Тыр*: +PAST (+POST) в комбинации со значением митаривности при косвенной эвиденциальности (инференции) и индирективности. Последствия прошедшего действия актуальны и для момента говорения (дверь незаперта).

Подобная комбинация аспектуально-временных значений (+Past (+Post)) характерна для большинства случаев употребления данной формы, ср. также (3).

- (3) *Қара талай қаж-ын-да тбк чер-де*
 черный море берег-poss3-loc возвышенный место-loc
алтын брге чайал-ын үз-үн шық-тыр.
 золотой дворец сотвориться-cv расти-cv выйти:aux-ind

'На берегу черного моря на небольшой возвышенности золотой дворец, сотворившись, воздвигся.' – В этом контексте реализуются такие значения формы на *-(n)Тыр*: +PAST (+POST) в комбинации со значением косвенной эвиденциальности (пересказываемости) и индирективности. Последствия прошедшего действия актуальны и для момента говорения (дворец стоит).

- (4) *Мен апаң көр-ген-им, Миша-*
 я потом видеть-ppart-1sg Миша
ача-м-ның штаны сирлеж-е пер-тыр.
 дядя-poss1sg-gen штаны трястись-cv давать:aux-ind

'(Вдруг) я заметил, что у дяди Миши (от испуга) штаны трясутся/затряслись (оказывается)'. – В этом контексте реализуются значения формы на *-(n)Тыр*: PAST (+POST) в комбинации со значением прямой эвиденциальности и индирективности. Поскольку форма *-(n)Тыр* присоединяется к показателю начинательного способа глагольного действия неопределенного глагола *сирлеи-*, действие этого глагола, начавшись, продолжается в момент говорения.

Таким образом, стабильными компонентами значения формы на *-(п)Тыр* в разных контекстах в шорском языке являются посттерминальность и индирективность. Эта форма выражает либо отнесенность действия к прошедшему времени, часто при сохраняющихся последствиях этого результативного действия, либо к настоящему времени, если делается акцент на состоянии, возникшем как результат всего действия или отдельной его фазы; следовательно, определение этой формы как формы прошедшего времени не совсем корректно. С одной стороны, её семантической доминантой является аспектуальное значение посттерминальности, т.е. эту форму следует определять как перфектную. С другой стороны, мы регистрируем значение индирективности во всех контекстах её употребления, поэтому мы считаем её основной функцией выражение индирективности, которое развивается на основе её перфектного значения. Миративность и эвиденциальность являются сопутствующими значениями. Возможны значения как прямой, так и косвенной эвиденциальности, соответственно, неправомерно определять эту форму как форму «заглазного» действия.

2.1. Аналитические формы глагола с *полтыр*

Индирективность выражают и аналитические конструкции с грамматикализованной формой на *-(п)Тыр* от глагола *пол-* 'быть, стать'. Эти конструкции состоят из причастия лексического глагола и *полтыр*, они традиционно рассматриваются как «сложные времена» с дополнительной характеристикой пересказываемости и адмиративности [Дыренкова 1941: 210–212; Чисняков 1992: 215–221]. Как показывает наш анализ контекстов с их употреблением, они встречаются преимущественно в фольклорных текстах. Хотя и им присуща индирективность, их семантическая доминанта всё же косвенная эвиденциальность, а именно пересказательность.

2.1.1. Причастие на *-Ган* + *полтыр*

Эту форму в грамматических описаниях шорского языка определяют как «давнопрошедшее сложное», т.е. выражающую действие, которое совершилось до какого-то момента в прошлом. При этом результаты действия глагола предельного сохраняются и в референционный момент времени, или же само неопределённое действие всё ещё продолжается, т.е. эта форма не обладает аспектуальной характеристикой перфектности, хотя в ней участвуют и перфектное причастие и перфектная форма вспомогательного глагола. Эта форма часто используется в эпических текстах, повествующих о давно прошедших событиях, свидетелем которых говорящий не был, но знает о них понаслышке; её значениями являются косвенная эвиденциальность (6), часто в сопровождении миративности (5); семантической константой этой формы остается индирективность, см. (5) и (6).

- (5) *Ақ-қан* *талай ақ* *айран-ма*
течь-part.prf море белый айран-instr
урул-ган *пол-тыр*
литься-part.prf стать:aux-ind

'Протекавшее море белым айраном наполнено было, оказывается.'

- (6) *Анда ур* *чат-қан* *пол-тыр-лар*
там долго жить-part.prf стать:aux-ind-3pl

'Они там, оказывается, долго жили.'

2.1.2. Причастие на *-чатқан + полтыр*

Эта форма часто выражает «действие, совершившееся в определенный момент отдаленного прошлого, которое вызывает у говорящего удивление фактом своего совершения» [Чиспяков 1992: 219], т.е. в определенных контекстах она выражает адмиративность, см. (7). В её составе находится имперфектное причастие на *-(п)чатқан*. Видимо, благодаря этой форме её действие обладает аспектуальной характеристикой интратерминальности. Следствием этого является то, что её действие одновременно с другими описываемыми событиями в прошлом. Однако наиболее ярким компонентом её значения является косвенная эвиденциальность и индирективность.

- (7) *Алабей тебир тыт-тың тос-ўн-де*
 Алабей железо лиственница-gen основание-poss3-loc
чат-чатқан пол-тыр.
 жить-ind.impf.part стать:aux-ind

Алабей тогда жил, оказывается, у основания железной лиственницы.

2.1.3. Причастие на *-ГААК + полтыр*

Данное причастие выражает кункативное значение [Плунгян 2000], т.е. значение еще не совершившегося действия. В сочетании с *полтыр* эта форма, как и предыдущие аналитические формы, маркирует косвенную эвиденциальность и индирективность, в некоторых контекстах адмиративность.

- (7а) *Сагай ўс-келек пол-тыр.*
 сарана расти-sunc.part стать:aux-ind

Сарана, оказывается, еще не выросла.

2.1.4. Причастие на *-ГАДЫҒ + полтыр*

Эта форма выражает действие, которое должно было свершиться в прошлом; в возможности совершении этого действия говорящий был уверен, но не был его свидетелем и узнал о возможности совершения этого действия от третьих лиц. Соответственно, говорящий применяет непрямую, индирективную, перспективу представления данной ситуации. Остается невыраженным, совершилось ли действие или нет. Индирективность, косвенная эвиденциальность и иногда адмиративность являются компонентами семантики этой формы.

- (8) *Ол нар-гадығ пол-тыр.*
 он прийти-deb:part стать:aux-ind

Он, оказывается, должен был непременно прийти (но я сам этого не видел).

2.1.5. Причастие на *-ЧАҢ + полтыр*

Данная форма выражает действие, которое постоянно совершалось в прошлом, при наличии компонентов индирективности, пересказывательности и адмиративности в её семантике.

- (9) *Ол кыргыз-тар табақ тап ал-ганда Сагай*
 тот киргиз-pl хлеб найти взять:aux-cv Сагай
саара аңгар-чаң пол-ты(р)-лар.
 направление взять-идти-hab.part стать:aux-ind-pl

Те кизгизы, найдя хлеб, увозили его, говорят, в направлении Сагайской степи.

(10)	<i>Кара</i>	<i>Торгу-м</i>	<i>чоҕ-та</i>	<i>по</i>	<i>чырык-қа</i>
	Кара	Торгу-poss1sg	нет-loc	этот	свет-dat
	<i>ноога</i>	<i>чѳр-чең</i>			<i>пол-га-м?!</i>
	зачем	ходить-part.hab			статья:aux-prf-1sg

‘Без моей [возлюбленной] Кара Торгу по этому свету зачем я ходил (констатирует говорящий неутешительное для себя событие)?!’

4. Форма на *-(n)чаттыр*

Эта форма сложилась из изначально акциональной формы *-(Ы)п чат-*, придающей значение имперфективности лексическому глаголу, в сочетании с формой на *-(n)Тыр*. Оба вспомогательных глагола слились в единый комплекс, так как форма способа глагольного действия на *-(Ы)п чат-* в шорском языке стянулась с разнообразными другими временными или аспектуальными показателями в комплексные показатели различных аспектов и/или времен. Доказательством того, что форма на *-пчаттыр* не является суммой двух показателей, является то, что её значение не складывается из суммы значений показателей имперфективности и перфекта, которые друг другу противоречат по своим акционально-аспектуальным характеристикам.

Данная форма также получила различные толкования в тюркологической литературе в целом и в шорской филологии, в частности: настоящее сложное – действие, совершающееся до момента речи или в момент речи; действие, о котором говорящий узнает во время его совершения или после; действие, свидетелем которого говорящий не был [Дыренкова 1941]; настоящее заглавное, или неожиданное (оказывается) [Языки 1966]; настоящее заглавное – обозначает действие, которое совершается до момента речи или в момент речи; действие, свидетелем которого говорящий не был [Курпешко, Широбокова 1991]; настоящее неожиданное – действие, совершающееся до момента речи или в момент речи; действие, о котором говорящий узнает во время его совершения или после; действие, свидетелем которого говорящий не был, которому он несколько удивлен, которое для него несколько неожиданно [Чиспяков 1992]. Сравнительно-историческая грамматика не отмечает данной формы, видимо, считая, что это вариант форманта *-(n)Тыр* [СИГТЯ 2002].

По нашему мнению, этот аффикс обладает аспектуально-временной характеристикой, отличной от аффикса *-(n)Тыр*, поэтому мы считаем его отдельной аспектуально-временной формой. Рассмотрим ряд примеров на употребление этой формы.

(11)	<i>Парча-зы</i>	<i>чақыы</i>	<i>иште-пчаттыр-лар.</i>
	все-poss3	хорошо	работать-ind.imp-pl

‘Все работают хорошо, оказывается’. – В данном примере эта форма обладает следующими аспектуально-временными характеристиками: –PAST (+INTRA) при индириктивности высказывания в контексте прямой эвиденциальности (говорящий сам убедился в том, что все работают хорошо).

(12)	<i>Мен</i>	<i>мында</i>	<i>тур-чаттыр-ым!</i>
	я	здесь	стоять-ind.imp-1sg

‘Оказывается, я здесь стою!’ – В данном примере форма обладает следующими аспектуально-временными характеристиками: –PAST (+INTRA) при ин-

директивности высказывания в контексте прямой эвиденциальности и митаривности (говорящий сам удивлен по поводу того действия, которое он сам же производит).

(13)	Аркадий-	ача-м-ма	Миша-	ача-м,	ийгеле
	Аркадий-	дядя-poss1sg-instr	Миша-дядя-poss1sg	вдвоем	
по	Кыдас-тын	таг-лар-ын-га		чёр-лн,	
этот	Кыдас-gen	гора-pl-poss3-dat		ходить-св	
тескере-тамаш-тар		арна-чат(т)ыр-лар,			
крот-pl		охотиться-ind.imp-pl			
эртен	шар	көдүрө-ге	одур-чат(т)ыр-лар,		
утро	вечер	болото-dat	сидеть-ind.imp-pl		
бир	киик	ат	саз,	аян	эд-ин
один	косуля	стрелять	положить:aux	его/её	мясо-poss3acc
чи-п		чат-чат(т)ыр-лар,			
есть-св	лежать:aux-ind.imp-pl				

Оказывается, дядя Аркадий с дядей Мишей охотились на кротов в горах у Кыдаса, а утром и вечером сидели на болоте, подстрелили одну косулю, вот ее мясо и ели. – В данном примере форма на *-чаттыр* обладает следующими аспектуально-временными характеристиками: +PAST (+INTRA) при индирективности высказывания в контексте косвенной эвиденциальности (об этом положении дел говорящий узнал с чужих слов).

Представленная очень ограниченная выборка примеров показывает, что квалификация этой формы как «заглазной» и как формы «настоящего времени» не соответствует действительности: форма может выражать действие, которое разворачивается в плане настоящего или прошедшего абсолютного времени в контекстах и косвенной и прямой эвиденциальности. Совершенно очевидно, что основой семантики этой формы является её аспектуальное значение интра-терминальности (имперфективности), которое сопровождается значением индирективности высказывания.

4. Предварительные выводы

В шорском языке практически отсутствуют лексические способы выражения индирективности. Формы, выражающие семантику индирективности, митаривности и эвиденциальности, также выполняют и другие функции (темпоральные или аспектуальные). Мы выяснили, что значением индирективности в той или иной степени обладают формы на *-(n)Тыр*, на *-(n)чаттыр* и аналитические формы с *полтыр*. Форма на *-(n)Тыр* все же остается перфектной и продолжает выражать аспектуальное значение посттерминальности. Однако мы регистрируем значение индирективности во всех контекстах её употребления, поэтому мы считаем её основной функцией выражение индирективности. Митаривность и эвиденциальность являются сопутствующими значениями. Возможны значения как прямой, так и косвенной эвиденциальности, соответственно, неправомерно определять эту форму как форму «заглазного» действия.

Форма же на *-(n)чаттыр* чаще выражает аспектуальное значение интра-терминальности (она может выражать действие, которое разворачивается в плане настоящего или прошедшего абсолютных времен) и сопровождается значением индирективности высказывания.

Аналитические конструкции с причастием лексического глагола и *палтыр*, как показывает наш анализ контекстов, встречаются преимущественно в фольклорных текстах. Хотя и им присуща индирективность, их семантическая доминанта всё же косвенная эвиденциальность, а именно пересказательность.

ЛИТЕРАТУРА

Баджанлы Э. Категория эвиденциальности в турецком языке в функционально-семантическом аспекте. В сопоставлении с алтайским языком / Автореф. дисс. ... кан. филол. наук. – М., 2005.

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – 306 с.

Исхакова Х.Ф., Насилов Д.М., Невская И.А., Шенцова И.В. Эвиденциальность в тюркских языках // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб.: Наука, 2007. – С. 469–519.

Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. – Л., 1991. – 143 с.

Курпешко Н.Н., Широбокова Н.Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия *-п чат, -п одур, -п тур, -п чур* в шорском языке: Учеб. пособие / Кузбасс. политехн. ин-т. – Кемерово, 1991. – 75 с.

Насилов Д.М. К характеристике количественной аспектуальности в узбекском языке // Советская тюркология, 1985, №1. – С. 64–70.

Насилов Д.М. Конструкции с модальными словами *экан* и *эмми* в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения. – Л.: Наука, 1983. – С. 175–186.

Насилов Д.М. О грамматической интерпретации бивербальных конструкций // Советская тюркология, 1987, №3. – С. 10–13.

Невская И.А. Взаимодействие категорий эвиденциальности, миративности и опосредованности в шорском языке // Категории глагола и структура предложения / Под ред. В.С. Храковского. – СПб., 2001. – С. 56–57.

Плунгин В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М., 2000.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / Под ред. Э.Р. Тенишева – М.: Наука, 2002.

Чистяков Э.Ф. Учебник шорского языка: Пособие для преподавателей и студентов. – Кемеровское кн. изд-во, 1992. – 318 с.

Эвиденциальность в языках Европы и Азии. – СПб.: Наука, 2007.

Языки 1966 – Языки народов СССР. Т.5. Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – 531 с.

Chafe, W. & Nichols, J. (ed.) Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology. – Advances in Discourse Processes XX. – Norwood, New Jersey, 1986.

DeLancey, S. Mirativity: New vs Assimilated Knowledge as a Semantic and Grammatical Category // Linguistic Typology, 1997, 1.1.

Johanson Lars. Tense and aspect in the languages of Europe. – 2000a. – 160p.

Johanson Lars. Turkic indirectives // Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages. (Empirical approaches to language typology; 20) / Johanson, L. & Utas, B. (eds). – Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 2000b. – P. 61–89.

Nevskaya I. A. Evidentials, indirectives and miratives in Shor // Scholarly depth and accuracy. A Festschrift to Lars Johanson / Demir, N. & Turan, F (eds). – Ankara: Grafiker, 2002. – P. 307–323.

Willet, Th. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality // *Studies in Language*, 1988, 12. – P. 51–97.

Сокращения

ACC – аккумулятив	IND – индиректив
±AD – адтерминальность	INF – инфинитив
aux – вспомогат. глагол	INSTR – инструменталис
CUNC – кункатив	±INTRA – интра-терминальность
CV – конверб	LOC – локатив
DAT – датив	PAST – прошедшее время
DEB – дебитив	POSS – притяжательность
GEN – генитив	±POST – посттерминальность
HAB – хабигуалис	PPAST – причаст. прошед. вр.
IMPF – имперфект	PRF – перфект

Shalamay, O.A. Indirective verb forms in Shor

Summary. The article deals with a number of verb forms the Shor language, one of South Siberian Turkic endangered languages. It describes the forms $-(p)tXr$, $-(p)çattir$ as well as analytical forms consisting of a participle of the lexical verb and the particle po/tir which is the $-(p)tXr$ form of the verb $po/$ 'to be'. These forms express both evidential and mirative semantics. This cluster of meanings is referred to by the term 'indirectivity'. In various contexts, Turkic indirective forms can express inference, hear-say evidentiality or admirativity, but all of them are historically connected with perfect. Our task is to define the status of these forms in the Shor language.

Key words: Shor, morphology, perfect, evidentiality, (ad)mirativity, indirectivity.

**ВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РАМКАХ
ТУРЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Е.М. Напольнова, г. Стамбул

Аннотация: Статья посвящена временным представлениям, выявляемым в турецкой языковой картине мира. Автор считает, что особенности отражения течения времени в современной турецкой языковой картине мира безусловно вытекают из представлений, сформировавшихся в древнетюркский период. Время в турецкой языковой картине мира представляется текущим в направлении взгляда человека, но и сам он движется в одном направлении со временем.

Ключевые слова: языковая картина мира, турецкий язык, время, пространство, времяисчисление, лексема.

Субъективность переживания времени в разных культурах и на разных стадиях развития общества приводит к формированию у разных народов в разные эпохи отличных друг от друга представлений о времени, что должно было исторически определяться рядом факторов.

В соответствии с современными научными взглядами, разделяемыми большинством учёных, различие между прошлым и будущим состоит в направлении переноса информации, т.е. пригодного для передачи человеческого опыта по освоенно жизненного пространства, из прошлого в будущее. Таким образом, в научном понимании время представляется текущим из прошлого в будущее.

Благодаря наличию общепринятой системы времяисчисления, базирующейся на данных точных измерительных приборов, представление о времени упорядочено и в сознании каждого члена современного общества. Как правило, все обладают мыслительными способностями для того, чтобы «перенестись» на век назад или на несколько лет вперёд, планировать свою деятельность в длительной перспективе, рассматривают настоящий момент как точку на разбитой на определённые отрезки временной оси, что предполагает развитость абстрактного мышления. Как следствие технического прогресса «в человеческой деятельности огромное значение приобрела категория скорости, объединяющая понятия пространства и времени» [Гуревич 1972: 45], а пространство и время «сжимаются», в результате чего мир субъективно уменьшается.

Конкретность и предметно-чувственный характер мышления древних людей, отсутствие в их сознании «сетки временных координат» заставляли находить другие «опорные точки», к которым привязывались происходящие события. «... мир представлялся вневременным – т.е. его синхрония и диахрония были неотделимы, древний человек видел и прошедшее и настоящее простирающимися вокруг себя, а временная ориентация распространялась только на непосредственное будущее, недавнее прошлое и текущую деятельность» [Гуревич 1972: 46].

Во-первых, время ассоциировалось с преодолением пространства – чем дальше от говорящего расположен объект, тем больше времени необходимо для

его достижения, что находит во всех языках выражение в наличии конструкций, определяющих расстояние через время: *a deux heures nous, Wir haben noch einen Weg von zwei Stunden vor uns, Daha iki saatlik yolumuz var* букв. 'Ещё двухчасовая дорога+наша есть' → 'Нам ехать ещё два часа'. Судя по тому, что в турецком языке (далее – ТЯ), кроме обычных для ряда языков *lange-long-длинный* и *kurz-short-короткий*, присутствует большое количество других лексем, сочетающих в себе пространственные и временные значения, а многие лексемы с временным значением этимологически восходят к пространственным представлениям, в сознании носителей ТЯ эти две формы отношений должны быть очень близки друг к другу: *trene yetişmek* 'успевать на поезд', *Tuzluğa yetişemiyorum. Bana ızatır mısın* 'Я не могу достать солонку. Передай мне, пожалуйста', *stüreyi ızatmak* 'продлять срок, пролонгировать', *nehir boyunca* 'вдоль реки', *gün boyunca* 'весь день, в течение всего дня', *birinci sırada oturmak* 'сидеть в первом ряду', *arada sırada* букв. 'в промежутке в ряду' → 'иногда', *gösteri sırasında* букв. 'показ ряд+его+в' → 'во время показа/представления'. Такой подход ещё раз подтверждает тот факт, что для кочевых народов в целом было характерно преобладающее значение пространственных представлений над временными [Гачев 1967: 83].

Во-вторых, время выражалось в циклическом повторении явлений в окружающей среде и биологическими циклами животных, растений и самого человека, ограниченности срока его жизни и смене поколений. «Традиционное древнекитайское восприятие времени – циклическая последовательность эр, династий, царствований, имеющих литургический порядок и подчинённых строгому ритму. Выразительный символ древнеиндийского понимания времени – колесо. Колесо космического порядка извечно движется, это постоянно возобновляющийся круговорот рождения и смерти» [Гуревич 1972: 47].

Соединение в одном концепте разных факторов привело к тому, что в общественном сознании формировались разные его модели: «Первой моделью времени при мифологическом миропонимании была архаическая колебательная модель, сменившаяся циклической моделью, при которой признавалось, что время всегда течёт по определённому замкнутому кругу. Циклическая модель времени постепенно преобразуется в модель «спирального времени», по мере того как между концентрическими временными циклами (кругами) стали устанавливаться определённые взаимосвязи. Раскручивание «спирали времени» в линейную конструкцию, при которой только и может появиться идея истории, происходит уже при других, более поздних формах общественного сознания» [Серебрянников 1987: 63]. Абстрагированное от конкретных событий восприятие времени у разных народов начало складываться достаточно поздно – не ранее XIII в. [Гуревич 1972: 125]. В результате сложного переплетения временных представлений у разных народов сложились последовательно сменявшие друг друга или существовавшие параллельно модели: человек может быть пассивен или активен по отношению к времени, «продвигаться» во времени лицом по направлению движения и против него; «агентом поступательного движения» [Тань 2004: 41] может выступать человеческий род или отдельный человек. В современном европейском восприятии время представляется текущим спереди по направлению к человеку и затем за него, а античные греки и представители древнееврейской культуры, видимо, считали время текущим сзади через человека и затем в бесконечность в направлении его взгляда [Степанов 1989: 21–22]. В китайской языковой картине мира (ЯКМ) нашли отражение две модели времени – линейно-историческая и антропоцентрическая, а время течёт в направлении, об-

ратном «европейскому» [Тань 2004: 33–34]. В балканской ЯКМ человек пассивен по отношению ко времени, и время течёт через него [Цивьян 1990: 75].

Материал тюркских рунических памятников показывает, что на раннем этапе развития тюркского общества для его членов первостепенное значение имело не поступательное движение времени, а повторяемость событий и количество повторений. Конкретные события обычно привязывались к возрасту меморанта или других лиц, явлениям в окружающей среде, и наиболее употребительными единицами измерения длительных периодов времени являются *jaš* ‘год жизни’ (*toquz qırq jašim[ta]* ‘в мои тридцать девять лет’ [ДТС]) и *čay / čaq* ‘время, пора’ (*tañ ertä čaqda keldi* ‘в утреннюю пору на заре пришёл’ [ДТС]). Представление о календарном летоисчислении в этот период бесспорно существовало и осуществлялось на основе двенадцатилетнего животного цикла, однако оно должно было занимать в сознании людей менее значительное место судя по спорадическому использованию *jil* ‘год (отрезок времени)’: *jüz jil* ‘сто лет’ [ДТС]. Лексема *öbläk* со значением ‘время’ зафиксирована только в Словаре Махмуда Кашгарского и в «Кутадгу Билиг» (оба – XI в.): *tün kün kečä aıqınur öbläk bilä aj* ‘проходят и исчезают дни и ночи, а со временем и месяцы’, *bir ančä jema kečti öbläk kün aj* ‘прошло немного времени: дни, месяцы’ [ДТС], однако, судя по наличию у лексемы и другого значения – ‘судьба, рок’ (*öbläk jarañ küzätti* ‘судьба выбрала подходящий момент’ [ДТС]) – в этот период ещё нельзя говорить о сформированности концепта времени, свободного от дополнительных коннотаций.

В современных языках, в которых безусловно господствует линейное восприятие времени, отголоски циклической модели продолжают существовать, что выражается в наличии различных лексем, обозначающих повторяющиеся и различные по длительности интервалы. Линейная модель, как будет показано ниже, отличается большей подвижностью, принимая на себя более разнообразные функции.

Более мелкой, чем год, тюркской единицей времяисчисления был *aj* ‘месяц’, подразделявшийся на дни и связанный в сознании всех народов с такими регулярным и доступным для наблюдения явлением как смена фаз Луны: *iki jil sekiz aj* ‘два года восемь месяцев’ [ДТС].

Говоря о точных единицах времяизмерения необходимо учитывать два фактора. Во-первых, в течение долгих веков числа в целом не столько использовались для практических нужд, сколько несли в себе мистическое содержание, а в с сфере единиц измерения царил произвол – например, «час обладал неодинаковой протяжённостью в разные времена года», а одна и та же единица площади могла иметь разный размер [Гуревич 1972: 69, 22]. Во-вторых, значительные размеры и нетранспортабельность таких древних приборов для измерения точного времени как водяные и огневые часы и необходимость буквально по минутам знать движение звёзд при наблюдении с каждой отдельной точки земного шара для пользования астрономическими часами (астролябией) делали практически невозможным использование их кочевниками. Это определило заимствование лексем *saniye* ‘секунда’, *dakika* ‘минута’, *saat* ‘час’ в ТЯ из арабского, то есть связано с приобщением к оседлой культуре.

Зафиксированное в современном ТЯ представление об астрономическом времени связано именно с работой часов, а не с общим представлением о течении времени – вопрос о точном времени может быть задан исключительно в форме *Saat kaç?* букв. ‘Часы сколько?’ – ср. русск. *Сколько времени?*, нем. *Wie spät ist es?* букв. ‘Как поздно есть оно?’, англ. *What time is it?*. Говоря о времен-

ных представлениях в современной турецкой культуре, необходимо отметить, что в быту указание точного времени не имеет определяющего значения. Например, до сих пор гостей зачастую приглашают не на определённый час, а к определённому приёму пищи. Вопрос к гостю «Во сколько вы придёте?» часто ставит в тупик и даже может граничить с невежливостью. Это связано среди прочего и с привычкой ориентироваться по знам (призывам к молитве), которые как бы задают ритм жизни и делают излишними дополнительные уточнения.

Значение заимствованной из арабского лексики *zaman* достаточно близко к значению русской лексики «время», так как обе они репрезентируют его линейную модель. Обе могут использоваться в форме мн.ч. для выражения неопределённости или распределённости на временной оси: в *старые добрые времена*, *eski zamanlarda* букв. 'старые времена+в'. *Zaman*, как *время* и *time*, является неисчисляемым существительным – в русском это выражается в использовании с вопросительным словосочетанием *сколько* родительного падежа единственного, а не множественного числа (ср. неисчисляемые *сколько муки*, *сколько времени*, но исчисляемые *сколько книг*), в английском – в использовании наречия *much* (*how much time*), а в турецком – вопросительного словосочетания *ne kadar* букв. 'до что?' → 'сколько', а не *kaç* 'сколько': *Sanı ne kadar zaman lazım?* 'Сколько времени тебе нужно?' (ср. исчисляемое – *kaç kitap* 'сколько книг'). *Kaç* 'сколько' в сочетании с *zaman* может быть задействовано главным образом в поэтических текстах: *Kaç zaman geçti sensiz kaç zaman* 'Сколько времени прошло без тебя, сколько времени ...'. Неисчисляемость *zaman* выражается и в том, что в вопросительных предложениях, касающихся продолжительности событий, использование этой лексики невозможно, а значение длительности передаётся лексически – сочетанием *ne kadar* с глаголом продолжающегося действия: *Orada ne kadar kalacaksın?* букв. 'Там сколько ты останешься?' → 'Сколько времени ты там пробудешь?', *Sen oraya gideli ne kadar oldu?* букв. 'Ты туда уехавший сколько стало?' → 'Сколько времени прошло с тех пор, как ты туда уехал?', *Konser daha ne kadar sürer?* букв. 'Концерт ещё сколько будет длиться?' → 'Как долго ещё продлится концерт?'.

В вопросе о временной соотносительности событий в сочетании с *zaman* используется вопросительное местоимение *ne* 'что': *Ne zaman geleceksin?* букв. 'Что время придёшь?' → 'Когда ты придёшь?', а вот представление о точном времени в турецкой ЯКМ связано не с линейным *zaman*, а, как указывалось выше, непосредственно с работой часов: *Saat kaç?* букв. 'Часы сколько?' → 'Сколько времени?', *Saat kaçta?* букв. 'Часы во сколько?' → 'В котором часу?', *Saat kaçtan kaçta kadar?* букв. 'Часы сколько+с сколько+до?' → 'С которого и до которого часа?', *Bu geç saatte nereye gideceksin?* букв. 'Этот поздний час+в куда пойдёшь?' → 'Куда ты пойдёшь в такой поздний час?'. Несоотнесённость *zaman* с точным временем суток очевидна также из невозможности выражений **erken zamanda* букв. 'раннее время (дня)+в', **geç zamanda* букв. 'позднее время (дня)+в'; при наличии *erken saatte* букв. 'ранний час+в' → 'в раннее время, рано', *geç saatte* букв. 'поздний час+в' → 'в позднее время, поздно'.

Zaman в значении 'период' соотносится с длительными интервалами: *Bu hangi zamana denk geliyor?* 'На какой период это приходится?', *dördüncü zaman* 'четвертичный период' (геолог.).

Подвижность линейной модели времени приводит и к тому, что *zaman* семантически трансформируется, принимая новые значения, в том числе и в научных терминах, как правило калькированных с европейских языков: *uzay zaman*

sürekliliği букв. 'пространство время продолжительность+его' → 'пространственно-временной континуум', *dört zamanlı motor* букв. 'четыре время+с мотор' → 'четырёхтактный двигатель' (от фр. *moteur a quatre temps*).

Циклическая модель времени представлена в ТЯ рядом лексем, отличающихся друг от друга степенью употребительности, стилистической маркированностью, а также длительностью обозначаемых промежутков времени, представляемых языком как регулярно повторяющиеся. Такое разнообразие само по себе указывает на существование циклической модели в языковом сознании носителей.

Арабское заимствование *vakit* по сфере употребления в современном ТЯ очень близко к *zaman*. Обе лексемы взаимозаменяемы в большинстве устойчивых выражений: *zaman geçirmek = vakit geçirmek* 'проводить время', *zamanında = vaktinde* букв. 'время+его+в' → 'вовремя', *zaman kaybetmek = vakit kaybetmek* 'терять время', *Zamanım kalmadı = Vaktim kalmadı* букв. 'время+моё не осталось' → 'У меня не осталось времени' и др. Однако говорить о полной конвергенции значений не приходится, т.к. имеется и ряд противоположных примеров: *ilk zaman* букв. 'первое время' → (невозможно **ilk vakit*) 'первое время, в первое время', *son zamanda* букв. 'последнее время+в' → (невозможно **son vakitte*) 'в последнее время'. Что касается частотности *vakit*, то она постепенно снижается: молодёжному языку эта лексема не свойственна.

В отличие от *zaman*, *vakit* соотносится в том числе и с краткими временными интервалами – по длительности не превышающими одних суток: *beş vakit namaz* букв. 'пять время намаз' → 'пятикратный намаз', *gece vakti* букв. 'ночь время+её' → 'ночью, в ночное время', *şafak vakti uyanmak* букв. 'рассвет время+его просыпаться' → 'просыпаться на рассвете'. Формально *vakit* сочетается и с названиями более длительных интервалов – сезонов: *Kış vakti* букв. 'зима время+её' → *bisiklet sürülür mü?* 'Разве зимой ездят на велосипеде?', *yaz vakti fotoğrafı* букв. 'лето время+его фотография' → 'фотография летнего дня'. Однако привлекает внимание тот факт, что все выражения, подобные *gece vakti* букв. 'ночь время+её', *kış vakti* букв. 'зима время+её' не именуют весь соответствующий интервал целиком, как это показано ниже в отношении ряда лексем с темпоральным значением, а лишь привязывают «одномоментные» события к определённому регулярно повторяющемуся интервалу, т.е. невозможно **Yaz vakti geldi* букв. 'Лето время+его пришло', **Kış vakti geçti* букв. 'Зима время+её прошло' и т.п. «Моментность» *vakit* существенно отличает её от обычно представляемой как её эквивалент русской лексемы *пора* в субстантивном значении, именующей соответствующий период целиком [Всеволодова 1975]: *осенняя пора, пора любви, ранней порой*.

Для обозначения длительных повторяющихся временных интервалов существует ряд других лексем, в связи со своей семантикой менее частотных, чем *zaman* и *vakit* – древнетюркская *çağ* (çay/çaq 'время, пора' [ДТС]), арабские заимствования *devir* и *devre*, новообразование *dönem* 'период' (от *dönmek* 'поворачиваться, возвращаться').

Çağ в современном ТЯ подразумевает длительные исторические периоды, близкие к русским *эпоха* или *век*: *antik çağ* 'античная эпоха', *atom çağı* 'век атома', а также соотносится с отдельными «возрастами», т.е. периодами в жизни человека: *ergenlik çağı* 'период полового созревания, переходный возраст', *Yazık ki delikanlılık çağım çoktan aşmıştır, şakaklarına kır düşmüştür, ayrıca hastadır* (R.H. Karay) 'Жаль, что он давно уже вышел из юношеского возраста, его виски занесло снегом, и к тому же он болен'.

Devir (< ар. *davr*) во временном значении строгих ограничений по длительности не имеет, хотя и подразумевается некая нижняя граница: *tay devri* букв. 'камень период+его' → 'каменный век', *kuluçka devri* букв. 'наседка период+её' → 'период высидывания яиц'.

Однокоренная лексема *devre* также имеет как временное, так и пространственное значение 'замкнутый круг, замкнутая цепь'. Временное значение не выявляет ярко выраженных ограничений по длительности: *birinci devre* 'первый период, первый тайм', *Bu kadar uzun bir bekleyiş devresi* (букв. 'ожидание период+его'), *tatsız ara veriş yeter* (А. Gündüz) 'Это ожидание, этот перерыв уже слишком затянулись'.

Лексема *dönem* практически безразлична к продолжительности: *bahar dönemi* 'весенний семестр', *av dönemi* 'охотничий сезон', *buzul dönemi* 'ледниковый период', *İçinde bulunduğumuz son jeolojik dönem* 'последний, продолжающийся в настоящее время геологический период'.

В сознании современного носителя русского языка годы, дни и часы составляют чёткую линейную последовательность, что обуславливает использование порядковых числительных при условной точке начала отсчёта: *в 1979-ом году* (от Рождества Христова), *на третий день* (например, со дня приезда), *25-ого сентября* (т.е. на 25-ый день с начала сентября), *«Пятого дня весеннего месяца нисана»*, *Уже третий час* (от 00 часов 00 минут). Месяцы и дни недели, каждый из которых имеет собственное название, в меньшей степени подвержены «нумеризации». Возраст человека также исчисляется по той же «порядковой модели»: *Ему пошёл пятый год* (считая со дня рождения), *на семидесятом году жизни*. Полное количество месяцев и лет, прожитых человеком, представляется как результат и обозначается с помощью количественных числительных: *Ему (исполнилось) десять лет*.

В языковом сознании носителей ТЯ количественность и порядковость противопоставлены не столь однозначно. Номер года соединяется с существительным *yıl* (или *sene*) с помощью конструкции изафета: *1995 yılında* (или *senesinde*) букв. '1995 год+его+в' → 'в 1995 году', т.е. теряет свою «порядковость» и становится в один ряд с определяющими существительными в такой конструкции как *Eylül ayında* букв. 'сентябрь месяц+его+в' → 'в сентябре месяце', «Порядковость» не отражена и в способе нумерации дней месяца: *Bugün 15 Eylül* букв. 'Сегодня пятнадцать сентябрь' → 'Сегодня пятнадцатое сентября', *15 Eylülde* букв. 'пятнадцать сентябрь+в' → 'пятнадцатого сентября', *ayın beşinde* букв. 'месяца пять+его+в' → 'пятого числа'. Отсутствие однозначного противопоставления количественности и порядковости выражается и в том, что временные интервалы, прошедшие с условно-начального момента, определяются не порядково, а количественно, что приводит к смысловой неточности: *İki saattir seni bekliyoruz* букв. 'Два часа+есть тебя ждём' → 'Мы ждём тебя уже два часа' и 'Мы ждём тебя уже второй час', *Beş yıldır burada çalışıyorum* букв. 'Пять лет+есть здесь работаю' → 'Я работаю здесь уже пять лет' и 'Я работаю здесь уже пятый год'. Аналогичная смысловая неточность имеет место и при указании возраста человека, в основе чего лежит особенность турецкой культурной традиции.

Наличие оппозиции *yıl* ~ *yaş* принципиально важно для турецкой ЯКМ и определяется противопоставленностью моделей времени. Возрастоисчисление по линейной модели, которая закрепились в христианской культуре, предполагает фиксированность даты начала отсчёта – т.е. дня рождения или крещения, которые ребёнка становятся как бы нулевой точкой в отсчёте его возраста анало-

гично тому, как в христианском летоисчислении существует «абсолютная нулевая точка» – рождение Иисуса Христа и «промежуточные нулевые точки» – 00 часов 00 минут 1 января каждого года. Использование для исчисления возраста человека отличной от *yaş* единицы измерения – *yaş* – восходит к совершенно иной культурной традиции, в которой определяющее значение имел не день, а год рождения. Это очевидно и из принципа построения восточного гороскопа, в котором особенности характера связываются не с месячными, как в европейском, а с годовыми циклами. Исходя из этого, хотя *yaş* ‘влага’ и *yaş* ‘год жизни’ считаются омонимами, существует большой соблазн поддержать исходную полисемичность этой лексемы [ЭСТЯ 1989: 161–164]. Жизнь древних людей протекала далеко не так равномерно, как у современных. Сезонные климатические изменения обуславливали существеннейшие различия в возможности совершать передвижения, характере повседневных занятий, обеспеченности питанием и водой, степени комфортности условий жизни, рисков, которым подвергались люди. В таком случае логично, что *yaş* изначально фиксировала не количество целых календарных лет, прожитых человеком, а количество пришедшихся на прожитый им срок определённых – влажных – сезонов, позволявших вести активную хозяйственную деятельность и обеспечивать пропитание на весь менее активный период года. Та же логика действует в приобретении лексемой *gün* ‘день’ в результате аналогичного метонимического переноса «название части → название целого» значения ‘сутки’. Похожая ситуация существует и в русском языке, где «годы» в определённых позициях именуется «летами». Принципиально разный образ жизни в разные сезоны нашёл отражение и в противопоставленности двух турецких глаголов *yaşamak* ‘жить’ (в физиологическом смысле, в отношении человека и животных) и *oturmak* со значениями ‘сидеть’ (о человеке) и ‘жить, проживать по определённому адресу’.

Переход к мусульманской культурной традиции «не отменил» существовавшего подхода к возрастосчислению вследствие несовпадения продолжительности астрономического года и календарного года по хиджре, исчисляемого от переселения Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину (622 г. н.э.). Вплоть до настоящего времени представители старшей, а в сельской местности даже средней, возрастных групп в Турции часто лишь приблизительно предполагают не фиксировавшуюся ранее дату своего рождения. Она указывается в паспортах как 1 января соответствующего года, а её конкретизация при необходимости осуществляется на основании воспоминаний о погоде, особенностях хозяйственной деятельности на период рождения, сезона, на который в то время приходился мусульманский пост¹. Такая традиция настолько прочно закрепилась в общественном сознании, что до сих пор детей, родившихся ближе к концу календарного года, зачастую регистрируют как родившихся 1 января следующего года, чтобы обеспечить им преимущество перед сверстниками с точки зрения физического и интеллектуального развития – на год позже отдавать в школу, отправлять в армию и пр. Такое «пренебрежение» к дате рождения получило отражение и в языке: выражение *Oğlum beş yaşında* букв. ‘сын+мой пять год+его+в’ имеет два, совершенно неразделимых без специального указания, значения: ‘Моему сыну (исполнилось) пять лет’ и ‘Моему сыну (идёт) пятый год’. В первом случае для уточнения ситуации может быть использовано

¹ Месяц рамазан, в течение которого мусульмане соблюдают пост, каждый год начинается на 10 дней раньше, чем в предыдущий.

выражение *Oğlum beş yaşını doldurdu* букв. 'Мой сын заполнил свои пять лет', во втором – *Oğlum beş yaşına bastı* букв. 'Мой сын наступил на свой пятый год'.

Особенности отражения течения времени в современной турецкой ЯКМ безусловно вытекают из представлений, сформировавшихся в древнетюркский период, в их основе лежит специфика кочевого образа жизни. Освоение окружающего пространства было связано прежде всего со способностью осуществления направленного перемещения, продвижения вперёд, открывавшего возможность использования новых пастбищ и удовлетворения таким образом жизненных потребностей сообщества. Именно перемещение, а не состояние покоя, как у оседлых народов, с точки зрения кочевников было залогом преуспевания и обеспечения преимущества. Человек, проводящий значительную часть своей жизни в седле, не может быть повернут лицом в прошлое и не может быть пассивен по отношению ко времени, как это отмечается в ЯКМ оседлых народов [Тань 2004: 38–41; Степанов 1989: 21–22; Цивьян 1990: 75]. Ярким примером этого может служить использование лексем *ileride* и *geride*, обсуждавшихся в [Напольнова 2010] в связи с пространственными представлениями турок. Обе эти лексемы обладают не только пространственным ('впереди' и 'позади'), но и ярко выраженным темпоральным значением – *ileride* 'в будущем' и *geride* 'в прошлом'. Примечательно, что количество примеров с *ileri* значительно превышает количество примеров с *geri* и их тематика значительно более разнообразна, то есть «взгляд» турок в большей степени устремлён в будущее, чем в прошлое: *ilerideki meslekler* букв. 'профессии, (находящиеся) впереди' → 'профессии будущего', *ileride yapılacak icatlar* букв. 'изобретения, которые будут сделаны впереди' → 'будущие изобретения', *ileride arkanızı dönüp keşke demek istemiyorsanız...* букв. 'Если впереди вы не хотите повернуться назад и сказать «если бы...»' → 'Если в будущем вы не хотите оглянуться назад и сказать «ах, если бы...»', *Nasıl olsa ileride Türkiye şampiyonu olacağım* букв. 'Как бы ни было впереди я буду чемпионом Турции' → 'Так или иначе однажды я стану чемпионом Турции', *Bölgedeki emsallerin tamamı ileriye dönüktür* (букв. 'вперёд повернутые'), *yatırım amaçlı olup, uzun vadede kıymetlenecek mülklere dir* 'Все объекты недвижимости, представленные в качестве образцов для сравнения, могут быть использованы в качестве капиталовложения благодаря росту их стоимости в долгосрочной перспективе'. Даже собственно лексема *sonra* 'потом, после' в Толковом словаре ТЯ поясняется как «*daha ileri zamanda*» букв. 'в более позднее время' → 'в будущем, в последующем'[ТЯ]. В противоположность этому *geri* задействовано главным образом в устойчивом сочетании *geriye dönük* букв. 'назад повернутый' и в одной паре конверсивов – *geride bırakmak* букв. 'позади оставлять' → и *geride kalmak* букв. 'позади оставаться' → *geriye dönük cep telefonu dokümü* 'распечатка переговоров по сотовому телефону за прошедшие периоды', *2 yılı geride bıraktık* букв. 'Мы оставили позади два года' → 'Прошло два года', *krizde en kötü günler geride kalıyor* букв. 'Самые плохие дни в кризисе остаются позади' → 'Самые тяжёлые дни кризиса уходят в прошлое'.

Активная позиция человека в отношении времени и сонаправленность течения времени и поступательного движения человека очевидны также из таких выражений как *zamanla yarışmak* букв. 'соревноваться со временем', *zamana karşı yarışmak* букв. 'соревноваться против времени', *zamana karşı yarış* букв. 'гонка против времени', в отличие от русского «соревнование на скорость». Такого рода выражения не могли бы возникнуть, если бы время представлялось текущим через остающегося пассивным человека или двигающимся навстречу ему. Противоположная картина наблюдается, например, в китайском языке, в

котором в рамках «культурной модели времени», сосуществующей в ЯКМ с линейно-исторической, «время ассоциируется с тропинкой в прошлое, протоптанной представителями человеческого рода... наблюдатель или говорящий как бы повернут лицом в прошлое, делая шаг по этому пути, он удлиняет историю ещё на одно поколение» [Тань 2004: 38].

Определяющее значение пространственного перемещения видно также и в том, что лексемы *önce* 'перед, до' и *sonra* 'после, за', 'потом' имеют в ТЯ, в отличие от русского, прежде всего темпоральное значение, поэтому в следующих стандартных выражениях с пространственным значением, как правило, используются не *önce* и *sonra*, а альтернативные конструкции: *Beni köprü girişinde (çıkışında) indirir misiniz* букв. 'Вы высадите меня на входе (въезде) моста (на выходе (выезде) моста)?' → 'Пожалуйста, высадите меня перед мостом (после моста)', *Okulu geçince(geçmeden) sağa dönmeliyiz* букв. 'Проехав (не проезжая) школу, мы должны повернуть направо' → 'Мы должны повернуть направо после школы (перед школой)', *İş çıkışında buluşalım* букв. 'Давай встретимся на выходе с работы' → 'Давай встретимся после работы'. Особого внимания заслуживает тот факт, что точки именуемые *köprü girişi* букв. 'вход (въезд) моста' и *köprü çıkışı* букв. 'выход (выезд) моста' определяются не в соответствии с конструкцией моста, как неподвижного объекта, а в соответствии с направлением осуществляемого перемещения. Если речь идёт о транспортном потоке, проходящем под мостом в перпендикулярном ему направлению, то точка, где транспорт въезжает под мост именуется *köprü girişi*, а точка, где транспорт выезжает из-под моста – *köprü çıkışı*. Так, в ситуации, когда один из собеседников должен был ждать другого под мостом и требовалось уточнить точку встречи, носителем было использовано выражение: *Köprü'nün girişinde mi çıkışında mı bekleyeceksin?* 'Ты будешь ждать меня перед мостом или за ним?'.

Невозможность использования в данном случае, подобно русскому языку, послелогов *önünde* 'перед' и *arkasında* 'за' определяется отсутствием у конструкции моста выраженной лицевой и задней стороны, что безусловно необходимо в связи с антропоцентрическим характером корневых лексем *ön* и *arka*, ср. *okulun önünde* 'перед школой (перед фасадом школы)', *okulun arkasında* 'позади школы, за школой'.

Имеются также и примеры, противоположные вышеприведённым: *köprüden önce son çıkış* 'последний съезд перед мостом' (предупреждающий дорожный знак для водителей на автотрассе), *köprüden sonra ilk giriş* 'первый съезд после моста', *ileride ışıklardan sonra ilk sol* 'впереди после светофора первый левый (поворот)', *Köprüden sonra artık bir saatlik yolumuz kaldı* 'После моста нам оставалось ехать всего час', *Beni okuldan hemen sonra indirir misiniz?* 'Пожалуйста, высадите меня сразу за школой'. При допустимости таких выражений наши наблюдения показывают, что во всех подобных случаях должно присутствовать вербализованное или подразумеваемое указание на расстояние (или его отсутствие) между двумя референтными точками. Так, мы неоднократно сталкивались с ситуацией, когда обращённое к водителям такси указание *Duraktan sonra sola döneceğiz* 'За остановкой нам надо повернуть налево' заставляло их просить уточнения: *Hemen sonra mı?* 'Сразу за остановкой?'. Подобное недопонимание исключено в случае, если просьба сформулирована с использованием глагола пространственного перемещения: *Durağı geçince sola döneceğiz* букв. 'Проехав остановку, нам надо повернуть налево'. Представляется правильным объяснить особенности использования лексемы *sonra* неполным стиранием из языкового

сознания носителей направительного значения падежного показателя аффикса *-ra* [СИГТЯ 1988] (ср. с *yukarı* в [Напольнова 2010]).

Преобладание темпоральной составляющей в *sonra* препятствует однозначному толкованию извлечённого из контекста предложения *Bahçeden sonra geriye dönerek biraz da sokaklarda dolaştık* (R.N. Güntekin) букв. 'После сада повернув назад, мы ещё немного побродили по улицам'. Хотя оно и приводится в [TS] в качестве примера пространственного значения *sonra*, большинство опрошенных носителей ТЯ толкует его в темпоральном смысле как 'Погоуляв в саду, мы вернулись назад и немного побродили по улицам', а не в пространственном как 'Пройдя сад, мы повернули назад и немного побродили по улицам'. При необходимости выразить последнее из двух перечисленных значений, т.е. указания на точку изменения траектории движения, обязательно использование глагола перемещения: *bahçeyi geçtikten sonra ...* 'после того, как прошли парк ...'. Аналогично: *trafik lambasını geçtikten sonra duran şoför* букв. 'водитель, остановившийся после того, как проехал светофор' → 'водитель, остановившийся за светофором'.

Для лексемы *önce* нам пока не удалось обнаружить столь же показательных примеров, однако присутствие в её морфологическом составе продольно-направительного показателя *-ce* [СИГТЯ 1988] позволяет проводить аналогию с *sonra*.

Разные языки находят разные средства для описания ожидаемых и минувших событий, явлений и временных интервалов. Европейцам свойственно представлять их последовательность в виде некой цепи, звенья которой сменяют друг друга независимо от человека (А) или представлять их самостоятельно приближающимися и текущими «через» человека (Б):

(А) *следующая (предыдущая) остановка, следующая (предыдущая) неделя, в следующий (предыдущий) раз, в следующей (предыдущей) главе, die nächste Haltestelle* 'следующая остановка' (от *nach* 'после'), *die nächste Woche* 'следующая неделя', *am nächsten Mal* 'в следующий раз', *die vorige Woche* 'прошлая неделя' (от *vor* 'перед'), *im vorigen Monat* 'в прошлом месяце', *das vorige Kapitel* 'предыдущая глава';

(Б) *прошедший год, прошлое, наступающий год, истекший период, Время пролетело незаметно, в прошлой главе, im verflossenen Jahr* букв. 'в проплывшем году' → 'в прошлом году', *Die Woche ist vorbei* букв. 'неделя есть мимо' → 'Неделя прошла'.

В турецком языке оба этих взгляда на течение времени также возможны:

(А): *önceki gün* букв. 'день, находящийся раньше' → 'позавчера', *sonraki hafta* букв. 'неделя, находящаяся позже' → 'через неделю', *bir sonraki sefer* букв. 'один раз, находящийся позже' → 'следующий раз, в следующий раз', *iki önceki durak* букв. 'остановка на две раньше' → 'предыдущая остановка', *bir sonraki durak* букв. 'остановка на одну позже' → 'следующая остановка';

(Б): *gelecek* букв. '(то, что) придёт' → 'будущее', *geçmiş* букв. '(то, что) прошло' → 'прошлое, прошедшее', *gelecek hafta* букв. 'неделя, которая придёт' → или 'следующая неделя, на следующей неделе', *gelecek yıl* букв. 'год, который придёт' → 'следующий год, на следующий год', *gelecek istasyon* 'следующая остановка', редко – *gelen istasyon* букв. 'остановка, которая придёт' → 'следующая остановка', *geçmiş* букв. 'прошедшее' → 'прошлое', *geçen hafta* букв. 'прошедшая неделя' → 'прошлая неделя, на прошлой неделе'.

Наряду с этим существует и специфическое представление о будущих временных интервалах, как «лежащих перед», при чём, как следует из показателя

принадлежности 1 л.м.ч., не перед конкретным человеком, а перед всем сообществом, т.е. «агенсом поступательного движения» [Тань 2004: 41] в данном случае выступает не отдельный человек, а весь род: *önümüzdeki yıl* букв. 'перед нами год' → 'следующий год, в следующем году', *önümüzdeki hafta* букв. 'перед нами неделя' → 'следующая неделя, на следующей неделе'. Не индивидуальность, а общность будущих временных интервалов подчёркивается и тем, что лексема *önümüzdeki* используется только с названиями достаточно длительных временных интервалов, как минимум нескольких дней: *önümüzdeki günler*, *önümüzdeki üç gün*. Нам удалось обнаружить лишь одно употребление в форме *önümüzdeki gün*, а также только одно употребление этой лексемы с названием событий, а не временного интервала: *önümüzdeki maçlar* 'предстоящие матчи'.

Выражаемый с помощью лексемы *önümüzdeki* взгляд на будущее представляется связанным с присущим мусульманскому мировоззрению и распространённым среди турок общим представлением о предопределённости будущего, нашедшим языковое выражение в наличии ряда высокочастотных выражений, например: *İnşallah paranız yetiştir* 'Даст Бог, денег у нас хватит', *Kader değilmiş* 'Значит, не судьба', *Kızının kısmeti çıkmış* 'Твоей дочери судьба выйти замуж'.

В противоположность *önümüzdeki* лексема *arkamızdaki* букв. '(находящийся) за нашей спиной' → имеет не временное, а исключительно пространственное значение.

Перечисленные языковые факты позволяют утверждать, что время в турецкой ЯКМ представляется текущим в направлении взгляда человека, но сам человек при этом не остаётся пассивным, а движется в одном направлении со временем. Неотвратимость будущего выражается во встречном движении событий, явления и временных интервалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М., 1975.
- Гачес Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки, 1967, №1. – С. 77–92.
- Гуревич 1972 А.Я. Категории средневековой культуры. – М., 1972.
- Древнетюркский словарь. – Л. 1969.
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003.
- Михаль С. Часы. От гномона до атомных часов / Пер.с чешского Р.Е. Мельцера. – М., 1983.
- Натальнова Е.М. Пространственная направленность в турецкой языковой картине мира // Урало-Алтайские исследования, №1(2), 2010. – С. 23–31).
- Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М., 1987.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988.
- Степанов Ю.С. Счёт, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // Вопросы языкознания, 1989, № 4.
- Тань Аошунан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М., 2004.

Цивьян 1990 Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М. 1990.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модель пространства, времени, восприятия). – М., 1994.

Türkçe sözlük. – Ankara, 1988.

Napol'nova, Yelena M. Time in the Turkish world views

Summary. The article is devoted to the concept of time in the Turkish world views as they are reflected by the Turkish language. The author claims that the modern Turkish concept of the time flow is undoubtedly basing on the ideas that had been formed in the Old Turkic time. The time is conceptualized as flowing in the direction where a person is looking at, and he himself is also moving in the same direction.

Key words: world view, Turkish, time, space, calendar, lexeme.

ОБ ОДНОМ ПРИЗРАЧНОМ СЛОВЕ У В.И. ДАЛЯ

И.Г. Добродомов, г. Москва

Резюме. В статье анализируется слово *сычовка* 'напиток из меда', приведенное В.И. Далем в статье *сытый*. На основании анализа источников установлено, что это искусственное слово было порождено О. Сенковским и с тех пор фигурирует в русских словарях. Источником является тюркское слово *şüdü*, зафиксированное у поволжских болгар арабским путешественником Ибн Фадланом в значении «хмельного напитка».

Ключевые слова: Словарь В.И. Даля, Ибн Фадлан, *сычовка*, искусственное слово, болгаризм, ложная этимология.

В издающемся с 1965 г. сводно-академическом «Словаре русских народных говоров» [Вып. 43, СПб., 2010: 180] содержится загадочная словарная статья: «**СЫЧЁВКА** и **СЫЧÓВКА**, ж. вареный, предназначенный для питья, мед. □ Сычёвка. Волж., Далъ. □ Сычóвка. Волж., Далъ [3-е изд.], а в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля среди двухсот тысяч русских слов в конце адъективного гнезда *Сытый* читается: «*Сычёвка* ж., волж. вареный, питьевой медь».

Как это ни странно, появление данного слова в русском языке связано с одним событием более чем тысячелетней давности – с посещением в 921/922 г. Среднего Поволжья арабским автором Ахмедом Ибн Фадланом, описавшим эту поездку.

В повествовании о торжественном приёме у болгарского царя (ملك) в стране славян (صقلاب) Ибн Фадлан употребляет местное слово, передавая его средствами арабского письма, плохо приспособленного для передачи звучания чужой речи: فلما اكلنا دعا بشراب العسل وهم يسمونه المسجو

falammā akalnā da'ā bišarābi l'asali wahum yusammūnahu ssüçü

«Когда мы поели, он [царь] велел принести напиток из меда, который они называют суджув».¹

Последнее слово в приведённой цитате المسجو можно читать по-разному, что затрудняет его понимание. Первый исследователь сведений Ибн Фадлана о волжских булгарах петербургский арабист Х.Д. Френ проявил колебания в отношении загадочного названия напитка к разным языкам: «Слово المسجو сначала показалось мне тождественным с татарским سسجو Sudschu, которым называют верховое пиво (der Vorsprung oder Vorlauf vom Bier). Я также какое-то время полагал, что здесь может быть искажение سسجتو, которое соотносилось бы с финским названием браги, полпива Sahti (Benennung des Dünnbiers). – Но это плохо

¹ Далъ В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. IV: Р - В. – М., 1866, с. 345; изд. 2-е, СПб.-М., 1882, с. 387 (перенбор: М., 1955, с. 377).

² Котавецкий А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 г. – Харьков, 1956, с. 132, текст л. 204а (по Мешхедской рукописи).

соответствует тексту, где предлагался напиток, и противоречит Ибн Фадлану, который отмечал, что это был напиток из мёда. В связи с этим я сейчас вместе с господином профессором фон Сенковским полагаю, что здесь следует видеть русск. *сыта*, *сычовка*. *Sytchowka* представляет собой напиток из солода и хмеля, с добавлением меда. Она также называется *сычёное пиво* и весьма хмельна».³

Колебания Х.Д. Френа или незнакомство с его колебаниями заставляет следующих исследователей искать новые объяснения, иногда с привлечением дополнительных материалов, но эти соображения по разным причинам не могут быть признаны удачными и приемлемыми.

Семитолог Д.А. Хвольсон обратил внимание на сходство начертания *السجو* или *التسجو* у Ибн Фадлана и *السح* у Ибн Русте, которое встречается в разделе о пчеловодстве у славян⁴ в не очень ясном контексте. Читая загадочное слово *السح* рукописи как *الشيح* при опоре на сербскохорватское название улья *uljivane*, Д.А. Хвольсон переводит: «Славяне не имеют ни виноградников, ни пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них и ульи для пчел, и мед пчелиный собирается. Зовутся эти кувшины улищ (sic!) и заключают в себе каждый около 10 кружек меду».⁵

Для этого Д.А. Хвольсон неясное начертание *السح* рукописи Ибн Русте заменяет на *الشيح* и так с колебанием это чтение комментирует в прим. 65: «Не совсем отчетливо написанное арабское слово, по моему мнению, следует читать "у л и ш ь", что почти тождественно с хорватским "ulisce" улей. Ср. Френ, *Die aeltest. Nachr. über die Wolga-Bulgaren*, стр. 557, 559 и 546, прим. 46, где говорится о мёдномъ напиткѣ болгарь, имя котораго *السجو*, у Вюстенфельда *التسجو*; я не берусь рѣшить, имѣеть-ли это какую-либо связь съ *السح* Ибн-Даста».

При переиздании текста Ибн Русте в составе серии *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* (VII, Lugduni Batavorum, 1892, p. 143, прим. g) М.Я. де Гуе принял чтение Д.А. Хвольсона с соответствующей оговоркой.⁶

Другой семитолог А.Я. Гаркави осуждает конъектуру Д.А. Хвольсона как разъединяющую спорные слова у Ибн Фадлана и Ибн Русте, а сам склоняется к тождеству обоих начертаний, причем в рассказе Ибн Фадлана читает, по

³ *Fraehn Ch. M. Die ältesten arabischen Nachrichten ueber die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foslan' Reiseberichte: der Text kritisch berichtigt, mit treuer Uebersetzung begleitet und den nötigen Erläuterung versehen von Ch. M. Fraehn // Mémoires de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Pétersbourg, VI-me série: Sciences politiques, Histoire, Philologie, 1832, tome I, 6-e livraison, S. 546 (note 46).*

⁴ Анализ этой темы см.: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. – М., 1967, с. 110–112. Тема об изготовлении напитков из мёда, как и в источниках трактуется отдельно (с. 118), но и там названия напитков не приводятся.

⁵ *Хвольсон Д.А.* Известия о Хозарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, Славянах и Руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. – СПб., 1869, с. 28–29; 126, прим. 65. Вместо *Ибн Русте* Д.А. Хвольсон читал и писал *Ибн-Даста*.

⁶ *Kitāb al-a'lāk an-nafīsa VII auctore Abū Alī Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitāb al-buldān auctore Ahmed ibn abī Jakūb ibn Wadhīh al-Kātib al-Jakūbī / Ed. secunda M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1892, p. 143.*

Ф. Вюстенфельду, то *sadju*, то *sadjuv* и упоминает: «по догадкѣ Сенковскаго: сычевка».⁷

Смутные догадки Д.А. Хвольсона и А.Я. Гаркави нашли в 1901 году неожиданную поддержку видного нашего тюрколога-чувашевода Н.И. Ашмарина, который для этого прибег к рискованной правке текстов как Ибн Фадлана, так и Ибн Русте, отождествляя эти совершенно различные начертания, хотя и на разный манер в уникальной рукописи Ибн Русте и разных рукописях, содержащих текст Ибн Фадлана с начертаниями, весьма похожими на исходное в недошедшем до нас оригинале: «Так-какъ, повидимому, то же самое слово встрѣчается и у Ибнъ-Дафта <сейчас принято чтение Ибн Русте. – И.Д.>, въ начертаніи السح, гдѣ ل – членъ <артиклъ. – И.Д.> араб. языка (см. Гаркави, 261), то, по моему мнѣнію, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, здѣсь можно предполагать искаженіе первоначальнаго текста. Сдѣлавъ лишь незначительное измѣненіе, я читаю это слово سم (сим), السم, такъ какъ конечная буква م въ арабскомъ написаніи представляетъ значительную возможность для смѣшенія ея съ конечнымъ ح. Слово “сим” въ чувашскомъ языкѣ составляетъ названіе какого-то напитка, въ наше время, какъ кажется, уже неизвѣстнаго, хотя воспоминаніе о немъ сохранилось и по сію пору въ народной поэзіи чувашъ <.>. Иногда также можно встрѣтить въ пѣсняхъ и другихъ произведеніяхъ слово “сим” въ соединеніи съ словомъ “медъ”, въ видѣ парнаго слова “сим-пыл” (“и-был”)⁸.

Хотя соображения Н.И. Ашмарина получили неожиданное сочувствие у М. Рижена, который постарался найти для них половецкие, монгольско-калмыцкие, манчжурские, а также финно-угорские и даже индоевропейские параллели, от его толкования придётся отказаться,⁹ поскольку и оно основано на довольно рискованной конъектуре – произвольном, хотя и правдоподобном вмешательстве в текст.

Оставляя в стороне спорную проблему влияния Ибн Фадлана на Ибн Русте, поставленную уже у А.Я. Гаркави, и сложный вопрос о смешении у Ибн Фадлана этнонимов *булгары* (بلغار) и *славяне* (ساقالیبا), восходящий к Х.Д. Френу, историк-востоковед Б.Н. Заходер предложил новое, довольно рискованное объяснение взамен колеблющихся соображений Х.Д. Френа,¹⁰ почему-то приписанных А.П. Ковалевскому (о котором речь пойдёт дальше): «Не входя в обсуждение всех приведенных А.П. Ковалевским сближений, укажем только, что вряд ли будет далёким от истины предположение видеть в непонятном у Ибн Фадлана слове русское “соты”, под которым разумеется не только хмельной напиток, но и “постройка из воска” для кладки цветочной пыльцы у пчёл и сам “мёд в сотах”.¹¹ В рассматриваемом отрывке Ибн Русте совершенно очевидно

⁷ Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII до конца X века по Р.Х.). – СПб., 1870, с. 261, 87.

⁸ Ашмарин Н.И. Булгары и чувашы. – Чебоксары, 2000, с. 72–73.

⁹ Räsänen M. Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte // Finnisch-ugrische Forschungen, Bd. XXIX, Helsinki, 1946, S. 193–194.

¹⁰ См. сейчас: Милит Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. – М., 2002, с. 29–33, 44–45 (прим. 6–14).

¹¹ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова, т. IV. – М., 1940, стб. 408–409 (прим. Б.Н. Заходера). Фактически здесь у слова *soty* (обл. *soty*) отмече-

может быть принято во внимание только второе из указанных значений слов "соты". Таким образом, исходя из сближения السح Ibn Русте с السجو Ibn Фадлана, мы переводим текст первого из упомянутых авторов следующим образом: "Нет у них виноградников и нет полей [пахотных]. Есть у них вроде кувшины из дерева, в них сделаны ульи для пчел и их мёда, называемые соты, выходит из одного кувшина приблизительно десять *abāriq*". Последнее слово, переводимое Д.А. Хвольсоном, как "кружки", представляется не вполне ясным¹².

Как видим, Б.Н. Заходер исходил из странного неразличения слов *soty* и *syta*, что делает эту гипотезу неприемлемой.

Стоит обратить внимание, что малопонятный пассаж о пчеловодстве у славян уже у Ibn Русте несёт на себе следы непонимания, усиливавшегося в дальнейшей традиции, что привело к значительному сокращению текста у более поздних авторов.¹³

Сближение названия медового напитка *сжор* (в уже исправленном виде *схжор*) с финским названием домашнего пива или кваса *sahiti*, предложенное Х.Д. Френем и им же отставленное, было непопулярным у историков и серьёзным не обсуждалось в силу его искусственности и неправдоподобности: предложенное исследователем исправленное начертание не подтверждается ни одной рукописью, не совпадает оно и с фонетикой финского слова в исходе.

Тщательной критике версию О.И. Сенковского-Х.Д. Френа о *сычёвке* подверг уроженец Среднего Поволжья Н.И. Ашмарин: «Употребление питейного мёда распространено у всех поволжских инородцев. Что же касается названия этого болгарского напитка, приводимого Ибн-Фадланомъ, *сжор*, в которомъ Сенковский, а за нимъ Френъ и Уваровъ увидели будто-бы русскую *сычевку*, то оно ещё подлежит большому сомнѣнiю. Во-первыхъ, необходимо замѣтить, что подобнаго слова въ русскомъ языкѣ не существуетъ. Дѣло въ томъ, что имена на "овка", произведенныя отъ глаголовъ, имѣющихъ передъ окончанiемъ неопр. склоненiя звуковочетанiе *ти*, никогда не измѣняютъ основнаго *т* этого сочетанiя въ *ч*. Примѣры этого мы видимъ въ словахъ: *калотовка*, *мутовка*, *винтовка*, отъ глаголовъ *калотить*, *мутить*, *винтить*. Отъ глагола *сытитъ* мы ожидали бы *сытовка*, а не *сычевка*. Последнее же слово, въ самомъ дѣлѣ совершенно не употребительное, кажется намъ вполне естественнымъ только по той причинѣ, что оно составляетъ совершенно правильное производное отъ названiя птицы, *сычъ*. Слово *сычевка* могло бы быть названiемъ деревни, улицы, урочища, пригона и т.п., какъ нѣкоторыя другiя слова, образовавшiяся путемъ прибавленiя суффикса, напр. *Воробьевка*, *Грачевка*, *Хмелевка*, *Комаровка* и др.»¹⁴

К сказанному Н.И. Ашмариным следовало бы добавить, что более правдоподобное образование от глагола *сытитъ* было бы *сычѣнка* (в связи с прилаг-

но лишь одно значение: «Постройка из воска с симметрически расположенными ячейками для меда, для кладки яиц и цветочной пыльцы у пчел и ос», — и даны реченья *Пустые с.* (без меда), *Мед в сотах* и т.п.

¹² Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. — М., 1967, с. 111.

¹³ Там же, с. 111–112.

¹⁴ Ашмарин Н.И. Болгары и чувашы. — Чебоксары, 2000, с. 37.

тельным-причастием *сычёный*), но и такое слово в русских текстах и словарях, как представляется, не встречается.

Результатом критики соображений О.И. Сенковского–Х.Д. Френа было справедливое сомнение в достоверности слова *сычёвка* в русской лексикографии: «Хотя слово *сычёвка* и вошло в известный “Толковый словарь живого великорусского языка”, составленный Далемъ, однако въ силу неопредѣленности его указаній на районъ, гдѣ употребляется это слово (въ “Словарь” сказано только “волж.”), можно легко заподозрить, что это сомнительное реченіе было взято составителемъ “Словаря” не изъ живой народной речи, а лишь изъ нѣкоторыхъ сочиненій о болгарахъ, для авторовъ которыхъ указанная Сенковскимъ “сычевка” была чуть ли не цѣлымъ откровеніемъ».¹⁵

В.И. Даль был лично знаком с О.И. Сенковским (1800–1858) и в 1834–1836 гг. печатал свои сочинения в редактируемом последним журнале «Библиотека для чтения», но вольное обращение редактора с текстом печатаемых произведений возмущало В.И. Даля, что привело к разрыву сотрудничества.¹⁶ Был В.И. Даль знаком и с Х.Д. Френом (1782–1851), с которым он переписывался с 1837–1838 гг., но ко времени активной подготовки словаря В.И. Даля их обоих уже не было в живых.

Осталось вне критики сопоставление *السجور* из сочинения Ибн Фадлана с “татарским” *сисчур* *sudschu* “der Vorsprung oder Vorlauf vom Bier – верховое пиво”, предложенное Х.Д. Френом, несмотря на сомнительность привлечённого “татарского” слова, которое современными татарскими словарями не подтверждается.

Открытие в 1939 году Мешхедской рукописи сочинения Ахмета Ибн Фадлана и её два издания¹⁷ внесли новый вклад в изучение загадочного слова *سجور*, которое получило объяснение на тюркской почве с привлечением казанско-татарского *сече* “сладкий, вкусный”.

Через столетие с лишним после Х.Д. Френа А.П. Ковалевский, изложив все его соображения, счел возможным дать развитие самому первоначальному соображению Х.Д. Френа: «У Ф. Вюстенфельда¹⁸ к этому слову даны указания Флейшера: “Вероятно *السجور* <аш-шуджѹ>, древнетюркское *سوجو* <сѹджѹ> или *سنوجى* <сѹджѹ>» “вино”, пишется также *سنجى*».¹⁹

Из трёх начертаний *السجور*, *السجور*, *السجور*, встречающихся в разных рукописях,²⁰ наиболее правильным считается последнее, где начальные две буквы *ال*

¹⁵ Там же, с. 116.

¹⁶ Матвеевская Г.П., Зубова И.К. Владимир Иванович Даль. – М., 2002, с. 60–61.

¹⁷ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммен. [А.П. Ковалевского] под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1939, с. 107 (прим. 349); *Togon, A. Z. V. Ibn Fadlan's Reisebericht.* – Leipzig, 1939 (=Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd. XXIV, Nr. 3), S. 44 (Anm. 2).

¹⁸ Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St.-Petersburg, Paris, London und Oxford / <.> herausgegeben von Ferdinand Wüstenfeld. – Leipzig, 1924. Bd. V, S. 85.

¹⁹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и коммен. [А.П. Ковалевского] под ред. акад. И.Ю. Крачковского. – М.; Л., 1939, с. 107 (прим. 349).

²⁰ Их документированный обзор дал А.П. Ковалевский в своей книге: Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу: Перевод и комментарий [А.П. Ковалевского] ..., с. 107 (прим.

являются арабским артиклем и при анализе во внимание не принимаются, а оставшаяся часть *سجور* читается сейчас как *слюжур*.

Комментарий А.-З. Валиди Тогана опирается на более обширный тюркский материал: «*سجور* у Махмуда Кашгарского по произношению хаканских тюрков (по изданию Килисли Рифата, I, 138, 237: *سجك*, 342: *سوجك*, *süçik*; Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, 601: *soço* (казанско-тат.), 839: (чагат.), *süği* 'вино' (турецк.), *süçik* (уйгур.), III, 1575: *tüci*, 1589: *tüsi*, Френ 546: *sutschu* → *сушювка* (сычовка), 'Meth'. Интересно, что слово *süçü* (обычно 'вино') у болгар означает 'медовый напиток'».²¹

Как установил В. Банг, древнейшее значение у тюркского слова *süçü(k)*, которое выводится им от тюркского названия молока *süt* с уподобительным суффиксом *-sük*, было 'сладкий', а значение 'вино' – вторично.²²

На это болгарское слово *süçü(w)* 'Hydromel' X века (без указания на Ибн Фадлана) обратил внимание И. Бенцинг в связи с историей тюркского *-ç* в конце слова, которое сохранилось в некоторых тюркских языках Сибири и Средней Азии, иногда с оглушением *-k*, но последовательно утратилось в огузских и чувашском языках и обычно изменилось в *-y* (*-v*) в кыпчакских языках.²³

Загадочное *سجور* Ибн Фадлана хорошо соотносится с древнетюркским адъективно-субстантивным именем *süçig* (*süçik*, *süçük*, *süçüg*) 'сладкий; вино', производным от глагола *süçi-* (*süçü-*) 'быть сладким' с помощью deverбального именного суффикса *-ç/-y*,²⁴ который в ряде языков фонетически закономерно исчезал, что хорошо отмечают мамелюкские словари в форме *سجور*.²⁵

Из современных языков это древнее слово знают только туркменский (*сүйсжи* 'сладкий, вкусный; пресный; приятный; сладости') и узбекский (*сучук*, обычно *чучук* 'сладкий; пресный') языки, в татарском языке оно в результате ассимилятивно-диссимилятивных процессов приобрело облик *төчө* 'пресный; сладкий, приторный', диалектн. *чөчө*, *чөчөк*, а в казахском *түшпә* 'пресный'.

Этимологически это вкусообозначение связано с тюркским названием молока *сүт* (казах., тат. *sөт*) и произведено от него суффиксом *-çu* (*-si*).²⁶

Не лишено интереса, что тюркское *سوجی* *süçü*, *سچی* *süçü* как название вина проникло в персидский язык, а как 'второй фильтрат при варке пива' в осетинский: *сүлур*.²⁷

Итак, у Ибн Фадлана зафиксировано тюркское название напитка из мёда *срчур*, в котором видел тюркское слово уже Х.Д. Френ. Все остальные попытки

349). Хотя это издание вышло несколько раньше, чем «Ibn Fadlan's Reisebericht» А.-З. Валиди Тогана, последний уже не смог им воспользоваться.

²¹ Togan A. Z. V. Ibn Fadlan's Reisebericht. – Leipzig, 1939 (=Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, Bd. XXIV, Nr. 3), S. 44 (Anm. 2).

²² Bang W. Gewagte türkische Worterklärungen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXVII, Helsinki, 1933, S. 35-36; Bang W. Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, VII. Brief // Ungarische Jahrbücher, XIV, Berlin, 1934, S. 210-211.

²³ Benzing J. -J final dans les langues turques // Jean Deny Armağani'ndan ayırbasım. – Ankara, 1958, p. 51-60.

²⁴ Древнетюркский словарь. – Л., 1969, с. 516, 651; Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford, 1972, p. 795, 796-797, XLIV.

²⁵ Курниязанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабского словаря». – Алма-Ата, 1970, с. 193.

объяснить это слово после конъектурных «поправок» текста на почве тюркских или других языков оказались безуспешными. Тюркское название медового напитка служит важным фактом для определения языковой ситуации, раньше выяснившейся на базе материалов Махмуда Кашгарского лишь применительно ко второй половине XI в.²⁶

Поскольку *сычёвка* – выдуманное слово, нельзя согласиться с А.-З. Валиди Тоганом в его утверждении, что русское слово – тюркское заимствование.

Не получила также поддержки краткая пометка Н.Н. Дурново (см. его: Введение в историю русского языка. – М., 1969. – С. 223) за транскрипцией ('[a]l-š[ə]dž[u]') 'напиток из меда' толковать не объясненное им загадочное русское слово *сычь*.

²⁶ *Әсәтъянов Р.Г.* Татар теленә кыскача тарихи-этимология сүзләре. – Казан, 2001, с. 208; *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türkisprachen. – Helsinki, 1969, S. 434 b.

²⁷ *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen, Bd. III. – Wiesbaden, 1967, S. 286 (No 1281); Bd. IV., 1975, S. 465; *Мислер В.Ф.* Осетинско-русско-немецкий словарь. – Л., 1929, т. II, с. 1172.

²⁸ *Pritsak O.* Kāšgarī's Angaben über die Sprache der Bolgaren // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Leipzig, Bd. 109 (N.F. Bd. 34), 1959, S. 92–116.

Dobrodomov, Igor G. One ghost-word listed in Dahl's dictionary

Summary. The word *сычёвка* 'boiled honey drink; mead' put by V.I. Dahl in the words' family under the adjective *сытj* 'satiated' as a local term heard near the Volga river (a very uncertain way of geographical description) is nothing but a ghost-word. This artificial word was forged by professor J. Senkowski in order to translate a peculiar term of the Volga Bulgars *sōčū*: 'mead' mentioned in the 10th century by Ahmad ibn Fadlan in his travels account. Senkovski's *сычёвка* should demonstrate a Slavic stem of the word *syta*, which is not likely of Turkic origin.

Key words: V.I. Dahl's dictionary, A. ibn Fadlan, *сычёвка*, Volga Bulgars, false etymology.

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОГО ПАДЕЖА И ПОКАЗАТЕЛЯ $-(y)n$ В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ ЯЗЫКЕ

А.Д. Передня, г. Санкт-Петербург

Резюме. В предлагаемой статье затрагивается вопрос о разграничении показателя инструментального падежа $-(y)n$ и одного из показателей винительного падежа $-y\ddot{u} / -ny, -un$ в древнетюркских языках. Поддерживается точка зрения, согласно которой следует различать аффиксы инструментального и винительного (притяжательного) падежей, имеющих различную природу возникновения.

Ключевые слова: древнетюркский язык, инструментальный падеж, винительный падеж.

В предлагаемой статье затрагивается вопрос о разграничении показателя инструментального падежа $-(y)n$ и одного из показателей винительного падежа $(-y\ddot{u} / -ny / -un)$ в древнетюркских языках. Интерес к этой теме был вызван появлением точки зрения, согласно которой форма, образуемая показателем $-(y)n$ тюркских языках, «обладая самым общим грамматическим значением, сигнализирующим о существовании некой связи между участниками ситуации, способна передавать в качестве смыслов и информацию об орудии действия, и информацию о прямом объекте, причем функция передачи притяжательной связи возникает, по всей вероятности, не сразу и уже как второстепенная» [Губайдуллина 2006: 47–48]. Автор указанной точки зрения, следовательно, предполагает, что данная форма являлась одним из первых полифункциональных средств репрезентации падежных отношений и что в процессе диахронического развития возникали формы, которые постепенно брали на себя функцию передачи более конкретных связей. При этом форма $-(y)n$ употреблялась как более общая форма выражающая все тот же довольно широкий спектр отношений между предметами [Губайдуллина 2006: 48].

Следует уточнить, что указанная точка зрения возникла на основе материала языка древнетюркских рунических памятников. Для подтверждения такого предположения, как представляется, следует провести не только грамматический анализ текстов памятников, но и установить графические особенности чертания того или иного показателя.

Так, например, в памятнике Тоньюкука можно наблюдать довольно-таки четкое различие между $-(y)n$ как формы винительного падежа после аффикса принадлежности и $-(y)n$ как аффикса инструментального падежа. В первом случае использовался в основном знак 𐰆 , даже в тех словоформах, в которых по правилам тюркского рунического письма следовало бы ожидать знак 𐰇 .

а) $\text{𐰆}^{\text{q}}\text{𐰇}^{\text{b}}\text{𐰇}^{\text{d}}\text{𐰆}^{\text{r}}\text{𐰇}^{\text{n}}$

[...*qatyn bulmajyn*...] (Т. 2)

хан-3SG.POSS-ACC иметь-NEGADVPTCP

«...не имея своего хана...»

ЛИТЕРАТУРА

Губайдуллина М.Э. К вопросу о функциональном использовании падежных форм с показателями $-(y)n$ и $-(y)ŋ$ (в памятниках древнетюркской рунической письменности) // Вопросы тюркской филологии. – М., 2006. – С.40–48.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. – М., 1980. – 255 с.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951. – 352 с.

Кормушин И.В. Древние тюркские языки. – Абакан, 2004. – 336 с.

Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII–XI в. – Л., 1981. – 191 с.

Телица Н.Н. Инфинитивные формы глагола в древнеуйгурском языке. Очерки по теоретической грамматике восточных языков: Существительные глагол. – СПб., 2011. – С. 179–230.

Perednya, A.D. Should we distinguish the instrumental case formed by the affix $-(y)n$ in Old Turkic?

Summary. In this paper, we address the issue of distinguishing the instrumental case affix $-(y)n$ and one of the affixes of the accusative case $-(y)n$ (beside $-(y)ŋ$, $-(y)ŋ$, $-(y)ŋ$) in Old Turkic languages. We distinguish the instrumental affix $-(y)n$ and the accusative affix $-(y)n$ used in the possessive declension of nouns in Turkic languages since they have different origin.

Keywords: Old Turkic, instrumental case, accusative case.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ В ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ

(Заметки о формировании монархии в Центральной Азии, I)*

М. Добрович, г. Сегед (Венгрия)

Резюме. В настоящей статье анализируется текстологическая структура и политическое значение орхонских памятников. Анализ завершается выводом, что надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана изначально создавались как политические декларации в качестве ответа на памятник Тоньюкуку, а не как эпитафийные надписи. Первоначальная концепция текста сохранилась в памятнике в честь Бильге-кагана. Его политическая декларация заключается в защите переворота 716 года, когда Кюль-тегин, убив своего двоюродного брата, сына Кутулуг-хана, и его сторонников, кроме Тоньюкука, возвел на престол своего брата Бильге-кагана.

Ключевые слова: орхонские надписи, Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Ашида, Ашина, 716 г.

Данная статья предлагает текстологический анализ древнетюркских надписей с целью реконструировать фазы их создания, их текстологическую структуру, а также показать параллелизм между ними и их взаимосвязи. Этот анализ показывает, как древние тюрки излагали хорошо известные события из истории Второго тюркского каганата. Возможно, наше исследование также раскроет их исторические и политические представления, послужившие основой создания данных памятников.

Как нам представляется, памятник Кюль-тегину не был первоначально погребальным текстом (эпитафией). В то время как во всех эпитафийных надписях главное действующее лицо выражает свои мысли и эмоции в форме первого лица единственного числа, в памятнике Кюль-тегину главное действующее лицо – известный предводитель, жизнь которого комментируется его братом. Этот текст создавался прежде всего как повествование о правящей династии и ее легитимизации, нежели повествование о самом Кюль-тегине.

Самая длинная часть текста практически идентична тексту о брате Кюль-тегина – Бильге-кагане. В ходе анализа мы будем работать с обоими памятниками как с единым целым.

I. E 1–30

II. E 2–24

I. S 1–11

II. N 1–8

*Первый вариант этой статьи был представлен на венгерском языке на конференции *Nomád népvándorlások, magyar honfoglalás* [Nomadic Migrations – Hungarian Conquest of Fatherland], состоявшейся в феврале 2000 года в г. Сегед (Венгрия) – (MTA-SZTE Turcological Research Group, Szeged). Предлагаемый текст является аннотированной версией нашего исследования, зачитанную на конференции «Архивная ветвь востоковедческих исследований», Москва, июнь 2008 г.

По нашему мнению, аутентичная текстологическая программа сохранилась в тексте памятника Бильге-кагану. Это не погрёбальный текст, а настоящая царственная надпись, содержание которой мы можем соотнести со знаменитым памятником из Бугута, а через него — с хорошо известным староперсидским (и ближневосточным) образцом царственных памятников [1].

Мы можем с большой долей уверенности предположить, что этот текст первоначально был составлен как политическая декларация и переделан в эпитафию, когда главный герой памятника безвременно скончался.

Повествование, представленное в знаменитом памятнике в честь Тоньюкука, во многом противоречит повествованию в орхонских памятниках [2]. Первым ученым, обратившим внимание на этот факт, стал Осман Фикри Серткая, который утверждал, что повествование в памятнике Тоньюкуку явилось своеобразным ответом на памятники в честь Кюль-тегина / Бильге-кагана [3]. Конечно, это утверждение легко подвергнуть критике с точки зрения хронологии. Тоньюкук не мог видеть упомянутые орхонские памятники и реагировать на них. Напротив, мы можем предположить, что это орхонские памятники были политическим ответом на утверждения, содержащиеся в памятнике Тоньюкуку.

Мы отмечаем следующие основные параллели между орхонскими памятниками и памятником Тоньюкуку [4].

(1) Памятник в честь Тоньюкука не содержит упоминаний о Первом каганате. В нем практически не затрагиваются вопросы легитимности правящего клана Ашина.

В памятнике подчеркивается роль его автора и роль главного действующего лица надписи в создании Второй империи и в ее истории, тогда как памятник в честь Бильге-кагана дает нам пусть краткое и обобщенное, но реальное описание истории первой Империи. Здесь чрезмерное значение придается важности династии и ее божественной легитимности. Конечно, в памятнике не содержится упоминания о роли Тоньюкука. Единственное упоминание о нем (II. S. 14.) в памятниках, найденных в орхонской долине, создает впечатление о нем как о личности важной, но ни в коем случае не являющейся непосредственным служащим (империи).

(2) Также заслуживает внимания то, как оба текста описывают процессы, ведущие к образованию Второго каганата. В соответствии с текстом памятника Тоньюкуку, попытка Ашиде Венфу и Ашиде Фенгджи восстать против китайцев и возвести на престол хана по имени Ашина Нишуфу была легитимной, но по вине народа они были свергнуты и убиты, в то время как сам народ вновь подчинился китайцам [K]jashtornyj 1964: 25–26]. См.: (T. I. W. 2–4) *türk bodun qanın bulmayin tabyaçda adrilti qanlantı qanın qodup tabyaçqa yana içikdi tãñri ança temis ärinç qan bertim qanñin qodup içikdiñ içikdik ücün tãñri öl temis ärinç* 'Не найдя своего хана, народ тюрков отделился от китайцев и обрел для себя хана. Они (однако) покинули своего хана и вновь подчинились китайцам. Тогда Тенгри (досл.: небо), должно быть, сказал так: "Я дал вам хана, но вы покинули своего хана и опять подчинились (китайцам). Так как вы подчинились, вам (следует) умереть!" — так сказал Тенгри' [5].

Однако мы также читаем в орхонских памятниках следующее: (I. E. 9–10) *anča tip tabyaç qayanqa yayı bolmis yayı bolup itünü yaratunu umadıq ücün yana içikmis bunča isig kücüg bertügörü saqınmatı türk bodun ölärdäyin uruysratayın tir ärmis* '... 'они опять стали враждебно настроенными по отношению к китайскому императору. (Но) после того, как они стали враждебно настроены к нему, потому что они не сумели организовать и сформиро-

вать (государство) должным образом, они вновь подчинились (китайцам). (Китайцы), не приняв во внимание тот факт, что (тюркский народ) так много служил (им), сказали так: "Мы будем убивать и истреблять тюркский народ!" [6].

В этом контексте мы можем наблюдать полное отрицание какой бы то ни было легитимности. Не Небо дало легитимность Ашине Нишифу; это народ предпринял не увенчавшуюся успехом попытку восстать и был наказан за это китайцами.

(3) Поскольку это хорошо известная история, мы не будем подробно описывать восхождение на трон Эльтериш-кагана и его жены, Ильбилге-хагун, родителей Бильге-кагана. Конечно, Тоньюкук еще раз подчеркивает свою собственную роль как особо влиятельного лица, он обращается к правителю *šad*, в то время как Бильге-каган утверждает, что оба его родителя были избраны Тенгри (Небом и другими божествами) с целью воссоздать империю и вернуть себе старые пастбища тюркского народа.

Роль матери была, видимо, очень важна, так как она будет упомянута в орхонских памятниках еще несколько раз.

(4) Что касается второго правителя империи, то хотя Тоньюкук и критикует его авантюризм, который послужил причиной его смерти и почти привел империю к коллапсу, он все же рассматривает Капагана в качестве легитимного и даже великого правителя. Однако для автора орхонских памятников Капаган был просто *äčim qayan* 'каган, который был моим дядей', без упоминания его тронного имени. Он исполняет функции старейшего члена семейного клана, заботящегося о наследстве сыновей основателя династии.

(5) Естественно, в орхонских памятниках ничего не говорится о трагической судьбе Инал-хана, сына и соправителя Капагана, который был убит вместе со своей свитой Кюль-тегином вскоре после смерти его отца. Для Тоньюкука Инал-хан и Бёгю-хан (таким был его титул в качестве независимого правителя) были законными правителями империи.

Мы также можем вспомнить две другие эпитафии, которые освещают политическое влияние империи. Одна эпитафия посвящена Бумын-хану, другая – Кюль-тегину. Эти два памятника свидетельствуют, что представители всего мира собрались и отдали последние почести умершему тюркскому лидеру (предводителю).

Империю, основанная когда-то двумя братьями, достигла пика своего могущества вновь при правлении двух братьев – Бильге-кагане и Кюль-тегине. Основным отличием явилось то, что последний никогда не получал титула каган. Он имел титул, который соответствует титулам двух наместников азиатской империи Хунну ('сиятельный принц' или 'мудрый правитель') [7].

Суммируя сказанное выше, мы можем утверждать, что анализируемые нами орхонские памятники решают две основные политические задачи. Первая из них – не упоминать о роли Тоньюкука или его племени Ашиде. Племя Ашиде было не только очень многочисленным (с его тремя ветвями – Ашиде, Да Ашиде, Баян Ашиде) [8], но и велика была та роль, которую сыграли их лидеры во главе империи. Это напоминает ситуацию, когда могло возникнуть двойное правление у уйгуров или хазар [9].

Для автора орхонских памятников также было важно легитимировать новое политическое состояние дел, возникшее после 716 года. С его точки зрения, не династия целиком могла сохранять легитимность, а только часть династии, прямые потомки Эльтериш-хана. Начиная с 716 года и далее мы

можем наблюдать следующее изменение в политической структуре империи: прежний принцип династийного правления по старшинству был заменен принципом первородства [10]. Все повествование, относящееся к истории тюркской империи, было организовано таким образом, чтобы легитимизировать этот новый порядок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kljastornij S.G., Livšic, V.A.* The Sogdian Inscription of Bugut Revised // *Acta Orientalia Hungarica XXVI* (1972), 69–102.

² Первая попытка реконструировать структуру памятника в честь Тоньюкука была предпринята Дж.Клосоном: *Clawson, G., Sir.* Some notes on the Inscription of Toñuquq // *Ligeti L. (ed.): Studia Turcica* (Budapest 1971), 125–132.

³ *Sertkaya, O.F.* Göktürk tarihinin meseleleri: Bilge Tonyukuk'un âbidelerinin tarihledirilmesi üzerine // *Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi XXIV–XXV* (1986), 347–362, reprinted in: *Sertkaya, O.F.* Göktürk tarihinin meseleleri (Ankara 1995: 113–128; cf.: *Berta, Á.* Szavaimat jól halljátok.... A türk és ujjur rovásírásos emlékek kritikai kiadása [Hear my words... A Critical Edition of the Turkic and Uighur Runic Monuments] (Szeged 2004), 89–198.

⁴ С некоторыми незначительными изменениями мы придерживаемся прочтения и реконструкции Т. Текина: *Tekin, T.* A Grammar of Orkhon Turkic (Bloomington, 1968). Мы будем так обозначать памятники: Т. – Тоньюкук, I. – Кюль-тегин и II. – Бильге-каган.

⁵ LMT 157 (CTS), 210–211 (HTS); *Кизиборский С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 25–26.

⁶ О семантике глаголов *er-* и *uvarat-* см.: *Giraud, R.* L'inscription de Beï Tsokto. Édition critique – Paris, 1961. – P. 25–27.

⁷ LMT 171; *De Groot, J.J. M.* Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. – Berlin–Leipzig, 1921. – S. 55, 59; *Yu, Ying-shih.* The Hiung-nu // *Sinor, D. (ed.): The Cambridge History of Early Inner Asia* – Cambridge 1990. – P. 135.

⁸ LMT 453–454; *Зуев Ю.А.* «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо т. III, Цюань 72, стр. 1305–1308) // *Тр. Ин-та истории археологии и этнографии АН КазССР VI* (1960), 93–137; *Dobrovits, M.* The Thirty Tribes of the Turks // *Acta Orientalia Hungarica LVII* (2004), 257–262; *Добрович М.* Власть и пространство у древнетюрков // *Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века*, Вып. 11. – М., 2005. – С. 42–55.

⁹ *Ecsedy, H.* Uigurs and Tibetans in Pei-t'ing // *Acta Orientalia Hungarica XV* (1964), 83–104; *Mackerras, C.H.* *Mackerras, C.H.* The Uigurs // *Sinor, D. (ed.): The Cambridge History of Early Inner Asia*. – Cambridge, 1990. – P. 324; *Golden, P.* Khazar Studies. An Historico-Political Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980, I. – P. 99–102; *Golden, P.B.* Irano-Turcica: The Khazar Sacral Kingship Revisited // *Acta Orientalia Hungarica LX* (2007), 161–194; *Pohl, W. D.* Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. – München, 1988. – S. 293–300.

¹⁰ Описание традиционной системы преемственности власти см.: Гумилев Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI–VIII веках // Советская этнография, 1959, 3. – С. 12– 15; Barfield, Th. J. Perilous Frontier. Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757. – Cambridge MA–Oxford UK, 1996. – P. 133; Golden, P.B. "Ascent by Scales": The System of Succession in Kievan Rus' in a Eurasian Context // Duzinkiewicz J. & alii (ed.): States, Societies, Cultures, East and West: Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski. – New York, 2004. – P. 229–258.

Перевод с англ. Е.А. Огановой

Dobrovits, M. Textological Structure and Political Message in the Old Turkic Runic Inscriptions (an essay on the formation of the monarchy in Inner Asia, part 1)

Summary . The present paper gives a textological analysis of Old Turkic Orkhon inscriptions in order to reconstruct the phases of their creation, their textological structure, as well as parallels and interrelations between them. This analysis will make it possible to compare how they narrate certain well-known events in the history of the Second Turkic Khaganate. It will also probably shed light on historical and political ideas that were behind the creation of the inscriptions.

Key words: Orkhon inscriptions, Kul Tegin, Bilge Qayan, Tonyuqut, Ashina, Ashide, the year of 716.

О СООТНОШЕНИИ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ДАТИРОВАНИЮ НАДПИСИ В ЧЕСТЬ ТОНЬЮКУКА¹

И.В.Кормушин, г. Москва

Резюме. В статье анализируются проблемы более точного датирования недатированной рунической надписи начала VIII в. в честь Тоньюкука, государственного и военного деятеля II Восточнотюркского каганата и соратника его основателя – Ильтериш-кагана (682–691 гг.). Тоньюкук прожил долгую жизнь, он входил в состав высшего руководства и при следующих каганах – Капаган-кагане (691–716 гг.) и Бильге-кагане (716–734 гг.). К какому из этих правлений относятся события, описанные в памятнике в честь его, – вопрос, который уже около ста дискутируется в специальной литературе

Ключевые слова: древнетюркские рунические памятники, текстология, датирование недатированных текстов.

1. Прямое и косвенное датирование рунических надписей. Все тюркские рунические надписи, включая надпись в честь Тоньюкука, не имеют дат своего написания (составления). За одним исключением: при надписи Кюль-тегина в параллельном, но самостоятельном китайском тексте, отнюдь не являющимся переводом тюркской эпитафии, в связи с поминальными торжествами приводится специфическая китайская дата. Она однозначно и достоверно переводится на современный календарь как 732 г. н.э. Это – единственная точная дата во всех тюркских рунических памятниках, – а их общее число, включая сюда надписи в Монголии, на Енисее, на Алтае и в Таласской долине уже превысило две сотни.

Благодаря этой точной дате получают конкретное числовое значение еще около 15–20 дат различных событий, приуроченных в рассказе о Кюль-тегине к годам его жизни (а в рассказе о Бильге-кагане – к годам жизни самого кагана), типа: «когда Кюль-тегину было 26 лет, мы пошли на кыркызов». Ключ к пересчету событий на современный календарь дает следующая несложная логическая цепочка: 1) открытие мемориала в честь Кюль-тегина состоялось в «год обезьяны» – 708, 720, 732, 744 и др. годы н.э., но китайский текст на стеле Кюль-тегина определенно указывает на 732 г.; 2) Кюль-тегин умер в год предшествующий, «год овцы», который падает на ряд лет, в том числе на 731 г., чему также соответствует прямое указание на эту дату в выдержках из китайской истории «Тан шу», приведенных Иакинфом Бичуриным [Бичурин I, 1851/1998: 331/279]; 3) Кюль-тегин умер в возрасте 47 лет, отсюда вычисляем год его рождения: 731–47= 684 г.

Следовательно, приведенный нами в качестве примера поход тюрков против кыркызов (о чем будет еще речь ниже) состоялся в 710 г. (684+26). В надписи в честь Бильге-кагана, старшего брата Кюль-тегина, тот же самый поход на кыркызов пришелся на двадцать седьмой год жизни кагана Бильге, следовательно его год рождения: 710–27=683 г.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-24-03552е/Мон

2. *Проблемы датирования надписи в честь Тоньюкука исходя из ее содержания.* Надпись в честь Тоньюкука вообще не имеет ни одной даты в тексте, даже косвенной, такой неопределенной, как указание на года животного цикла. Однако содержание надписи во многом перекликается или сходно с содержанием орхонских текстов, что, конечно, должно пролить свет и на время создания надписи в честь Тоньюкука. Охарактеризуем структуру содержания последней.

Надпись в честь Тоньюкука высечена на двух больших гранитных стелах, входивших в мемориальный комплекс этого видного сановника II Восточно-тюркского государства и сподвижника его основателя, Ильтериш-кагана. Стелы с надписями почти одинаковы по размерам и форме, но первая несколько больше: стела I – 239 x 38 x 45 см; стела II – 211 x 56-43 x 36-21 см. На стеле I размещено 35 строк, на стеле II – 27, да и сами строки значительно меньше, чем на стеле I. Содержание одного из эпизодов, исчерпав место на стеле I, без каких-либо примечаний и повторений продолжается на стеле II.

Изложение в тексте надписи ведется в форме 1-го л. ед.ч., от имени самого меморианта, Тоньюкука, и судя по тому, что содержит его собственные рассуждения и размышления, его личные оценки и самооценки (в ряде случаев, несколько амбициозные) написана (или продиктована) действительно им самим, а не «от лица покойного меморианта», как это имеет место в енисейских памятных надписях. Содержание в целом посвящено созданию и завоеваниям II Восточно-тюркского каганата и той большой роли, по мнению Тоньюкука, которую он сыграл во всех этих событиях, будучи ближайшим советником и помощником кагана Ильтериша.

Композиционно это очень длинный рассказ состоит из нескольких тематических частей: 1. вводная – о провозглашении Ильтериша каганом (Тон, строки 1–7); затем части, посвященные борьбе с главными соперниками тюрков: 2. война с огузами (Тон, строки 8–17), 3. поход в Китай (строки 18–19), 4. война с кыргызами (Тон, строки 19–29), 5. война с тюркешами (Тон, строки 29–43), 6. поход в Среднюю Азию (Тон, строки 43–48). Цикл военных походов завершается 7-й, итоговой частью (Тон, строки 48–50). Следующая, 8-я часть – короткий рассказ о воцарении Капаган-кагана и роли в этом Тоньюкука (Тон, строки 51–54), и 9-я часть, заключительная (Тон, строки 54–62), состоит из неоднократных повторений значимости для государства тюрков, находящегося под руководством Капаган-кагана, деяний и побед Ильтериш-кагана и «товарища его по мудрости и славе», как говорит о себе сам Тоньюкук.

Таким образом, отнесенность всех, описываемых в тексте надписи Тоньюкука, событий к совершенно определенным историческим периодам существования II Тюркского каганата – правлениям Ильтериш-кагана (682–691) и Капаган-кагана (691–716), хорошо очерчивает время ее создания в целом, однако остаются кое-какие существенные детали, ряду из которых и посвящена настоящая статья.

3. *Повествовательные циклы в исторических сюжетах орхонских надписей и аналогия им в надписи Тоньюкука: суммарные итоги правлений. Цикл об Ильтериш-кагане.* Обе орхонские надписи – эпитафии в честь Кюль-тегина и в честь Бильге-кагана – облечены в форму рассказа Бильге-кагана об историческом прошлом тюрков и недавних событиях, включая периоды правления его отца, Ильтериш-кагана, его дяди, Капаган-кагана, и его собственное, с 716 года и далее. Анализ двух версий фактически одного текста выявил некоторые формальные признаки циклического построения таких рассказов, заключающиеся в наличии четырех основных тем: 1) воцарение («восседание») кагана (каганов) над

народом; 2) военные и государственные деяния каганов; 3) оценка и итог – морально-этическая характеристика деятельности каганов и их личности, а также общее число предпринятых ими военных походов и сражений; 4) смерть меморианта-героя (героев) и воздание им траурных почестей [Кормушин 2004: 112]. В соответствии с этим в конце повествовательных циклов об Ильтерише и Капагане содержатся конкретные данные о военных предприятиях: Ильтериш-каган совершил 47 походов и дал 20 сражений (КТ₁₅ // БК₁₃), Капаган-каган – 25 походов и 13 сражений (КТ₁₈ // БК₁₂₋₁₃).

В надписи Кюль-тегина после циклов повествований об отце и дяде рассказчик, Бильге-каган, характеризует и свое правление, начиная с воцарения, дает общую положительную оценку своим заботам о благе народа, своим многочисленным завоевательным походам. Однако суммарные цифры отсутствуют, надо думать потому, что царствование еще не закончено. Повествование логично переходит к рассказам о подвигах умершего брата, принца Кюля.

В надписи Бильге-кагана рассказ о правлении самого Бильге-кагана от его имени продолжен практически до конца его жизни (текст в этом месте сильно разрушен, но сохранилось одно из последних упоминаний возраста кагана – 19 лет, что приходится на 733 г., т.е. за год до смерти) и, к счастью, почти полностью сохранилась итоговая часть рассказа о его правлении, в которой, правда, нет обычной арифметики походов и сражений, но дается сумма годов пребывания у власти:

(БК Южн. ст., стк 9) *mān toqız jägirmi jil šad olurtım toqız jägirmi jil qay olurtım il tutdım* 'Я 19 лет сидел в качестве шада, 19 лет сидел в качестве кагана, держал государство'.

В надписи Тоньюкука после истории возведения Ильтериша в кагана (строки 1–7), в которой Тоньюкук сыграл ключевую роль (о новых нюансах «выборной» кампании Ильтериша см. [Кормушин 2006]), и рассказов о важнейших военных кампаниях тюрков, в которых Тоньюкук опять же принимал руководящее участие (строки 8–47), тоже, как и в орхонских надписях, содержат суммарные данные о военной активности кагана Ильтериша:

(Тон 48) *İltäriş qayan bilgäsin ücün* (49) *alpın ücün Tabyaçqa jätı yığın süñüşdi, Qıtañqa jätı süñüşdi, Oyuçqa baş süñüşdi. Anta ajıñcısı* (50) *jämä bän ärtim, jayıñcısı jämä bän ök ärtim. İltäriş qayanqa, Türk böğü qayanqa, Türk bığ qayanqa* 'Ильтериш-каган благодаря своей мудрости, благодаря своей храбрости с китайцами сражался 17 раз, с киданями сражался 7 раз, с огузами сражался 25 раз. Тогда я был и советником (в делах), и воеводой в сражениях – Ильтериш-кагану, Тюрк-Бөгю-кагану (?), Тюрк-Бильге-кагану (?)' – о поставленных нами в переводе таках вопроса см. ниже, п.11.

Конечно, обращает на себя внимание разница в числе походов и сражений обеих надписей, которая может означать разность источников таких сведений: крупные феодалы могли быть свои канцелярии. Поскольку же Бильге-каган в начале этих событий еще не родился, то велика вероятность того, что источник таких старых, обширных и точных (47 походов) данных был письменным! Дать сведения о 25 походах не с помощью узелков запоминать!

4. *Надпись в честь Тоньюкука: цикл о Капаган-кагане.* Как в КТ/БК по суммарным итогам, дополняемых, правда, в отличие от надписи Тоньюкука, с возданием траурных почестей умершим каганам, заканчивается цикл рассказов о одном кагане и начинается повествовательный цикл о другом, так и здесь: надписи Тоньюкука, с 51-й строки речь идет о сменившем Ильтериша его брате Капаган-кагане:

вполне справедливым: а как же те текстологические предпосылки об отнесенности событийной части, т.е. всех войн, ко времени его правления, закончившегося итоговыми цифрами его военных предприятий в строках 48–50? Последующий рассказ Тоньюкука о службе Капаган-кагану (строки 51–54), на мой взгляд, весомо подчеркивает и удостоверяет «рубежный» характер текста в строках 48–50. И всё же анализ Томсена и в целом, и в частности (особенно после открывшегося в результате поправок Томсена самого текста надписи нового действующего лица) теперь принимается почти всеми специалистами.

В. Томсен заявил, что, по его мнению, события надписи Тоньюкука, связанные с созданием коалиции трех каганов – императора Китая, кагана Западных тюрков и кагана Кыргызов, – и противодействием тюрков этой коалиции, следует отнести к гораздо более поздней эпохе, чем полагали Радлов, Хирт и Бартольд, а именно считать их идентичными событиям, описанным в орхонских надписях (чьё сходство отметил Бартольд), но в этом случае дата этих событий, согласно указаниям в текстах КТ/БК на возраст братьев, принца и кагана, приходится на 710–711 гг. [Thomsen, там же, 93].

Прежде всего, считает Томсен, последовательность событий и примечательных их деталей такова, что трудно допустить, чтобы они могли повториться в точности в истории тюрков дважды. Таков пассаж о переходе через снега Кегмена, высотой с копье; затем внезапная атака на кыргызов, каган которых был убит; затем кампания против тюргов из расположения в Алтунской черни и за рекой Иртыш; и, наконец, экспедиция в Согдиану [Thomsen, там же: 94].

И всё же поразительное сходство и в самих событиях, и в их чередовании, строго говоря, не является стопроцентным доказательством их исторической идентичности: мало ли какие могут быть совпадения! Другая возможная причина совпадения: могло иметь место заимствование описания аналогичного похода, что, как мне кажется, старался подчеркнуть Бартольд. Таким образом, в аргументах Томсена, на мой взгляд, решающим оказывается не похожесть событий, а выведение на сцену нового исторического персонажа, которого не было в тексте, установленном Радловым.

б. «Многокаганность» в правителе клана Капаган-кагана: сын Инэль-каган. *Функции Тоньюкука.* Томсен исправил две ошибки в чтении Радлова: *İnim qaγan* у Радлова – Томсен исправил на *İnal qaγan* (Тон, строка 31), а также *İnal qarγuqa* у Радлова – Томсен исправил на *İnal qaγanqa* (Тон, строка 45). Обе коррекции, как показала неоднократная их проверка разными эпиграфистами, в том числе автором этих строк, абсолютно справедливы. Этого Инэль-кагана Томсен отождествил с младшим сыном Капаган-кагана, упоминаемым в китайских хрониках под 714 г. как *I-nieh ko-han* [Thomsen, там же: 98; Бичурин 1851/1998: 330/277 – по Бичурину выходит, правда, 715 г.].

Хотя созвучность китайских транскрипций тюркским словам вещь обманчивая, ненадежная, вероятность предложенной Томсеном идентификации велика, поскольку именно в правление Капагана/Мочжо, по данным китайских хроник, по крайней мере, двое его сыновей имели титул «каган» и «малый каган». Этой ситуации наличия нескольких лиц с титулом «каган» недвусмысленно соответствует тюркский текст надписи Тоньюкука. В ситуации после возвращения из похода на кыргызов и в ходе подготовки к упреждающему удару по тюргам Каган (верховный каган) покидает армию по причине проведения поминков по умершей ханше и отдает распоряжения:

(30)... *qaγanım bän äbgärü täšajın tidi* (31) *qatum joq boltı anı jöplatajın tädi sü barıj tädi altun jısda oluruj tädi sü başı inäl qaγan tarduş şad barzun tädi bilgä toia-*

quqa bana ajdi (32) *bu süg elt tidi qijiniy könlüncä aj* 'Каган сказал: мне нужно отъехать домой, скончалась супруга, нужно устроить поминки, - сказал он. - Вы же идите войском, - сказал он, - расположитесь на (Монгольском) Алтае, - сказал. Во главе войска пойдут Инзль-каган и Тардушский шад, - сказал (Каган) Мне же, мудрому Тоньюкуку сказал: ты руководи походом (букв. веди это войско). Наказания назначай по своему усмотрению'.

Поскольку персонажи в этом пассаже текста все вместе, во взаимодействии, никакого ошибочного восприятия кого-либо из них не должно возникнуть, как это иногда может сложиться из мозаики сведений в китайских хрониках. Инзль-каган возглавлял армию и далее, в походе в Среднюю Азию, поскольку именно ему «поклонились» представители ряда среднеазиатских народов (Тон, строки 45–46). Тардушский шад – если действительно речь идет о кампании 710 г. – это Могилян, будущий Бильге-каган, который был назначен на должность шата народа тардуш в 697 г., в возрасте 14 лет (сведения из: БК, Восток, строка 15). В принципе, это мог быть и не Могилян, т.к. уже в начале формирования администрации Ильтериша, когда сплотившихся вокруг него стало «семьсот мужей» (не воинов, но предводителей разного калибра, разной численности отрядов) были сделаны назначения на должности ябгу телесов и шата тардушей (БК, Восток, строка 12), – но это событие, скорее всего, приходится на время до рождения Могиляна и его брата Кюля.

Тоньюкук не командующий, как Инзль-каган и Могилян, но он распоряжался «наказаниями», как можно думать, за несоблюдение командирами племенных соединений распоряжений командования. К серьезным проступкам, за которые следовало «наказывать», обычно относят опоздание к месту сбора сил, нарушение договоренностей по диспозиции и т.п., – что, как мы знаем из истории Чингис-хана, могло повлечь реальные серьезные наказания, вплоть до казни виновного. Наказывает же тот, кто ставит задачи и предупреждает об ответственности за неисполнение. Следовательно, Тоньюкук назначал пути и порядок следования колонны (т.к. конница не может передвигаться единым фронтом), в этом смысле надо понимать фразу кагана, сказанную Тоньюкуку: «это войско поведешь ты» (Тон, строка 32, см. выше), устанавливал места встреч, организовывал совместные действия при нападении на противника и отражении его атак и т.д. и т.п., т.е. фактически отвечал за взаимодействие родов и видов войск, что входит, говоря по-современному, в функции начальника штаба.

Это, видимо, те же обязанности, которые были возложены на Тоньюкука и в мирное время, о чем он говорит в пассаже о своей роли при новом кагане, Капагане, строки 51–54 (см. выше, п. 4), – укрепление обороноспособности тюркского многоплеменного государства, что связано не только с оповещением о подходе неприятеля, но и с организацией отпора проникновению врага путем мобилизации основных сил, их взаимодействию с заградительными отрядами и между собой и т.д.

Понятно, роль полководца велика, но и координирующе-распорядительная деятельность начальника штаба (неважно, имеет эта функция такое название или не имеет) не менее значима. Явно осознавая это, Тоньюкук неоднократно подчеркивает свою роль рядом с каганом-полководцем. Опираясь на эту самооценку Тоньюкука, Томсен называет его «душой и реальным главой армии» в отличие от «номинальных начальников» – Инзль-кагана и Тардушского шата [Thomsen, там же: 97]. Наверное, это преувеличение, вызываемое очарованием, которому мы все поддаемся, читая жизненную исповедь «старого мудрого Тоньюкука». Думается, поправка в сторону от собственно командной к распорядительно-

штабной роли Тоньюкука ближе к тому, что хотел донести до читателя сам Тоньюкук о ценности своего служения: ведь он понимал, что сам он не был вторым лицом в официальной таблице о рангах. Это видно из приведенной ситуации, когда он констатирует, что выше него были поставлены в соответствии с их статусом Инзль-каган и Тардушский шад.

7. *Логическая контроверза в хронологической оценке событий.* Итак, наличие Инзль-кагана в рассказе о событиях войны с тюркешами и походе в Среднюю Азию переносит эти события в период правления Капаган-кагана. Тем самым большая часть текста надписи, от строки 20 по 48, оказывается хронологически отнесенной ко времени правления Капагана, поскольку война с кыргызами и последовавшие за этим походы тюрков против тюркешей и в Среднюю Азию – звенья одной цепи, начало которой, согласно хронологическим привязкам орхонских текстов, падает на 710 г. Получается логическая неувязка следующих частей текста в надписи Тоньюкука: 1) с начала и до 20 строки Тоньюкук рассказывает о воцарении и войнах Ильтериш-кагана; 2) затем, строки 20–48, без какого-либо перехода повествует о военных предприятиях Капаган-кагана – если стоять на точке зрения Томсена; 3) с конца 48 и по строку 50 линия Капаган-кагана прерывается и идет подведение военных итогов Ильтериш-кагана; 4) затем, строки 51–54, снова о Капаган-кагане – начиная с воцарения!; 5) затем почти до конца, строки 54–61, опять про Ильтериша и самого Тоньюкука.

В данной последовательности частей текста логическую нестыковку образует часть 2, поскольку она «разрезает» изложение событий, относящихся ко времени Ильтериш-кагана. Возврат же к общей оценке Ильтериша и самого Тоньюкука в части 5 после части 4 с кратким рассказом про время Капагана выглядит психологически оправданным.

8. *Другой сын Капаган-кагана – Бөгю-каган.* По мнению В. Томсена, в надписи Тоньюкука фигурирует еще один сын Капагана-кагана – Bögü qaγan (строки 34 и 50), «который посылал номинальным командующим и Тоньюкуку ... приказы относительно кампании против западных тюрков» [Thomsen, там же: 97]. Представляется необходимым оспорить данный тезис.

Тюрки по предписанию «верховного кагана» остаются выжидать развития событий на Монгольском Алтае (Тон, строки 31–32), перебежчики доносят, что войско тюркешей полностью на марше и направляется в Ярышскую степь, Тоньюкук посылает эти сведения кагану, и от кагана получает ответ:

(33) *ol sabıy ıdım qantajan sabıy jana* (34) *käl<ür>ıl olıraq tıjın tāmıš jalmı qaraqı adgüti uryıl basıtma tāmıš bög<ü> qaqan baγaru anda yldmıš apa tarqanγaru ıcrā sab ıdmıš bılgā tonıquq anıy ol üz ol* (35) *sü forlım tādācı unaman* ‘те сведения я отослал; от кагана ответное послание пришло: «оставайтесь (на месте), укрепите отряды разведки и дозоры [ДТС, 424: qaqayı], не допусти, чтобы (враг) напал на тебя (внезапно)», – разумно-мудрый каган/Бөгю-каган (?) так мне ответил. Главнокомандующему же он направил отдельное послание: «мудрый Тоньюкук своеирравный, упрямый. Если он скажет: идемте войском, – не соглашайтесь!».

Данная ситуация является продолжением цитированного выше распоряжения верховного кагана по планам выжидательных действий тюрков и расстановке командных кадров (Тон 30–32, см. выше, п.6). Здесь же, в строке 33, Тоньюкук отправляет разведанные, естественно, тому же верховному, от кого он имел поручение по особому попечению за войсками. И получает в ответ, надо думать, от него же, а не от сына, призыв к терпению и мерам предосторожности. Как вежливый человек он называет кагана не «осторожным», но «разумным, крепким разумом, благоразумным, разумно-мыслящим, разумно-мудрым»: в понятии

разумности сема благоразумной осторожности, конечно, есть. К тому же эпитет *бийге* 'мудрый' Тоньюкук оставляет за собой.

Из дальнейшего текста надписи известно, что Тоньюкук всё же не послушался предостережения верховного: он «повел войска, по бездорожью перевалил Алтай, без переправ перешел Иртыш, всю ночь скакали и на рассвете достигли Болчу» (Тон, строка 35). Река/озеро Болчу (Урунгу/Баян-гол), судя по расстоянию в один марш-бросок, – еще в Джунгарии [Войтов 2010: 10-12]². Далее, несмотря на возражения беков-командиров отрядов, он настаивает на битве, дает успешное сражение с превосходящими силами противника (Тон, строка 40), в котором принял непосредственное участие Тардушский шад (Тон, строка 41), одерживает при поддержке Высших сил полную победу.

Возвращаясь к началу ситуации войны с торгешами, зададимся естественным вопросом: как все-таки Тоньюкук мог нарушить прямое указание верховного кагана? Могу предположить, что сначала ему удалось убедить своих непосредственных начальников – Инзль-кагана и шад тардушей: не теряя времени на повторный запрос ставки, быстрым марш-броском опередить соединение коалиционных сил. А после марш-броска – еще раз убедить командующих армией и командиров отрядов дать сражение, ибо отказ от сражения грозил более серьезными осложнениями.

Второй раз упоминание Бёгю-кагана тоже, по моему мнению, носит «нарицательный характер», о чем сказано ниже, п. 11, пример а) из строк 49–50.

9. *Среднеазиатский поход тюрков.* После выигранного сражения при Болчу Тоньюкук присоединяет войско побежденных торгешей к войску тюрков, и объединенная армия совершает поход в Среднюю Азию (о чем подробнее: [Кляшторный 2003: 188 и след.]), откуда привозит богатые трофеи (Тон, строка 48).

В надписи Тоньюкука событийная часть заканчивается среднеазиатским походом восточных тюрков, завершившим фактически единую иницированную торгешами многоэтапную кампанию, которая была направлена против коалиции китайцев, торгешей и кыргызов. Началась же эта кампания превентивным походом против кыргызов, продолжилась переходом через Алтай и движением в Джунгарию, где состоялась крупное сражение у Болчу. После чего тюрки продвинулись в Среднюю Азию. В орхонских надписях об этом сказано кратко, причем по-разному в КТ и БК: в Кюль-тегине – то, что войска пошли на Сыр-Дарью и дошли до Железных Ворот в Согде, а в Бильге-кагане говорится о походе на Бешбалык в Восточном Туркестане. Допустимо предполагать, что имело место разделение войск на два отряда. В Тоньюкуке гораздо подробнее описывается экспедиция по маршруту Сыр-Дарья – Железные Вороты. С.Г. Кляшторный видит два разных, хотя и близких по времени среднеазиатских похода: Тоньюкука – Инзль-кагана и Могиляна – Кюль-тегина [Кляшторный 2003: 187], с чем не согласны В.П. Юдин и В.Е. Войтов [Юдин 1968: 69; Войтов 2010: 64].

Для нашей темы важен лишь тот факт, что надпись Тоньюкука в части реальных событий заканчивается 712 г., т.е. еще временем Капаган-кагана.

10. *Грамматическое и реальное время заключительной части надписи Тоньюкука.* Краткий цикл о Капаган-кагане (Тон, строки 51–54, см. выше, п. 4) прерывается тем, что с конца 54 строки Тоньюкук возвращается к восхвалению заслуг своего главного в жизни патрона – Ильтериш-кагана, везде добавляя себя как его сподвижника, причем в строках 56–58 текст относится уже только к са-

² Приношу искреннюю благодарность В.Е. Войтову за обсуждение через электронную переписку некоторых положений представляемой здесь статьи – *авт.*

мому Тоньюкуку. Отсутствие количественных итогов деятельности Капаган-кагана — походов, сражений, свидетельствует, на мой взгляд, о том, что речь идет о правлении, еще не закончившемся.

К этому же склоняет обращенность в план настоящего трех заключительных сентенций надписи, строки 59–62. Первая из них, строки 59–60, определена составлена во время Капаган-кагана и как бы в назидание ему:

(59) *İltaris qayan qazyanmasar joq ärsär bän özüm bilge Tonjoquq qazyanmasar bän joq ärtim ärsär* (60) *Qapayan qayan Türk sir bodun jürimä bod jämä bodun jämä kişi jämä idl joq ärtäci ärti* 'Если бы Ильтериш-каган не приобрел, если бы его не существовало, а также я, мудрый Тоньюкук, если бы не приобретал и меня бы не было, в земле народа тюрков-сиров Капаган-кагана не было бы ничего: ни народа, ни племени, ни людей'.

Фразы строк 59–60 практически повторяют аналогичные слова в строках 54–56, но здесь они получают новую смысловую нагрузку: реализованное прошлое (завоевания Ильтериша и Тоньюкука) своеобразно противопоставлено настоящему, реализуемому в государстве Капаган-кагана: «в этом государстве сейчас, когда пишутся эти слова, есть и народ, и племена, и люди».

Аналогичный посыл заключен во второй сентенции:

(61) *İteris qayan bilge Tonyokuk kazgantuk üçün Kapagan qayan Türk sir bodun yerinte yoriduka bu* 'Благодаря завоеваниям Ильтериш-кагана и мудрого Тоньюкука, Капаган-каган и народ тюрков-сиров — вот они: живут'.

И в этой фразе, как и в только что разобранных строках 59–60, прошлые завоевания Ильтериша и Тоньюкука преподносятся как условия нынешнего существования народа во главе с Капаган-каганом.

11. *Возможные варианты датирования надписи в честь Тоньюкука.* Согласно приведенным текстологическим доводам, надпись Тоньюкука скорее всего синхронна времени Капаган-кагана. Именно этими, давно сформировавшимися соображениями руководствовался автор этих строк, когда самостоятельно, без совета с основным автором Введения к Древнетюркскому словарю В.М. Надельевым (после его отъезда в Новосибирск доработка и Предисловия, и Введения к ДТС легла на меня) мною, на свой страх и риск, дана была следующая датировка: «предположительно между 712 и 716 г.» [ДТС 1969: с. XXX]. В качестве верхней-й границы выступает дата смерти Капаган-кагана, 716 г., а в качестве нижней границы принимается возвращение из среднеазиатского похода по поздней из двух возможных версий — в интерпретации В. Томсена. Упоминание личных моментов риска и ответственности связано только с тем, что у самого В. Томсена надпись датирована временем Бильге-кагана, т.е. после 716 г. [Thomsen, там же: 99], и это его заключение разделяется многими учеными.

Вывод же В. Томсена базируется на упоминании в заключительных частях надписи Тоньюкука *bilge qayan*'а. Данное словосочетание проходит в тексте трижды:

- a) (49) ... *Anta ajuéisi* (50) *yämä bän ök ärtim, jayéisi yämä bän ök ärtim. İltaris qayanqa, Türk böğü qayanqa, Türk bilgä qayanqa;*
 b) (58) *Türk bilgä qayan ilinje bitidim, bän bilgä Tonjoquq;*
 c) (62) *Türk bilgä qayan Türk Sir bodumy igidü olurur.*

Кажется, еще не обращали внимания на то, что имя собственное, в принципе, не нуждается в этническом определении (если только речь не идет о чужих правителях). Если взять пример (a) и допустить, что под *Türk böğü qayan*'ом имеется в виду Бёгю-каган, сын Капаган-кагана, а под *Türk bilgä qayan*'ом подразумевается Бильге-каган, следующий за Капаганом правивший каган, то поче-

му у Ильтерша нет определения Тюрк? Уверен, что во всех этих примерах словосочетания *türk böğü qaγan* и *türk bilge qaγan* следует толковать как простые определительные (нарицательные), получая следующие, не вполне традиционные переводы:

а) ... 'Тогда я был и советником (в делах), и вонтемом в сражениях – Ильтерш-кагану, тюркским мудрых разумом каганам, тюркским опытным в делах правления каганам';

б) 'Я велел написать (всё это) для государства тюркских мудрых в делах правления каганов, я, мудрый Тоньюкук';

в) 'Тюркские мудрые каганы поддерживают народ тюрков-сиров, народ огузов'.

Конечно, предложенное нарицательное толкование выражения *Türk bilge qaγan* требует большого дополнительного обследования на ряде текстов, но одно такое доказательство приведу уже сейчас.

Надпись в честь Бильге-кагана – и это тоже не всегда подчеркивается в текстологических комментариях – формально вставлена в слова сына-наследника, начинающего текст своим словом в первой строке надписи и вклинивающегося вновь после жизнеописания отца (сделанного самим отцом) сообщением о датах его смерти и поминальных торжеств в строках 52–57 (= БК Южн. ст., стк 10–15). Внутри этой рамки (т.е. строки 2–52, самое начало строки 52) и за ее пределами (строки 58–72) текст принадлежит покойному Бильге-кагану; это ясно из идентичности этого текста тексту надписи Кюль-тегина, который написан от имени еще здравствовавшего в то время его старшего брата, Бильге-кагана. Наследник Бильге-кагана именуется в Тан-шу *Ижам-ханом*, но в тюркском тексте он называет себя точно так же, как и его отец себя:

(БК Вост. ст., стк 1) *tāγri tāg tāγri jaratmīs türk bilgä qaγan sabīm qaγīm türk bilge qaγan* ... 'Небоподобный, Небом рожденный Тюркский Мудрый каган, (вог) моя речь: мой отец, Тюркский Мудрый каган ... (повреждение текста)';

(БК Южн. ст., стк 13) *tāγri tāg tāγri jaratmīs türk bilgä qaγan sabīm qaγīm türk bilge qaγan olurtuqinta türk amtī bāglār*... 'Небоподобный, Небом рожденный Тюркский Мудрый каган, (вог) моя речь: мой отец, Тюркский Мудрый каган, когда восходил на трон, нынешние тюркские беки [которые столь послужили моему отцу, располагались в следующей иерархии]';

12. Почему еще трудно согласиться с мнением В. Томсена о составлении надписи Тоньюкука в правление Бильге-кагана? Судя по тому, как В. Томсен пишет об этом в заключительном параграфе «Замечания по хронологии надписи Тоньюкука» своих «Этюдов», ему такое положение дел представлялось само собой разумеющимся:

«Хотя столь интересная и детальная надпись Тоньюкука составлена после зашествия Бильге-кагана, когда автору было уже за 70 лет, в ней содержится несколько его воспоминаний. Не вдаваясь в различные превратности своей долгой жизни, этот "делатель королей" и министр трех каганов отобрал совсем небольшое число особо примечательных фактов, которые носили отпечаток его дипломатического и тактического гения и его несгибаемой воли, фактов, которые он представил с законной гордостью в качестве примера для подражания в будущем» [Thomsen, там же: 99].

В этом своем представлении о службе Тоньюкука трем каганам В. Томсен опирался уже в большей степени на свидетельство китайских источников, в которых есть весьма неординарные подробности смены власти после смерти Капа-

**МАТЕРИАЛЫ О В.В. РАДЛОВЕ В ДОКУМЕНТАХ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

Л.Н. Закирова, г. Казань

Резюме. В статье излагаются некоторые сведения о профессиональной деятельности В.В. Радлова в период его пребывания в г. Казани, которые отражены в документах, хранящихся в Национальном архиве Татарстана.

Ключевые слова: архив, биографические сведения, профессиональная деятельность.

О Василии Васильевиче Радлове (1837–1918) как о выдающемся ученом, основоположнике тюркологической науки в России написано много, однако отдельные стороны его научной биографии все еще остаются малоизученными. К таким лакунам, прежде всего, относится казанский период деятельности (1871–1884) В.В. Радлова. Необходимо отметить, что в Национальном архиве Республики Татарстан (далее НА РТ) хранится богатый архивный материал о деятельности известного тюрколога в 1871–1884 гг. Введение в научный оборот данных документов позволяет раскрыть новые аспекты научной, административной и педагогической деятельности В.В. Радлова в Казани.

Основной комплекс документальных источников о В.В. Радлове отложился в фондах Казанского учебного округа (ф. 92) и Казанского университета (ф. 977).

Наиболее обширную группу представляют документы о служебной деятельности В.В. Радлова.

10 марта 1871 г. повечитель Казанского учебного округа П.Д.Шестаков направил министру народного просвещения Д.А.Толстому ходатайство об учреждении при управлении Казанского учебного округа должности инспектора татарских, башкирских и киргизских школ и об определении на эту должность В.В. Радлова, в котором указаны следующие обязанности инспектора: хорошо знать татарский язык, быт и нравы татарского, киргизского и башкирского народов; открывать школы, где они необходимы; руководить учительскими школами; обеспечить школы необходимыми учебными пособиями [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10290, лл. 1–2]. 13 ноября 1871 г. Д.А. Толстой направил П.Д. Шестакову уведомление об учреждении Государственным Советом в Казанском учебном округе должности инспектора татарских, башкирских и киргизских школ с назначением ему жалованья три тысячи рублей в год [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10290, лл. 5–6]. Официально на эту должность В.В. Радлов был назначен приказом № 1 от 8 января 1872 г. Министерства народного просвещения [НА РТ, ф. 92, оп. 3, д. 68, 11 л.].

Свои обязанности в должности инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа В.В. Радлов исполнял строго по инструкции [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10290, л. 8]. Как было указано в данном документе, в обязанности инспектора входило: 1) устройство среди мусульманского населения татарских школ или так называемых начальных народных училищ

единое общеалтайское явление. Эта работа внесла значительный вклад в изучение проблем исторической фонетики тюркских языков.

Третий этап научно-исследовательской деятельности проф. Дж.Г. Киекбаева восходит к началу 60-х гг. и связан с изучением теоретических оснований исторической грамматики урало-алтайских языков. По данной проблеме он публикует целый ряд научных статей в ведущих научных журналах и сборниках, участвует в работе различных конференций, симпозиумов и семинаров. Основные результаты его исследований были уже посмертно опубликованы в двух монографиях: «Введение в урало-алтайское языкознание» (Уфа, 1972), «Основы исторической грамматики урало-алтайских языков» (Уфа, 1996). Ученый в них разрабатывает теорию определенности-неопределенности, которая как категория грамматическая характерна не только для индоевропейских языков, как ранее считалось, но и для урало-алтайских языков (в т.ч. и для башкирского). Автору удалось выявить и систематизировать средства выражения определенности-неопределенности в урало-алтайских языках, квалифицировав их как фонетические, морфологические, лексические и синтаксические.

До изысканий Дж.Г. Киекбаева в алтаистике доминировала теория о том, что все грамматические аффиксы произошли только от самостоятельных слов (Г.И. Рамstedt, Н.К. Дмитриев, Э.В. Севортян). Дж.Г. Киекбаеву впервые в истории отечественной урало-алтаистики удалось показать, что сложные аффиксы возникали путем сращения древнейших простых аффиксов с тем же значением: например, аффикс мн. числа *-лар* (*алма-лар* 'яблоки') распадается на два древнейших общеалтайских аффикса мн. числа *-л* и *-р*, при этом между ними функционирует широкий гласный *-а-* как показатель неопределенной множественности. В этих работах автор приводит также дополнительные доказательства о генетическом и типологическом родстве уральских и алтайских языков, опираясь при этом на данные их морфологии.

Особым направлением научно-исследовательской деятельности Дж.Г. Киекбаева является лексикология родного языка: в 1966 г. увидел свет его вузовский учебник «Лексика и фразеология современного башкирского языка» (Киекбаев Ж. Г. Хазерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы: Уҡыу кулланмаһы. – Өфө: Башк. кит. нәшр., 1966. – С.108.). В книге рассмотрены проблемы формирования башкирского литературного языка, вопросы стилистики, диалектологии, основ терминологии и лексикографии. Новаторским подходом автора в этой работе следует считать исследование отраслевой лексики башкирского языка путем выделения многочисленных тематических групп. Так, им описано 11 тематических групп заимствований из русского языка (названия строений, посуды, продуктов питания и т.д.). Кроме этого выделены еще 6 тематических групп профессиональной лексики (животноводство – 165 единиц, пчеловодство – 42 единицы, лесное хозяйство – 56 слов, охота – 31 слово), земледелие – 72 единицы, обработка холста – 34 единицы). В дальнейшем эти новаторские исследования Дж.Г. Киекбаева были продолжены и творчески углублены языковедами Э.Ф. Ишбердиным, Н.Х. Максютовой (1932–2004), С.Ф. Миржановой (1924–2000), М.Х. Ахтямовым, У.Ф. Надергуловым (1937–1997), М.И. Багаутдиновой, Г.Н. Ягафаровой. Усилиями этих ученых были выявлены хронологические рамки формирования лексики башкирского языка.

Дж.Г. Киекбаевым написано также большое количество статей по проблемам диалектологии, стилистики, культуры речи и топонимики башкирского языка. Всего он является автором более чем двухсот работ, среди которых девять монографий, учебники, программы, статьи.

Ученый много сделал для развития высшего образования в республике: он является автором программ курсов «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» (Уфа, 1967), «Введение в урало-алтайское языкознание» (Уфа, 1967), «Сравнительная грамматика тюркских языков» (Уфа, 1967).

ган-кагана и последующей судьбе самого Тоньюкука и других персонажей его воспоминаний.

Согласно китайской летописи, Мочжо/Капаган-каган был убит в отместку за поражение в битве на реке Толе одним из рассеянных отрядов Байегу [байырку], входивших в объединение Девяти огузов. «Кюе Далэ [Кюль-тегин], сын Гудулуев [Кутлуга/Ильтериш-кагана], напал на малого хана (Кюси-хана, которым был сын Мочжо – Фугюй/Бёгю), убил его и с ним истребил весь род его» [Бичурин 1851/1998: 331–332/278]. В другом отрывке Бичурин скомпилировал китайские сведения следующим образом: «по смерти Мочжо [Капаган-кагана], Кюе Далэ [Кюль-тегин] всех служивших при сем хане государственных людей предал смерти: только одного Туньюйгу пощадил; потому что дочь его Пофу была женою Могиляня [Бигя-хана/Бильге-кагана]. Туньюйгу был отрешен и послан в свое поколение» [Бичурин там же, 332/279]. Но впоследствии, когда «многие роды стали колебаться ... Могилянъ призвал Туньюйгу в советники к себе. Туньюйгу имел 70 лет отроду [что дает, примерно, 647 или 648 год его рождения – И.К.]; народ уважал и боялся его» [Бичурин, там же 333/279]. Здесь же в выдержках Бичурина приводятся примеры этих поистине многомудрых, результативных в военно-политическом отношении советов [Бичурин, там же 333–335/279–281] и в этом месте, под 725 г. – согласно дополнениям из Ганму, последний раз упоминается Тоньюкук.

Жестокое выступление Кюль-тегина против «малого кагана» и других наследников Капаган-кагана все комментаторы связывают с попыткой узурпации последними власти, не исключено, что спровоцированной самим Капаган-каганом раздачей титулов «каганов» своим сыновьям. Вероятно, в 698 г., когда детям Ильтериш-кагана было соответственно 15 и 14 лет, а их двоюродные братья, по-видимому, были значительно старше, такая подстраховка властных функций правящего клана имела смысл. Но по мере возмужания сыновей Ильтериш-кагана (к 716 г. им стало соответственно 33 и 34 года), второстепенное их положение стало двусмысленным и провокационно-антилегитимным. Ведь по действовавшему среди тюрков обычному праву власть переходила по цепочке братьев от старшего к младшему, а затем к старшему сыну старшего брата и т.д.

Свое воцарение Бильге-каган в орхонских надписях квалифицировал безмятежно, как волю того же Неба, которое возвеличило его отца и мать: никакого упоминания о термидорианском перевороте Кюль-тегина и казни узурпаторов (КТ₂₅₋₂₇/БК₂₁₋₂₃).

Кроме того, в той части орхонских текстов КТ/БК, где рассказывается о войне тюрков против тюркешей и последующем походе в Согдиану (КТ₃₉) и на Бешбалык в Восточном Туркестане (БК₂₈), приходящимся в пересчете через возраст братьев на 710 г. и идентичным, по версии В. Томсена, или аналогичным, по версии Радлова-Хирта-Бартольда, событиям, описанным в надписи Тоньюкука, никакого упоминания Инзль-кагана (который у Тоньюкука был командующим экспедиционной армией!) нет. Да, законный каган Капаган и деятельность братьев в его правление и под его руководством, есть, а вот провинившихся двоюродных «малых каганов» – как не бывало. В истории такое происходило неоднократно!

Если принять версию В. Томсена о том, что обсуждаемые события – война против тюркешей и т.д. – идентичны и происходили начиная с 710 г., то тогда с необходимостью следует отказаться от другой версии Томсена, что надпись Тоньюкука составлена в правление Бильге-кагана, т.е. после 716 г. Вряд ли бы сосланный к себе на «малую родину» опальный начальник генштаба – в первые

годы правления своего зятя, а тем более чуть позже прощенный и возвращенный на службу Тоньюкук рискнул бы напомнить о тех, кого новый, но легитимный властный клан постарался стереть – физически и морально – со страниц истории. Но если «рукописи не горят», то и имена не уходят в никуда – где-нибудь они да остаются!

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. Древнетюркские надписи и арабские источники // В.В.Бартольд. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. = Перев. *Barthold W.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. // ATIM Z.F. – St. Petersburg, 1899.

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т.1. – СПб. / Алматы, 1998.

Войтов В.Е. Походы тюрков за Саяны, в Джунгарию и Согдиану. К вопросу о датировке и маршрутах // Материальная культура Востока. Вып. 5. – М., 2010.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Клашторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.

Кормушин И.В. Древние тюркские языки. Учебное пособие. – Абакан, 2004.

Кормушин И.В. Кого и что имел в виду Тоньюкук в пригче о тощих и жирных быках? // Востковедение. 27. Филологические исследования. – СПб., 2006. – С.74–93.

Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. I. Zeit des Ku-tu-lu (Iheres khan) // ATIM Z.F. – St. Petersburg, 1899.

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. (ATIM Z.F.). – St. Petersburg, 1899.

Thomsen V. Turcica. Études concernant l'interprétation de inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie // MSFOu, XXXVII, Helsingfors, 1916.

Kormushin, Igor V. On correlation of textual and historical approaches to dating the Tonyukuk inscription

Summary. The paper discusses the problems of dating a very famous Old Turkic Runic inscription in honor of Tonyukuk. Two interrelated issues are debated: the dating of real events reflected in the text, and the time of the text creation. Concerning the first issue, we give preference to V. Thomsen's opinion who challenged that of V.V. Radloff that the events described in the inscription should be dated back to the time of the rule of Ilterish-Hagan (i.e. until 691 AC). V. Thomsen proposed their dating by 710–712 AC. on the basis of their similarity with the events described in Orkhon inscriptions that have the exact dating. In this article, the author emphasizes the importance of not only the similarity of the events and their details, but also that of the historical characters they refer to. As for the time of the inscription's creation, the author contradicts V. Thomsen and substantiates his already published opinion that the creation of the Tonyukuk inscription does not extend beyond the time of the rule of Kapaqan Qayan, i.e. it was created between 712–716 AC.

Key words: Old Turkic Runic inscriptions, dating problems, the Tonyukuk inscription.

годы правления своего зятя, а тем более чуть позже прощенный и возвращенный на службу Тоньюкук рискнул бы напомнить о тех, кого новый, но легитимный властный клан постарался стереть – физически и морально – со страниц истории. Но если «рукописи не горят», то и имена не уходят в никуда – где-нибудь они да остаются!

ЛИТЕРАТУРА

Бартольд В.В. Древнетюркские надписи и арабские источники // В.В.Бартольд. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. — Перев. *Barthold W.* Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen. // АТМ Z.F. – St. Petersburg, 1899.

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т.1. – СПб. / Алматы, 1998.

Войтов В.Е. Походы тюрков за Саяны, в Джунгарию и Согдиану. К вопросу о датировке и маршрутах // Материальная культура Востока. Вып. 5. – М., 2010.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Кляиторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.

Кормушин И.В. Древние тюркские языки. Учебное пособие. – Абакан, 2004.

Кормушин И.В. Кого и что имел в виду Тоньюкук в притче о тощих и жирных быках? // Востковедение, 27. Филологические исследования. – СПб., 2006. – С.74–93.

Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. I. Zeit des Ku-tu-lu (Ilters khan) // АТМ Z.F. – St. Petersburg, 1899.

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. (АТМ Z.F.). – St. Petersburg, 1899.

Thomsen V. Turcica. Études concernant l'interprétation de inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie // MSFOu, XXXVII, Helsingfors, 1916.

Kormushin, Igor V. On correlation of textual and historical approaches to dating the Tonyukuk inscription

Summary. The paper discusses the problems of dating a very famous Old Turkic Runic inscription in honor of Tonyukuk. Two interrelated issues are debated: the dating of real events reflected in the text, and the time of the text creation. Concerning the first issue, we give preference to V. Thomsen's opinion who challenged that of V.V. Radloff that the events described in the inscription should be dated back to the time of the rule of Ilterish-Hagan (i.e. until 691 AC). V. Thomsen proposed their dating by 710–712 AC, on the basis of their similarity with the events described in Orkhon inscriptions that have the exact dating. In this article, the author emphasizes the importance of not only the similarity of the events and their details, but also that of the historical characters they refer to. As for the time of the inscription's creation, the author contradicts V. Thomsen and substantiates his already published opinion that the creation of the Tonyukuk inscription does not extend beyond the time of the rule of Kapaqan Qayan, i.e. it was created between 712–716 AC.

Key words: Old Turkic Runic inscriptions, dating problems, the Tonyukuk inscription.

НАСКАЛЬНАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ
ИЗ УРОЧИЩА КОЙТУБЕК
(ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

Новое прочтение

С. Г. Кляшторный, г. Санкт-Петербург

Резюме. В статье предлагается новый вариант прочтения надписи из урочища Койтубек, предложенного ранее И.Л. Кызласовым.

Ключевые слова: малые рунические надписи, посетительская надпись, руническая палеография.

В пространной статье, опубликованной И.Л. Кызласовым, была издана небольшая наскальная руническая надпись (вертикальная строка из 12 знаков) из урочища Койтубек (Восточный Казахстан) [Кызласов 2011: 62–74]. Надпись была обнаружена археологом А.Е. Рогожинским (1985 г., повторно копирована в 2008 г.), изготовившим превосходную копию памятника. Копия надписи опубликована И.Л. Кызласовым и воспроизводится ниже. А.Е. Рогожинский сделал подробное описание всех особенностей самой скальной поверхности и технологии нанесения на нее рунических знаков, отметив при этом, что два верхних и шесть нижних знаков выполнены в технике выбивки, остальные четыре знака глубоко (до 2 мм.) прорезаны по поверхности (цит. по: [Кызласов 2011: 63]).

Прочтение надписи практически не затруднено какими-либо внешними факторами (эрозия, порча знаков и т. п.). И однако же предложенное И.Л. Кызласовым ее прочтение и интерпретация вызывают оправданные сомнения. Рассмотрим некоторые палеографические и грамматические утверждения автора (счет знаков надписи снизу вверх).

Правильно отметив, что надпись выполнена таласским вариантом тюркского рунического письма, И.Л. Кызласов читает первый знак \mathbb{N} *i-*, между тем как здесь вполне очевидное и обычное для таласских надписей велирное \mathbb{N} *q-* с легким наклоном вправо (см. палеографические таблицы: [Батманов 1971: 21; Амагжолов 2003: 58]). Подобное начертание знака для палатального *-i-* в таласской эпиграфике, как, впрочем, в орхонской и енисейской, не зарегистрировано.

Второй, уже грамматической натяжкой в суждениях И.Л. Кызласова стало чтение седьмого, восьмого и девятого знаков (\mathbb{C} \mathbb{D} *ajur-*) как глагола *aj-* в сочетании с одним из аффиксов понудительного залога (*-r-*). Между тем, глагол *aj-* во всех зарегистрированных в надписях случаях его употребления в понудительном залоге сочетается только с аффиксом *-r-*, что, кстати, отмечено примером, приводимом А.Н. Кононовым на той самой странице, которую цитирует И.Л. Кызласов [Кононов 1980: 179]. В любом случае, вокализация аффикса *-r-* через губное *и-* при глаголе *aj-* невозможна, так как грубо нарушает сингармонический ряд.

Последний, двенадцатый знак – круг, И.Л. Кызласов читает как *-m*, что в таласском варианте рунического письма возможно, хотя и крайне редко, так как преобладают шесть других его аллографов (см., например, упомянутые выше таблицы).

Обратимся к чтению надписи, которое не вызывает особых затруднений и мало вариативно (Рис.1).

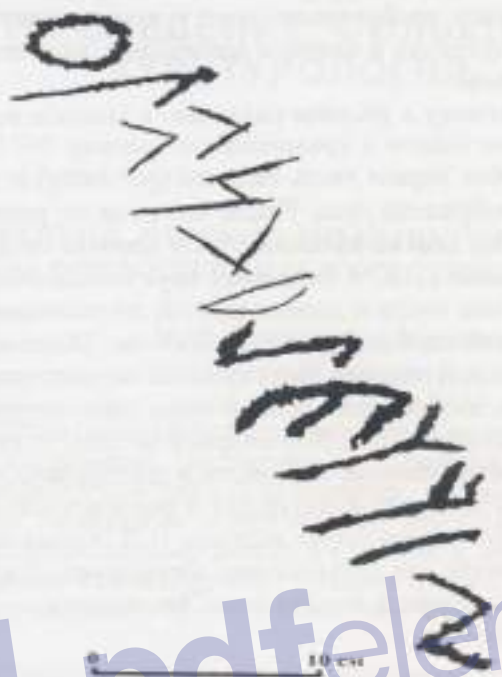

Рис. 1. Прорись надписи из урочища Койтубек, выполненная и предоставленная А.Е. Рогожинским (по публикации в: РТ, 2011, № 2(5). – С. 66).

Транслитерация: *qaš klg a aj urty (urtym?)*

Транскрипция: *qaš külüg : aj urty (urtym?)*

Перевод: Каш Кюлюг (или: Я, Каш Кюлюг?) вырезал (на скале) луну.

Примечания

а) *Qaš* «бровь», «бровастый» часто встречается в составе личных имен (см., например: [ДТС, s. v. qaš IV]). Менее возможно другое толкование – «нефрит» («нефритовый») [ДТС, s. v. qaš III].

б) Слово *külüg* «славный», «знаменитый» обычно в составе личных имен, особенно в енисейской эпиграфике. Следовало бы ожидать в первом слове обозначение интерконсонантного *-й-*; однако огласовка в таласских текстах не всегда закономерна, хотя И.А. Батманов отмечает отсутствие фиксации губных во втором слове [Батманов 1971: 32].

в) Как правильно отметил И.Л. Кызласов, знак *ʃ* *a/e*, здесь использован как сквадрозделитель или знак, фиксирующий окончание текста, что обычно для енисейских и таласских памятников.

г) Слово *aj* «луна», «месяц»; также «месяц» как мера времени.

д) Глагол *ur-* «выбивать, вырезать (знаки на камне)» совершенно стандартно употребляется для обозначения письма или воспроизведения на камне (*tašqa ur-*) любых знаков.

е) Последний знак, О (круг), может рассматриваться в надписи и как один из вариантов *m*, и как изображение луны, о чем упомянуто в тексте. Нельзя исключить, что обе функции в надписи совмещены, для чего и выбран весьма редкий вариант графемы.

Судя по заметному в рисунке различию в способе воспроизведения первых шести и конечного знаков в сравнении со знаками 7–11, первоначально были выгравированы лишь первая часть надписи (*qaš külüg*) и знак окончания текста. Отдельно была изображена луна. После чего, тем же резчиком или иным лицом с хорошим навыком письма на камне, были врезаны остальные знаки. В то время как нижние знаки (1–6) и конечный круг выполнены методом гравировки, верхние знаки, в том числе и одиннадцатый, по замечанию А.Е. Рогожинского, нанесены «технологией глубокой резьбы» (цит. по: [Кызласов 2011: 64]). Тем самым к первоначальной надписи была придана экпликация («изобразил луну»).

Скорее всего, изображение полной луны символизирует начало нового месяца, а если имелся в виду *birinci aj* «первый месяц», то отмечалось начало нового года. Но это предположение нуждается в этнографическом подтверждении.

Тот широкий историко-культурный и религиозный фон, которым снабдил эту весьма обычную на скальную надпись И.Л. Кызласов, представляется мне слишком надуманным для дальнейшего обсуждения. А название письма у тюрков было и оно отражено в памятниках. Это название — *bitig*. Оно было достаточно многозначным.

ЛИТЕРАТУРА

Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. — Алматы: Изд-во Мектеп, 2003.

Батманов И.А. Таласские памятники древнетюркской письменности. — Фрунзе: Илим, 1971.

ДТС — Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.

Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. — Л.: Наука, 1980.

Кызласов И.Л. Как называли руническое письмо сами тюркские народы // Российская тюркология, 2011, № 2 (5). — С. 62–74.

Klyashtorny, S. G. A Runic inscription on a stone in Koytubek (Eastern Kazakhstan)

Summary. The article presents a new reading of the Koytubek inscription that was earlier read by I.L. Kyzlasov.

Key words: Runic inscriptions, visitor's inscription, Runic paleography.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ТУРЕЦКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ: СПОСОБЫ ВОПЛОЩЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ИСТИНЫ

М.М. Репенкова, г. Москва

Резюме. В статье рассматриваются различные модификации турецкого литературного постмодернизма (нарративный, лирический, шизоаналитический, ностальгически-меланхолический). Доказывается, что идея множественной Истины воплощается писателями через понятие «пустоты», через игру знаковых симулякров, через деконструкцию дискурса и субъекта, через игру с языком.

Ключевые слова: постмодернизм, турецкие формы, типы постмодернизма, представители литературного течения, особенности дискурса

Турецкий постмодернизм предстает в разнообразии модификаций. Он занимает срединное положение между западной (североамериканской и западноевропейской) и восточной (латиноамериканской и восточноевропейской) моделями постмодернизма, находясь в некой диффузной зоне, в которой происходит их скрещивание. С западным постмодернизмом его сближает привязанность к постструктуралистско-постмодернистской теории (усвоение важнейших постфилософских концептов: мир как текст, мир как хаос, игра, плюрализм/монизм, анти(фал)логоцентризм, антиэдиפיциация, постисторизм, постгуманизм и др., а также основных способов их реализации: деконструкция культурного интертекста, децентрирование дискурса и субъекта). Добавим, что он не отказывается и от использования многообразных образцов западной массовой культуры в качестве одного из языков гибридно-цитатного сверхязыка симулякров. Повышенное внимание к тексту массовой культуры объясняется тем, что она служит источником выявления стереотипов массового сознания и доминирующих импульсов коллективного бессознательного. В то же время турецкий постмодернизм обнаруживает немало общего и с восточной моделью постмодернизма: политизированность, пессимизм, доминанта лирической струи, римейки больших «пропущенных» стилей (романтизм, барокко т.д.) и художественных течений (сюрреализм и т.п.).

Национальное своеобразие турецкого постмодернизма определяется также самим турецким языком (как первичной семиотической системой), используемым для создания языка литературы; присутствием в тексте деконструированных цитат из восточной культурной традиции и собственно турецкой культуры; вниманием к проблемам, особо важным для Турции, то есть к национальной проблематике, рассматриваемой сквозь призму культурфилософии; национальным складом мышления, типом юмора и иронии.

Принимая во внимание классификацию мировой постмодернистской живописи и архитектуры, разработанную Н.Б. Маньковской [Маньковская 1995; 2002] и классификацию русской постмодернистской литературы, предложенную И.С. Скоропановой [Скоропанова 2001; 2002], в турецкой литературе можно выделить следующие модификации постмодернизма: нарративный (Пынар Кюр, Тахсин Юджель, Ихсан Октай Анар и др.), лирический (Назлы Эрай, Бильге Карасу, Перихан Магден и др.), шизоаналитический (Муратхан Мунган и др.), ностальгически-меланхолический (Орхан Памук и др.). Пожалуй, не ставя в ряд модификаций, здесь стоит упомянуть также и близкое – по некоторым типологическим признакам – постмодернизму течение «магического реализма». К тому же именно оно подготовило возникновение постмодернизма в Турции и впоследствии даже развивалось параллельно с ним (Латифе Текин, Метин Качан и др.).

Нарративный постмодернизм считается самой «умеренной», как бы «переходной» модификацией. Его представители используют в своём творчестве некоторые приёмы натуралистического и реалистического искусства, но при этом дистанцируются от реализма как творческого метода, ассоциируемого в их представлении с дидактизмом, иллюстративностью, пропагандистской направленностью [Маньковская 2002: 166]. «Нарративисты» переоценивают ценности, разрушают метанарративы, размывают структуру. Так, Пынар Кюр в «Романе о преступлении» (*Bir Cinayet Romanı*, 1989), Тахсин Юджель в романе «Ложь» (*Yalan*, 2002), Ихсан Октай Анар в романе «Рассказы Афрасиаба» (*Efrâsiyâb'ın Hikâyeleri*, 1998) обращаются к нравственной проблематике, «напряжённо размышляя о соотношении искусства и морали (нзук и морали. – М.Р.) в предлагаемых обстоятельствах этического релятивизма» [Маньковская 2002: 166].

Лирический постмодернизм («лирическая проза») – это лирическое самовыражение на «чужом» гибридно-цитатном сверхязыке симулякров, предполагающее использование авторской маски. Термины «лирический постмодернизм», «лирическая постмодернистская проза» введены И.С. Скоропановой [Скоропанова 2002: 170]. Н.Б. Маньковская называет данную модификацию «сентименталистской», «создающей почву для развития лирической струи постмодернизма, чьё кредо – благородство и серьёзность творчества» [Маньковская 2002: 169]. Известно, что в традиционной лирической прозе присутствуют элементы как эпоса, так и лирики. Их соотношение может значительно колебаться. Но взаимопроникновение эпического и лирического в лирической прозе всегда обусловлено специфической ролью в ней субъекта повествования, который является композиционным центром произведения. Постмодернизм же фиксирует явление «смерти автора», субъект утрачивает в нём прежнюю роль. Однако оказывается, что лирическое самовыражение возможно и на «чужом» языке. При этом «чужое» деконструируется, превращается в оболочку, скрывающую незамысловатые переживания. Писатель в принципе имеет возможность компенсировать своё «исчезновение как автора» за счёт превращения себя в текст, включения в произведение в качестве собственного травестированного двойника-персонажа, от лица которого и осуществляется повествование/исповедь. Делает он это посредством использования авторской маски гения/клоуна. Обращение к авторской маске позволяет преодолеть тоталитаризм языка, разрушить культ писателя – пророка, писателя – учителя жизни, которому будто бы известна истина в последней инстанции [Скоропанова 2001: 58]. Турецкий автор-трикстер в романах Назлы Эрай «Станция сна» (*Uyku İstasyonu*, 1994), «Бар влюблённого попугая» (*Aşık Papatya Barı*, 1995), Бильге Карасу «Проводник» (*Kılavuz*, 1991), Перихан Магден «Убийства мальчиков-

посыльных» (Haberci Çocuk Cinayetleri, 1991) балансирует между позицией гения (интеллектуала, эстета, эрудита) и клоуна (графомана, инфантила). Обычно акцентируется маргинальность его положения, связанная с экзистенциальными или эстетическими причинами. Часто образ травестированного автора автобиографичен в своей основе (Назлы Эрай, Бильге Карасу). К тому же он – композиционный центр, объединяющий гетерогенные элементы произведения, и сквозь его паясничанье проступает иное, не высказанное словами, отражающее чувства, которые затаились на дне души реального автора.

Эта модификация не нашла широкого распространения в западном постмодернистском искусстве. В турецкой же литературе лирический постмодернизм, трансформированный в национальном духе, занял одно из центральных мест (то же явление наблюдается и в литературах арабских стран, в странах Восточной Европы и Латинской Америки).

К безличностному типу моделирования гиперреальности, демонстрирующему наиболее рельефно явление «смерти автора», обращён шизоаналитический постмодернизм. Однако в прозе известного турецкого шизоаналитика Муратхана Мунгана при доминанте безличностного письма иногда (в основном в ранних произведениях) присутствуют и такие личностные повествовательные формы, как авторская и персонажная маски. Персонажная маска создаётся путём использования кода героя-рассказчика, наделяемого функцией нарратора. Но его рассказ является лишь стилизацией под устную речь, представляя собой деконструкцию определённых литературных дискурсов. В книге рассказов «Сорок комнат» (Kirk Oda, 1987) и в сборнике повестей «Сорок комнат с тремя зеркалами» (Üç Aynalı Kirk Oda, 1999) Муратхан Мунган, используя шизоанализ, показывает разрушительное воздействие на землян деструктивных импульсов коллективного бессознательного, что он объясняет многовековой идеологической и религиозной активизацией негативного потенциала человеческого архетипа.

Турецкий шизоаналитический постмодернизм иначе как жутким назвать нельзя. Пожалуй, по силе эмоционального воздействия на читателя его можно сравнить лишь с русским шизоаналитическим постмодернизмом Виктора Ерофеева и Владимира Сорокина.

Представитель ностальгически-меланхолического постмодернизма Орхан Памук в романах «Белая крепость» (Beyaz Kale, 1985), «Чёрная книга» (Kara Kitap, 1990), «Моё имя – Красный» (Benim Adım Kırmızı, 1998), «Снег» (Kar, 2002) также использует шизоанализ. Однако его шизоанализ не является главным принципом художественного исследования. Это вспомогательное средство, без которого тем не менее невозможно дать представление о турецком национальном архетипе. Иными словами, Орхан Памук с помощью шизоанализа ищет в коллективном бессознательном национальное и стремится определить степень воздействия коллективного бессознательного на историю страны. Соглашусь с И.С. Скоропановой в том, что «"меланхолический" постмодернизм отражает разочарование в ценностях эпохи модерна, отказ от линейно-позитивистского принципа в подходе к истории, линейного же концепта прогресса... Как правило, произведения этого типа проникнуты ностальгически-меланхолическим настроением, что и привело к появлению соответствующей дефиниции» [Скоропанова 2001: 59–60].

В романах Орхана Памука отчётливо ощущаются ностальгия по прошлому/саду/раю/книге, крушение в современности гуманистических идеалов прошлого. Вслед за постфилософами Орхан Памук не имеет в виду какое-либо конкретное прошлое, например османское, как ошибочно полагает

А.С. Сулейманова [Сулейманова 2007]. Он считает, что у каждого настоящего времени (каждой интегрируемой динамической системы) есть своё прошлое и будущее. Уподобление литературного текста (книги) саду/раю, их устойчивая взаимная корреляция – известное явление мировой культуры, которому посвящено не одно исследование; см., например: [Лихачёв 1998; Суворова 2009]. Ностальгическое ощущение «присутствия отсутствия» ушедших идеалов побуждает Орхана Памука насыщать свои романы загадочными вещами (таинственными рукописями, книгами, картинами), необычной символикой (снежинки), двойниками, выписанными с архитектурной точностью, в повседневную реальность делать смутной, неясной как сон, заснеженной, двоящейся.

Основные модификации турецкого постмодернизма органично вписываются в мировой общепостмодернистский контекст, хотя и имеют, как и следовало ожидать, свои специфические особенности. В то же время нельзя не сказать, что предлагаемая классификация достаточно условна хотя бы потому, что писатель, меняясь, может выходить в новые для него измерения постмодернистского искусства. Да и вообще все жанровые и «направленческие» признаки в произведениях постмодернистов неустойчивы, зыбки, размыты, вариативны. Тем не менее существенные черты постмодернистской прозы данная классификация отражает.

Турецкий постмодернизм 2000-х годов демонстрирует определённую «усталость», но это не означает завершённость постмодернистского периода. «Смерть» постмодернизма, которую неуклонно прогнозируют турецкие исследователи, отодвигается на неопределённое время. Более того, постмодернизм охватывает всё новые и новые культурные области Турции, включая в свою сферу музыку, живопись, кино, театр, архитектуру. Видимо, стоит согласиться с Виктором Ерофеевым, который утверждает, что «постмодерн был и пока что ещё остаётся единственной альтернативой искусству самовыражения, поскольку скрывает автора под одеялом наёмных стилей, заставляя их интерактивно участвовать в создании более-менее адекватной модели мира» [Ерофеев 1996: 563].

Турецкие постмодернисты, взяв на вооружение основное положение постфилософии о множественной истине, то есть истина признаётся единой, но множественной, бесконечно разветвляющейся, конституирующее исчезновение Истины-Центра/Трансцендентального Означаемого, реализуют его разнообразными способами. Одним из способов является обращение к понятию пустоты¹. Однако в отличие от постфилософского понимания «пустоты» (по Фуко/Делёзу) турецкие постмодернисты наделяют её традиционно негативным значением (пустота – смерть). У Муратхана Мунгана в повести «Алиса в стране чудес» Высший Разум неземных цивилизаций оказывается на самом деле сжиженным газом, пустотой. Он не только творит виртуальные, «пустые» миры, населённые виртуальными людьми, но и уничтожает их, несёт смерть. У Орхана Памука в романе «Снег» книга стихов поэта Ка – главная книга его жизни – исчезает, обращается в пустоту, вслед за тем погибает и сам поэт. Точно так же исчезает, умирает, превращается в пустоту героиня романа Назлы Эрай «Станция сна». Она не видит своего отражения в зеркале.

¹ Учение о «пустоте» разработали М.Фуко и Ж.Делёз. У них «пустота» наделена позитивным смыслом. Она фиксирует отсутствие метафизического референта истины и преподносится в качестве изначального условия событийной игры. Обеспечиваемый «пустотой» Фуко/Делёза тип игры ведёт к установлению порядка, имманентного хаосу. Хаос (творящий, самоорганизующийся) не даёт пустоте заполниться и способствует утверждению новой модели мышления, плюралистического и постфилософском значении [Делёз 1997; Фуко 1994].

Турецкие постмодернисты реализуют представление о множественности истины посредством игры знаков-симулякров, которые вытесняют из произведений традиционную образность. Означаемое таких знаков оказывается множественным. «Мерцание» симулякров бесконечным количеством значений позволяет создавать произведения, «персонажами» которых становятся (пост)философские, культурологические, литературоведческие понятия и категории, как бы «материализующиеся» в постмодернистских художественных текстах. Так, настоящий «герой» «Романа о преступлении» Пынар Кюр – массовая культура XX века; романа Бильге Карасу «Проводник» – эстетика; произведений Орхана Памука – турецкий национальный архетип; рассказов и повестей Муратхана Мунгана – негативный потенциал коллективного бессознательного; романов Назлы Эрай «Станция сна» и «Бар влюблённого попугая» – феномен смерти автора; романа Тахсина Юджеля «Ложь» – проблема современной субъективации и т.п.

При создании «мерцающих» персонажей на плюралистической основе совмещаются (гибридизируются) различные гетерогенные элементы. Соединяются разные языки культуры (литературы и эстетики в «Проводнике» Бильге Карасу, литературы и лингвистики в романе «Ложь» Тахсина Юджеля, литературы и литературоведения в «Романе о преступлении» Пынар Кюр, литературы и математики в её же романе «Последняя осень», литературы и истории в романах Орхана Памука и т.п.). Совмещаются и элементы различных эстетических систем (романтизма, сентиментализма и реализма в «Проводнике» Бильге Карасу; фрейдизма, экзистенциализма и восточного оккультизма в романистике Орхана Памука; сюрреализма, реализма в романе Назлы Эрай «Станция сна»; сюрреализма, фрейдизма, абсурдизма, «грязного реализма» и натурализма в прозе Муратхана Мунгана). Гибридизируются коды разных жанров и стилей (у Орхана Памука и Назлы Эрай – современной западной и средневековой восточной литературы, у Пынар Кюр – западной массовой литературы XX века, у Муратхана Мунгана – древнегреческих трагедий, классики эпохи Возрождения, массовой литературы и т.п.). В результате размыкания и децентрирования структуры произведений возникают необычные – гибридно-мутантные жанровые образования, которые ещё не достаточно изучены литературоведением. Сочетаемость частей в подобных произведениях резко ослаблена, отсутствует и жёсткий детерминизм (Трансцендентальное Означаемое). Разрушение структуры неотрывно от утверждения вариативных моделей мышления, выражающихся в наличии нескольких версий одного и того же сюжета (Пынар Кюр «Роман о преступлении»), в создании виртуальных миров (Муратхан Мунган «Сорок комнат с тремя зеркалами»), в использовании эпитафий, комментариев, сносок (романы Орхана Памука).

Для выражения множественности истины турецкие постмодернисты используют децентрацию дискурса и субъекта. Дискурс расчленяется, перекодируется и пародируется. Произведение приобретает ризоматический, открытый характер. Формой проявления децентрирования субъекта становится деперсонализация, которая осуществляется путём дробления фигуры автора и создания гибридно-цитатных персонажей (особенно с использованием кода кича). Способы децентрирования авторского «Я» различны и отличаются степенью дробления фигуры автора. Чаще всего явление «смерти автора» находит выражение в масочном способе.

Так, в «лирической прозе» повествование ведётся от лица автора-персонажа² и предполагает использование авторской маски (Назлы Эрай «Станция сна», «Бар влюблённого попугая», Бильге Карасу «Проводник», Перихан Магден «Убийства мальчиков-посыльных» и др.). «Функция авторской маски – центрирующая/децентрирующая. Повествование, осуществляемое с использованием авторской маски, лишается однозначности, однонаправленной интенции, релятивизируется, так как утверждение здесь неотделимо от пародирования, а, следовательно, ставится под сомнение, хотя полностью не отрицается» [Скоропанова 2001: 160]. В нелирических образцах постмодернистской прозы используются персонажные / гиперперсонажные маски (Пынар Кюр «Роман о преступлении» и др.).

Помимо масочного способа турецкие постмодернисты прибегают и к другим средствам преодоления центрирующего положения фигуры автора в тексте: от «расщепления»/«размножения» авторского «Я» до его полного «рассеивания». «Расщепление»/«размножение» используется Орханом Памуком в романе «Белая крепость», где оно осуществляется в основном в форме раздвоения авторского «Я» на персонифицированные «Я» и «Он». Венецианец и Ходжа олицетворяют соответственно сферу разума и чувств, находятся сначала в конфликтных отношениях, а затем приходят к согласию и любви, «перемешиваются» в друг друга, составляя нераздельное «Мы», чтобы впоследствии вновь разъединиться. Тотальная центрирующая тенденция заменяется (вытесняется) множественностью. В романе «Моё имя – Красный» «расщепление/размножение» авторского «Я» происходит во многих персонажах, включая даже самые необычные (собаку, лошадь, дерево, мертвеца и т.п.). То, что все они – это множественное, децентрированное авторское «Я», подчёркивают названия глав: «Моё имя – Мёртвый», «Моё имя – Дерево», «Моё имя – Кара (Чёрный)» и т.п. Кроме того, в романе «Снег» Орхан Памук прямо реализует бартовскую идею «смерти автора» – автор оказывается убитым. «Смерть автора» также прямо материализуется и в текстах романов Назлы Эрай «Станция сна» и «Бар влюблённого попугая».

Наибольшая степень дробления фигуры автора наблюдается в безличностно-цитатном типе письма (Муратхан Мунган «Сорок комнат с тремя зеркалами», Тахсин Юджель «Ложь» и др.), где авторское «Я» полностью «рассеивается»/«растворяется» в культурных кодах, разнообразных дискурсах, подвергаемых цитированию, гибридизации и пародируемых по принципу пастиша.

Децентрирование субъекта вплоть до его полной аннигиляции («смерти субъекта») проявляется с особой силой у тех турецких постмодернистов, которые интенсивно «работают» с материалом массовой культуры. Обращение же к массовой культуре вызвано потребностью вскрыть роль стирающих личность надличностных факторов, которые в наибольшей степени проявляются в феномене массового человека («человека без лица»), рождённого массовым обществом. Психологично массового человека, его социальное поведение, определяемые стереотипами массового сознания, а также импульсами коллективного бессознательного, как нельзя лучше отражает кич.

² В. Курицын феномен автора-персонажа определяет термином «двойное присутствие», то есть «художник/автор в каждой ситуации выступает как минимум в двух ипостасях, присутствует здесь и там одновременно, в качестве субъекта и объекта, является сразу автором текста и его героем...: боди-арт, “рэди-мейд”, акциональное искусство. Объект (вещь) производит субъекта (автора)» [Курицын 2000: 20].

Понятие «кич» обстоятельно исследует И.С. Скоропанова, рассматривающая его в широком значении как составную часть массовой культуры, как профанный двойник высокой культуры (при этом в самой массовой культуре кич – явление элитарное, так как воплощает представление о самом красивом и самом модном с точки зрения массового вкуса), и в узком значении как тип самореферентного знака, посредством которого создаётся кичевая реальность. Кич в данном значении и есть симулякр (по Ж.Бодрийяру – «чистый симулякр»), который Ж.Делёз и Ф.Гваттари называют «подделкой». Принцип симулякра по Делёзу/Гваттари – карта, принцип симулякра по Бодрийяру – калька. Симулякр по Делёзу/Гваттари используется для создания постмодернистских произведений, симулякр по Бодрийяру – для кича [Скоропанова 2001: 168].

Кич пародируют турецкие писатели-постмодернисты (Муратхан Мунган, Пынар Кюр, Орхан Памук, Тахсин Юджель, Назлы Эрай и др.), создавая гибридно-цитатных персонажей. В этом случае персонажи возникают из комбинирования на плюралистической основе культурных кодов, принадлежащих разным дискурсам, среди которых дискурс массовой культуры (кича) доминирует.

Вскрывая кичевый характер современной массовой культуры, которая обретает космические масштабы, турецкие постмодернисты стремятся показать, что она воссоздаёт несуществующую реальность. Эта реальность идеологическая, пропагандистская (Орхан Памук – роман «Снег»), потребительская (Орхан Памук – роман «Чёрная книга», Муратхан Мунган – повесть «Кондитерская с зеркалом»), Пынар Кюр – трилогия романов – «Роман о преступлении», «Последняя осень», «Факультет преступлений», Тахсин Юджель – роман «Ложь» и др.). Но в том и другом случае она примитивная, аляповатая. В несуществующей реальности человек «стирается», «исчезает», превращается в симулякр-подделку.

Обнажение фантомного характера самореферентных симулякров-подделок в нарративах масс-медиа становится главной темой романа Орхана Памука «Снег», повести Муратхана Мунгана «Алиса в стране чудес», романа Тахсина Юджеля «Ложь». Писатели показывают, что масс-медийные мифы, творящие новых богов (новую религию), независимо от их смыслового наполнения, подвержены моноцентризму и химеризму. В новом масс-медийном дискурсе проступает старый утопизм и тоталитаризм мышления, детерминированный Трансцендентальным Означаемым. Эти мифы внедряются в сознание людей средствами массовой информации, делая симулякрами-подделками («чистыми знаками») отдельных людей (лжеучёный Юсуф Аксу из романа «Ложь»), целые города (город Карс из романа «Снег»), целые планеты (планета *Votogorqqua* из повести «Алиса в стране чудес»). Писатели, пародируя «серийную» клишированность языка масс-медийного дискурса, вбивающего в человеческие головы лжеистины, таким образом, проявляют своё ироническое отношение к «новым религиям».

Наиболее активно разрабатывается современными турецкими масс-медиа нарратив турецкого «высшего света», на который проецируется представление об идеальном общественном устройстве, «земном рае», осыпающем человека благами изобилия. Постмодернисты высмеивают подобный подход, показывают кичевую природу этого нарратива. Пынар Кюр в своей трилогии развенчивает новые масс-медийные мифы, призванные создавать привлекательный имидж турецкой элиты и прививать психологию потребления. Писательница показывает, что единственная ценность, которая принимается всерьёз в мире бизнеса, – это деньги, всё остальное – лишь камуфляж. Ради денег представители элиты

готовы идти на всё – даже на убийство. Культ денег как общенациональный идеал, навязываемый обществу средствами массовой информации, массовой литературой (в целом всей масскультурой), – лжеидеал. Пынар Кюр, деконструируя тексты массовой культуры, показывает, что скрывается за внешним блеском и лоском жизни стамбульского «света».

Таким образом, в турецком постмодернизме код кича направлен против самого кича и служит развенчиванию масскультуры, инициирующей «стирание» человека. При этом в одном произведении могут совмещаться разные способы децентрации субъекта, что ещё больше повышает степень его многозначности.

Не менее важным способом воплощения множественности истины для турецких постмодернистов является игра с языком. Посредством языковых игр с «микрорелевантными» мира-текста выстраивается гиперреальность, являющаяся художественным эквивалентом множественной текучей истины, отвергающей целостность. Самыми распространёнными формами игры с языком становятся пастиш, использование «шизофренического языка» (по Ж. Делёзу), макаронической речи и ненормативной лексики. К пастишу обращаются все турецкие постмодернисты. «Шизофренический язык» или шизофренический дискурс присущ в основном малой прозе Муратхана Мунгана. Использование подобного языка, называемого иногда «неартикулируемым языком “желания”» (Ж. Делёз), позволяет Муратхану Мунгану наиболее адекватно отразить импульсы коллективного бессознательного, сводящие на нет сознательные устремления людей, и обратиться к новым для турецкой литературы сферам познания.

Муратхан Мунган, Пынар Кюр, Назлы Эрай, Тахсин Юджель, Перихан Мадген насыщают свои тексты иностранными словами (именами людей, географическими названиями и т.п. в основном в гибридных образованиях). В их текстах присутствуют также иноязычные лексические обороты, цитаты (порой даже несуществующих языков). При этом преобладают англоязычные вкрапления. Отмечен факт существования турецкого английского – турецкообразного (искажённого английского), то есть космополитизированной макаронической речи, используемой в сниженном виде. Постмодернистское «многоязычие», воплощая собой идею множественности истины, служит к тому же разрушению национальных оппозиций, которые оно соединяет на плюралистической основе. Так турецкие писатели осуществляют перенастройку сознания людей, ориентируют на мирное, равноправное сосуществование инакового в контексте единой парадигмы полинационального множества.

Игра писателей с языком распространяется и на использование табуированной, ненормативной лексики (Муратхан Мунган, Пынар Кюр). Причинами обращения к подобной лексике являются, во-первых, традиции словесной карнавальной (театральной) народной культуры при десакрализации идеологического (кемалистского) и религиозного (исламского) метанарративов, во-вторых, воссоздание деструктивного потенциала турецкого национального архетипа в состоянии активации, в-третьих, решение антикалистских задач. Однако следует оговорить, что данный аспект языковых игр вызывает у читателя, как правило, неприятие, что связано с опасением загрязнения литературного языка.

Через игру с языком постмодернистская литература выходит к философии игры, составляющей суть «философии текста». Турецкие постмодернисты не только возрождают игровую традицию (карнавализацию) культуры, которая присуща турецкому народному театру, низовому городскому фольклору – анекдотам, городским повестушкам, но и существенно её обновляют (карнавальная/театральная игра – это всё же ещё игра классического типа, она придержи-

вается определённых правил; постмодернистская «чистая игра» – это уже игра без правил). Писатели-постмодернисты посредством карнавального смеха побуждают своих читателей ужаснуться самими собой и посмеяться над собой, выйти из идеологического или религиозного транса. В словесном карнавальном бурлеске их произведений смирительная рубаха идеологии/религии и других центрирующих (моноцентрических) систем разрывается в клочья. Постмодернистская поэтика предлагает новый взгляд на мир, помогает снять с глаз шоры. Писатели-постмодернисты первыми в турецкой литературе XX века отразили в своих произведениях усталость от всевозможных социальных экспериментов (войн, военных переворотов, вообще борьбы бог знает кого, бог знает с кем) без каких-либо ощутимых позитивных результатов. Рыдая карнавальным смехом, который замещает им слёзы, они подводят читателей к пониманию своей позиции: предпочтительнее не-борьба, не-насилие.

Театрализация, карнавализация у турецких постмодернистов служат адогматизации догматизированного, десакрализации сакрализованного и являются проявлением присущей их произведениям мениппейности (как стлевой доминанты). М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского» (1929) определяет мениппейный характер отдельных произведений серьёзно-смеховым типом их жанрового содержания. По его мнению, мениппейность характеризуется соединением в одном произведении философских жанров с «экспериментальными» (фантастика) и смеховыми (фельетон, анекдот и т.п.), прозы и поэзии, «морально-психологического экспериментирования» (сновидения, мечты, безумные идеи) и скандальных нарушений этикета. Единое целое в таком произведении образуют разнородные элементы (оксюморонные сочетания, многостильность), что усиливает карнавальное мироощущение [Боров 2003: 236]. Р. Барт, рассматривая театрализацию как одну из особенностей развития современной (постсовременной) литературы, пишет: «В наше время изобразительные коды (используемые реалистическим искусством. – М.Р.) разваливаются до основания, уступая место некоему множественному пространству, моделью которого служит уже не живопись (“полотно”), но, скорее, театр (спеническая площадка), о чём возвещал (или по крайней мере мечтал) Малларме» [Барт 2009: 111].

Таким образом, у турецких постмодернистов классическое понимание игры дополняется и постфилософским («чистая игра», по Делёзу) – игра ради самой игры, игра без правил с максимальным расширением сферы её действия. «Чистая игра» предполагает отказ от Трансцендентального Означаемого, линейного детерминизма и переориентацию на вероятностный (нелинейный) детерминизм, ориентирующий на введение случайности в событие. Здесь Событие как постмодернистский подход противопоставляется «творчеству» как классическому для эпохи модерна типу познания. Так, «чистая игра» реализуется в творчестве Орхана Памука в категории случайности. В его романах случайность играет решающую роль в жизни героев, иными словами в них всё «вертится на случае». В более широком смысле именно случайности писатель отдаёт приоритет в ходе исторического развития страны. И это открывает ему неожиданные перспективы: если жёсткий детерминизм «плановой вестернизации» Турции не оставляет туркам никакого выбора и оказывается чреват катастрофами (общественными и личными), то чистая игра случайностей расценивается им как фактор, порождающий плюралистическую множественность становления, свободу выбора для Турции собственного пути в постсовременном мировом пространстве.

«Чистая игра» – «спусковой крючок» творчества всех турецких постмодернистов. «Игра (в указанном значении) ... выступает эквивалентом интеллектуального и социального раскрепощения, свободной творческой реализации усложнившейся человеческой личности, служит моделью постмодернистского универсума» [Барт 2009: 117].

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р. S/Z / Пер. с франц. Г.Косикова и В.Мурат. Под ред. Г.Косикова. 3-е изд. – М., 2009.*
- Борев Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М., 2003.*
- Делёз Ж. Складчатость, или Внутренние мысли (субъективация): От Я к Другому // Сб. переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997.*
- Ерофеев Вик. Страшный суд: Роман. Рассказы. Маленькие эссе. – М., 1996.*
- Курицын В. Русский литературный постмодернизм. – М., 2000.*
- Лихачёв Д.С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – М., 1998.*
- Маньковская Н.Б. Париж со змеями (Введение в поэтику постмодернизма). М., 1995.*
- Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. – СПб., 2002.*
- Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. – СПб., 2001.*
- Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. 4-е изд., исправл. – М., 2002.*
- Суворова А.А. Любить Лахор. Топофилия восточного города. – М., 2009.*
- Сулейманова А.С. Постмодернизм в современном турецком романе (на примере творчества Орхана Памука) / Дисс. ... канд. филол. н. – СПб., 2007.*
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. – СПб., 1994.*

Repenkova, Mariya M. Postmodernism in the Turkish literature: ways to depict relativity of truth

Summary. This paper contains a survey on various modifications of postmodernism in the Turkish literature, e.g. narrative, lyrical, chisofrenic-analytical, nostalgic-melancholic ones. The author claims that the idea of relativity of truth is expressed by means of the concept "emptiness" as well as by word and sign games, and deconstruction of discourse.

Key words: postmodernism, Turkish literature, postmodernist Turkish authors, discourse.

КТО НАУЧИЛ МОНГОЛОВ ПОКЛОНЯТЬСЯ НЕБУ?

Ю.И. Дробышев, г. Москва

Резюме. В статье предпринята попытка проследить истоки монгольской имперской идеологии. Власть монгольского хагана санкционировалась Вечным Небом. Аналогичные представления существовали и в Китае, что позволяет предполагать заимствование монголами концепции верховной власти в Китае. Монгольская концепция базировалась на древней степной традиции и впитала в себя некоторые китайские идеи через киданьское государство Ляо, политическими наследниками которого выступили монголы в начале XIII в.

Ключевые слова: Вечное Небо, верховная власть, идеологические заимствования, Чингис-хан, Китай, Ляо.

На первый взгляд поставленный в названии статьи вопрос лишен смысла. Это все равно, что спрашивать, кто у кого заимствовал веру в духов предков, которая до сих пор широко распространена по земному шару. Однако, спрашивая, мы имеем в виду не культ Вечного Неба, отправлявшийся обычными рядовыми кочевниками, а тот культ, который был прерогативой верховных правителей кочевых империй, начиная с эпохи хунну. Еще известный французский ориенталист Ж.-П. Ру на примере древних тюрков убедительно показал сосуществование в тюркских каганатах двух культов Неба, как бы двух религий, одну из которых он обозначил как «народную», а другую назвал «царской». Вот об этой последней мы и будем говорить, ибо народные верования и культы сравнительно мало отличались у различных кочевых народов на протяжении тысячелетий. О ее существовании в период Монгольской империи известно из «Сокровенного сказания монголов», трудов Рашид ад-Дина, Джувейни, китайских, армянских, европейских и многих других источников.

Среди ряда историков бытует мнение, что культ Неба, как он известен по многочисленным источникам этой эпохи, был заимствован монголами у китайцев (см., например: [Franke 1978: 18]). В пользу такого мнения говорит тот факт, что высшая, космологическая функция монгольского хагана аналогична таковой китайского императора и как будто скопирована с нее. Некоторым специалистам трудно согласиться с мыслью, что подобные представления могли иметь автохтонное происхождение, поскольку этногенез монголов, в котором еще остается много неясного, указывает на выход монгольских племен на широкую историческую арену из таежных ландшафтов. Зарождение и разработка таких идей в тех условиях представляются довольно сомнительными, что подтверждается сравнительными материалами по народам Сибири, Севера и Дальнего Востока, у которых поклонение Небу или некоему высшему небесному божеству не привело к оформлению стройной концепции верховной власти, где Небу отведена четкая роль «кинг-мейкера». Так откуда же она взялась у монголов на рубеже XII–XIII вв.?

Над этим вопросом размышляло не одно поколение востоковедов, хотя специальных работ ему посвящено немного. Пожалуй, ближе всех к решению по-

дошел И. де Рахевильц, отстаивающий взгляды на Китай как на источник идеологического влияния среди степных лидеров с эпохи хунну. «Санкционированное Небом царствование – это идея, заимствованная у оседлого общества», – отмечает он [Rachewiltz 1973: 29]. Версия о «китайском следе» имеет определенную слабость, признаваемую и самим И. де Рахевильцем, так как в указанное время монголы не имели прямых связей с Китаем и, скорее всего, не могли заимствовать политические учения непосредственно от их носителей. Разумеется, китайцы могли проникать в степи по своей воле или попадать туда в качестве рабов, но в массе своей это наверняка были простые крестьяне, не обремененные знанием философских принципов, лежавших в основе политики Поднебесной. Другое дело – перебежчики, выходцы из высших слоев китайского общества, опальные чиновники и полководцы. Эти искали встречи с владыками степей, находя у них покровительство и предлагая в обмен полезную информацию о положении в Поднебесной, а заодно просвещая их в области принципов управления. Перебежчики необязательно бывали китайскими подданными.

И. де Рахевильц пишет о выходцах из китаизированного государства Цзинь, перешедших к Чингис-хану на службу задолго до провозглашения Монгольского государства. С 1208 г. великий хан уже имел советников из цзиньской столицы, среди которых даже был член Национального Университета (*t'ai-hsüe*). Этим людям, считает он, монголы были обязаны быстрым захватом Северного Китая и установлением там монгольской администрации по образцу китайской [Rachewiltz 1973: 31-32]. Кроме того, существует мнение, что Чингис-хан (тогда еще Тэмучжин) мог искать убежища у чжурчженей после поражения, понесенного в 1187 г. от своего побратима Джамухи [Ratchnevsky 1991: 49-50], а южно-сунский посол Чжао Хун утверждал, будто Тэмучжин в юности свыше десяти лет томился в цзиньском плену и хорошо изучил обычаи Цзинь [Мэн-да бэй-лу 1975: 49]. Вопрос о более или менее длительном пребывании будущего великого хана на территории чжурчженского государства пока открыт.

Признавая, что монгольская концепция дарованной Небом власти близка китайской, Е.И. Кычанов выражает сомнение в прямом её заимствовании [Кычанов 2006: 54]. В период возвышения Чингис-хана и становления единой Монголии между Южной Сун, где правили китайцы, и монгольскими кочевьями находились тангутское государство Си Ся и чжурчженское Цзинь. Все три государства не ладили между собой, чем умело воспользовались монголы, разбивая их одно за другим. Внешняя политика тангутов и чжурчженей позволяет высказать догадку, что их державы претендовали на роль региональных гегемонов, но не всего мира. Даже впечатляющие успехи последних в войне с Сун в 1125–1127 гг. и в последующие годы не завершились полной аннексией китайских земель, хотя один из чжурчженских государей – Ваньянь Дигунай (Хай-лин-ван, правил в 1149–1161 гг.) предпринял в 1161 г. попытку силой объединить Поднебесную. Попытка эта закончилась катастрофой, а сам неудавшийся объединитель пал жертвой переворота. Впрочем, на наш взгляд, интересен даже не сам чжурчженский бросок на Юг, а его идеологическая подоплека. Полагают, что Дигунай следовал конфуцианскому тезису «Тот, кто вновь объединит Китай, обеспечивает [династию] законность» и делал мечту основать такую легитимную китайскую династию [Jing-shen Tao 1976: 68-69; Воробьев 1983: 253]. Что касается Си Ся, то оно весьма скоро стабилизировалось в тех границах, в которых просуществовало до своего разгрома монголами в 1227 г., и лишь в 1136–1137 гг. несколько приросло территорией в районе озера Кукунор. Вероятно, и тангуты, и чжурчжени осознавали недостаточность своего военного потенциала, и желания

их правителей не шли дальше того, чтобы сравниться по статусу с китайским императором, хотя они усвоили и активно использовали китайское учение о «Сыне Неба» и сопутствующих понятиях политико-философского арсенала Поднебесной. В Восточной Азии сложился паритет сил, уподоблявшийся китайскими интеллектуалами треномому сосуду *дин*, пока Чингис-хан не уничтожил одно из трех государств, а его сын Угэдэй – второе. Южная Сун не сумела извлечь выгоды из разгрома своих соперников и недолгое время спустя тоже погибла под ударами монгольских армий.

Востоковед-историк М.В. Воробьев говорит о культурном обмене между чжурчжэнями и монголами в сфере архитектуры, военной техники и вооружения, игр, некоторых обрядов, религии, календаря и т.д. В подтверждение своих слов автор цитирует П. Пельо: «Монголы, которые многим, в том числе языком и литературой, обязаны тюркам, почти стольким же обязаны чжурчжэням», но не обмолвливается о каких-либо идеологических заимствованиях [Воробьев 1983: 239–240]. В своей весьма содержательной статье, посвященной культурным связям между монголами и чжурчжэнями, М.В. Воробьев тоже обходит молчанием заимствования каких-либо политических теорий [Воробьев 1981: 23–38]. Но вправе ли мы отрицать вероятность таких заимствований? Нам известно кое-что о чжурчжэньском наследии в монгольской духовной и политической культуре из доклада Чжао Хуна, южносунского посла, к монгольскому полководцу Мухали, оставленному Чингис-ханом покорять Цзинь. Посетив в 1221 г. ставку Мухали, он записал всё, что смог узнать о монголах. По его мнению, раньше эти кочевники отличались простотой нравов, но переходящие на их сторону «цзиньские разбойники», т.е. чжурчжэни, сильно их испортили. По Чжао Хуну, монголы переняли у цзиньцев обычай обязательного поклонения Небу в первый день первой луны и в праздник начала года *чун-у* [Мэн-да бэй-лу 1975: 75]. Впрочем, оба праздника по своему происхождению китайские, а не чжурчжэньские.

Более серьезное опасения посла вызвало усвоение монголами некоторых идеологических традиций: «[Я], глупый, смотрю на это так, что если подождать еще [несколько] лет, то чиновники цзиньских разбойников, изменившие [своей династии] и бежавшие [к татарам], непременно научат их выбирать день рождения [императоров] и превращать его в праздник да еще непременно научат их менять [названия] годов [правления] и установить название [династии]» [Мэн-да бэй-лу 1975: 55]. Однако и это не есть чисто чжурчжэньская практика: она тоже восходит, в конечном итоге, к Китаю. Известно, что чжурчжэни переняли китайскую философию и методы управления в гораздо большей степени, чем кидани до них и монголы – после. Для их интенсивной китаизации было много разных причин, но все они были так или иначе связаны с политическим развитием их государства, так как им пришлось управлять всем Северным Китаем, а отношение китайцев к чжурчжэням составляло порядка десяти к одному [Tao Jing-shen 1976: 51; Барфилд 2009: 279, 280]. Кроме того, чжурчжэни не были степными кочевниками, их хозяйство и образ жизни более походили на китайские.

Можно предположить, что необходимую идеологическую систему, легитимировавшую хаганскую власть ссылаясь на волю Неба, монголы могли унаследовать от своих предшественников в степях, однако, кто были эти предшественники? Прежде всего, остановимся на хунну – первом кочевом народе, не только создавшем империю, но и попытавшимся стать ровень со Средним государством. По мнению П.К. Дашковского и И.А. Мейкшана, разработка сакральной концепции власти хунну укреплялась желанием выступать на паритетных началах с Китаем и до какой-то степени могла являться результатом подражания

[Дашковский, Мейкшан 2011: 174, 175]. Надо заметить, что в некоторых деталях хунну даже превзошли ханьский двор: например, размер отправляемых китайскому императору писем был больше, чем у приходивших от императора [Сыма Цянь 2002: 336]. Однако, говоря о хуннских изобретениях в области идеологии, важно помнить, что одним из ее активнейших разработчиков был китайский перебежчик – свнух Чжунхан Юэ. Он-то и научил *шаньюя* титуловаться в переписке с императором «Небом и Землей рожденный, солнцем и луной поставленный, великий шаньюй сюнну» [Там же]. Остается лишь удивляться, почему этот четко прописанный у Сыма Цяня факт столь часто ускользает от внимания исследователей. Его игнорирование приводит порой к возникновению курьезных гипотез.

Так, Д.Ф. Балдаев в одной из глав своей диссертации, посвященной происхождению культа Неба в древнем Китае, пытается установить его роль в становлении центрально-азиатского тенгризма (тенгрианства), т.е. региональной вариации культа Неба, бытовавшей у кочевников на протяжении всей их истории. Вопреки практически общераспространенной и твердо обоснованной точке зрения, он доказывает, что источником легитимности власти у хунну были светила, а не Небо [Балдаев 2006: 105]. Касаясь не только хунну, но и более поздних кочевников, Д.Ф. Балдаев склоняется в пользу значительного идеологического влияния Китая, способствовавшего сложению степных теорий легитимности в ходе создания полиэтнической имперской государственности, причем в своем классическом виде культ Неба появился в Центральной Азии лишь в XII-XIII вв., в период формирования Монгольской империи, и выполнял те же функции, что и в Китае [Балдаев 2006: 118–119, 127]. В своих рассуждениях автор исходит из постулата, что все кочевые государства до Чингис-хана были моноэтничными и, следовательно, не нуждались в едином, интегрирующем небесном культе, согласно известной фразе Ф. Энгельса «Единый бог не мог бы появиться без единого царя». Классик, очевидно, прав, но считать все до-чингисовы степные империи моноэтничными нет должных оснований.

Обсуждая вероятность заимствований хунну у Китая, Е.И. Кычанов отмечает, что «Трудно избежать китайских параллелей, так же как трудно решить, где здесь возможное влияние, а где общее, идущее из недр восточноазиатской и центральноазиатской истории» [Кычанов 1997: 7], и пока отсутствуют свидетельства, которые бы подтверждали основание хуннуской концепции власти *шаньюя* на китайском учении о Мандате Неба [Кычанов 1997: 8]. В другом месте своей монографии автор приходит к заключению, что идеологические основы власти у народов Центральной Азии и у древних китайцев развивались самостоятельно, хотя нельзя исключать взаимопроникновение идей [Кычанов 1997: 278].

С III в. до н.э. по середину IX в. власть в кочевом мире транслировалась от хунну к сяньби, потом к жуаньжуаням, затем к древним тюркам, а от них – к уйгурам. При этом, по словам академика Ш. Биры, «традиции политических представлений кочевых народов непрерывно передавались от одних народов другим» [Бира 2000: 86]. Весьма немного известно о взглядах на власть сяньби и жуаньжуаней. Конечно, она санкционировалась Небом, но существовала ли какая-либо примесь китайских идей, мы не знаем, хотя о наличии при некоторых правителях китайских советников сообщается. К сожалению, эти народы не оставили ничего подобного испещренным руническими письменами тюркским стелам.

Древнетюркские материалы дают обильную пищу для размышлений. П. Голден полагает, что древнетюркское понятие верховной власти демонстрирует немало сходства с китайским, хотя было бы ошибкой считать это результатом полного заимствования со стороны тюрков, которые в большей или меньшей мере унаследовали политический и культурный аппарат своих предшественников в степях – хунну, сяньби и жуаньжуаней. Сверх того, многие элементы, типичные как для кочевой, так и для китайской культур, несомненно, были результатом симбиоза [Golden 1982: 48]. Более определенно о происхождении кочевнического и, в частности, тюркского тенгризма (тенгрианства) от китайского «универсизма» говорит Л.Ю. Тугушева, разделяющая взгляды на этот предмет Г. Дёрфера и Э. Эсин. «Универсизм» обозначает китайское учение о трех космических началах, на которых зиждется Универсум: Небо, Земля и Человек. Л.Ю. Тугушева полагает, что тенгризм появился изначально как ответвление «универсизма», а в дальнейшем получил самостоятельное развитие [Тугушева 2000: 144-145, 155]. Напротив, монгольские историки склоняются к признанию автохтонности центрально-азиатского культа Неба и производных от него политических идей.

Первый Тюркский каганат отличался от прочих кочевых империй колоссальными размерами и тем, что сумел более или менее органично включить в себя земли с оседлым населением. Казалось бы, тюркским каганам не чужда была мысль о господстве над всей землей. В первой же строке Большой надписи Кюль-тегина постулируются поистине глобальные, можно даже сказать, космического масштаба претензии: «Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (букв.: бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или возникли) сыны человеческие (т.е. люди). Над сынами человеческими воссели мои предки Бумын-каган и Истеми-каган» [Малов 1951: 36]. Иными словами, именованные каганы, сами возникшие неизвестно откуда, были владыками всего человечества. Однако некоторые из «сынов человеческих» проявили непокорность: «Четыре угла (т.е. народы, жившие вокруг по всем четырем странам света) все были (им) врагами; выступая с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам, и принудили их всех к миру. Имеющих головы они заставили склонить (головы), имеющих колени они заставили преклонить колени» [Там же]. Таким образом, ойсумена была усмирена.

Малая надпись Кюль-тегина декларирует от имени Бильге-кагана: «Вперед, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, назад, к солнечному закату, слева (в стране) полноточной, – (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие (букв. находящиеся внутри) народы – все мне подвластны; столь много народов я всех устроил» [Малов 1951: 34]. Подобные мысли высказываются и в тексте Онгинского памятника: «Наш предок Бумын-каган четыре угла (мира) притеснил, повалил, победил, раздавил» [Малов 1959: 9]. Бильге-каган заявляет о своих подвигах: «После того как я, благодаря благости Неба, сам воссел на трон, я привел в порядок и устроил народы четырех стран (света)» [Малов 1959: 23]. Совершенно ясно, что цитированные утверждения следует понимать в смысле власти тюркских каганов над всеми степными народами [Хазанов 2004: 387], кочевавшими вокруг политического центра каганата – Отоюкенской черни, где находилась главная ставка кагана. Ни танский Китай, ни омейядский Иран, ни Тибет, ни Бохай, ни более-менее удаленные от Центральной Азии таежные народы Сибири не были вассалами древних тюрков. Они просто не рассматривались авторами мемориальных рунических надписей как принадлежащие к «четырем странам света». Такова была тюркская обитаемая вселенная.

Аналогичными были взгляды уйгуров, перенявших у тюрков эстафету власти в 744 г. Вскоре после 753 г. была высечена так называемая Терхинская надпись, описывающая первые годы правления Элетмиш Бильге-кагана. Помимо прочего, там говорится: «Народы, обитающие впереди (на востоке), там, где восходит солнце, народы, обитающие позади (на западе), там, где восходит луна, народы всех четырех стран света отдадут (мне свои) труды и силы, а мои враги утратили свою долю» [Кляшторный 2010: 41]. Здесь сохранены представления как о структуре географического пространства (четыре страны света), так и о тождестве этих «четырех стран» со всем обитаемым миром.

Представляется, что горизонты монголов в начале XIII в. были значительно шире несмотря на то, что они тоже маркировались в понятиях суточного хода солнца по небосводу. Однако теперь вместо слов о народах, живших в стороне восхода и в стороне заката, которых каганы подчиняли своей власти, просто идет речь о всей земной поверхности. Талантливые чингис-хановы полководцы Джэбэ и Субэдэй передали в Нишапур копию ярлыка великого хана, где говорилось: «Да ведают эмиры, вельможи и подданные, что всю поверхность земли от [места] восхода солнца до [места] захода господь всемогущий отдал нам. Каждый, кто подчинится [нам], – пощадит себя, своих жен, детей и близких, а каждый, кто не подчинится и выступит с противодействием и сопротивлением, погибнет с женами, детьми, родичами и близкими ему!» [Рашид ад-Дин 1952б: 211]. Покорным обещалась комфортная жизнь. «Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать», – извещал французского короля Людовика IX победоносный хаган Мункэ (1251–1259), опять-таки мыслящий глобально [Гильом де Рубрук 1997: 176]. В определенном смысле он не лукавил: монгольская империя действительно не знала сколько-нибудь крупных межэтнических столкновений, а торговые пути стали достаточно безопасны и связали самые дальние уголки Евразии. Но начавшиеся вскоре конфликты среди чингисидов фактически свели эти достижения на нет.

Считается, что после крушения Уйгурского каганата в 840 г. в степях наступил длительный период «политического вакуума», когда единого государства там не существовало, и который завершился с объединением Монголии Чингис-ханом. Если принять одну из наиболее обоснованных гипотез о миграции монгольских племен на территорию нынешней Монголии, имевшей место как раз в этот период, то получается, что перенимать кочевой имперский опыт им было не у кого, так как разбитые кыргызами уйгуры фактически покинули свои земли и ушли за пределы Монголии, вскоре с монгольских земель ушли и сами кыргызы, а политическое устройство племенных объединений татар, найманов, онгутов, керейтов, меркитов и других кочевников можно считать лишь предгосударственным. По мнению В.В. Трепавлова, «с падением Уйгурского каганата ... хунно-поярская традиция трактовки верховной власти пресеклась» [Трепавлов 1993: 64].

Тем не менее П. Голден подчеркивает сильное культурное влияние уйгуров на киданей и монголов [Golden 1982: 72], в чем с ним соглашается Т. Олсен [Allsen 1987: 42]. Письменность, использование печатей и т.п., – все это бесспорный уйгурский вклад в становление монгольской культуры и управления в начале XIII в., а династические уйгуро-киданские браки не могли не способствовать продвижению уйгурского наследия на восток Азии. Но уйгурские *идикуты* даже в лучшие годы по военной мощи и влиянию не могли равняться со своими славными кочевыми предками. Ганьчжоуское княжество окончило свои

дни в войне с тангутами еще в 1028 г., а Турфанское княжество, хотя и просуществовало до 1369 г., но уже в 1125 г. признало зависимость от каракиданей, а в 1209 г., после убийства их наместника в Кара Ходжо, добровольно пришло в подданство к Чингис-хану.

Говорить о бытовании имперской идеологии в этих осколках Уйгурского каганата едва ли приходится, ввиду чего мы не можем считать уйгуров именно тем звеном, через которое данная идеология была передана монголам от более ранних кочевников. Известная фигура Тататунги – уйгурского хранителя печати у найманского Таян-хана, – который был захвачен монголами и стал служить Чингис-хану, нисколько не дает оснований приписывать уйгурам абсолютно все культурные достижения монголов в начале XIII в.

Между тем, строго говоря, никакого «политического вакуума» в Центральной Азии после гибели Уйгурского каганата не наблюдалось: монгольские степи сравнительно быстро попали в сферу интересов киданей, провозгласивших в 916 г. империю и начавших экспансию на запад вплоть до Джунгарии. Из источников известно, что монголы были союзниками киданей и приносили им дань, а позже вступили на их стороне в борьбу с чжурчжэнями. Эта борьба продолжалась и после гибели Ляо и закончилась в 1234 г. полным крахом Цзинь. Историки, изучающие киданьскую империю, в частности Г.Г. Пиков, а также те, кто исследует раннюю историю монголов (Л.Л. Викторова и др.), полагают, что монголы немало заимствовали у киданей в области идеологии, мифологии и т.д., и именно отсюда проистекает акцент на силе и воле Неба, являвшийся отличительной чертой монгольской имперской идеологии XIII в. Более того, Л.Л. Викторова выдвинула интересную идею, что «Сам Чингис рассматривал себя как законного преемника политического и этнокультурного наследия киданьской империи Ляо, отомстившего чжурчжэням за ее разгром» [Викторова 1980: 175]. Действительно, власть Чингис-хана как императора выглядела бы более легитимной, если бы он смог доказать ее преемственность от власти не менее высокой. Его собственные предки могли претендовать лишь на правление в некоем объединении монгольских племен – *Хамаг монгол улус*, само существование которого оспаривается многими специалистами. Даже если оно существовало, то не охватывало всю Монголию. Выступить наследником Ляо – это уже гораздо более серьезная претензия, на которую он имел, по крайней мере, некоторые, пусть и зыбкие, формальные основания, как потомок союзников киданей.

Уместно также вспомнить советника Чингис-хана и Угэдэя – мудрого и гуманного киданина Елюй Чу-цай (1189–1243), потомка древнего правящего рода, принятого монголами на службу и сыгравшего чрезвычайно большую роль в налаживании гражданской администрации на оккупированных землях Северного Китая. Просвещая своих патронов в области налогообложения покоренного населения, участвуя в подборе управленческих кадров и разрабатывая придворный церемониал, он, несомненно, знакомил монгольскую элиту с принципами универсального правления, применявшимися в государствах дальневосточного культурного круга. Однако с момента падения династии Ляо прошел век, и Елюй Чу-цай, родившийся и выросший уже в чжурчжэньском государстве, вряд ли может считаться носителем собственно киданьской культуры и киданьских политических представлений. Несмотря на бесспорные заслуги этого человека в приобщении монгольских владык к достижениям оседлой цивилизации, он, как истинный конфуцианец по образованию и буддист по вероисповеданию, являлся носителем не киданьской и не чжурчжэньской культуры, а китайской, тем более что своим родным языком он считал китайский. Но даже если бы он и пропове-

довал перед Чингис-ханом киданьские идеи, та парадигма власти, которую мы видим у монголов эпохи завоеваний, не является простой репликой киданьской парадигмы. Последняя более походит на китайскую, и неслучайно император киданей Дэгуан (926–947) даже сумел некоторое время посидеть на троне Сына Неба в Далине, тогда как Центральная Азия была все-таки на периферии киданьских интересов. Завоевывать весь обжитой человеком мир кидани, видимо, не собирались, и даже захват Центральной равнины не был их целью [Naomi Standen 2005: 157–162], хотя 16 китайских областей в 936 г. отошло к Ляо.

Сделаем небольшое отступление. В связи с Дэгуаном нелишне будет затронуть вопрос внешнеполитического протокола, нашедший отражение в императорских (хаганских) указах. Возводя в 936 г. на китайский престол свою марионетку Ши Цзин-тана, Дэгуан написал на его имя довольно унижительную грамоту, обильно украшенную выдержками из китайской классической «Книги историй». Преамбула грамоты гласила: «О! Когда впервые начались изменения в природе, вызванные взаимодействием темных и светлых сил, под их влиянием появились и правители. Однако воля Неба на царство непостоянна, она поддерживается добродетельными деяниями самих правителей. Поэтому, когда добродетели правителей династии Шан ослабли, засияли добродетели династии Чжоу; когда добродетели династии Цинь пришли в упадок, возвысилась династия Хань. Как в древности, так и в настоящее время нет разницы в связях между действиями людей и волей Неба» [Таскин 1975: 86]. Здесь не видно ничего самобытного, киданьского. Однако можно ли поручиться, что подобного рода декларации и манифесты, наверняка сочиненные китайскими или сильно окитаевшимися придворными знатоками ритуалов, не выглядели в глазах «варварских» самодержцев всего лишь неизбежной риторикой, к которой сами они не питали ни доверия, ни какого-либо интереса?

В отличие от политической культуры Китая, где преамбула (адресант) императорских указов довольно многословная, обстоятельно вводящая в круг понятий традиционной китайской космологии, легендарной истории и политической философии, в степях существовала своя внешнеполитическая традиция, очень явно звучащая в указах великих ханов Монголии. Монгольская преамбула – краткая и четкая, сразу отсылает к источнику законности требований, т.е. непосредственно к Небу: «Силой Вечного Неба!» Дальше обычно следуют еще две короткие строки, которые сейчас имеют для нас меньший интерес (подробный анализ см.: [Григорьев 1978: 17–33; Voegelin 1941: 378–413]). Можно полагать, эта формулировка была вполне понятна и простому кочевнику, и правителю соседней державы. О какой бы китаизации мы ни говорили, данное указание на силу Неба сохранилось практически неизменным даже при Юань в императорских эдиктах и на пайцзах [Поппе 1941: 58 и сл.]. Прямой аналогии монгольскому адресанту не прослеживается. Возможно, это связано с утратой соответствующих документов, но можно также предположить, что аналогов и не существовало, и перед нами – подлинно монгольская инновация. Если бы удалось доказать истинность сделанного предположения, можно было бы говорить об особой, монгольской политической традиции.

Когда она обнаружила себя? Грамота, выданная в 1223 г. Чингис-ханом даосу Чань-Чуню (о нем см. ниже) имеет более короткий адресант, состоящий всего из одной строки и на современный русский язык переводящийся как «Чингиса императора повеление» [Палладий 1866: 374–376; Григорьев 1978: 22]. Велика вероятность того, что переписку с Чань-Чунем вел находившийся в это время при ханской особе Елюй Цу-цай, и он же составил текст грамоты

[Rachewiltz 1973: 32–33]. Ссылок на силу Неба здесь нет. Аналогичен адресант в грамоте хагана Угэдэя (1229–1241) от 1235 г. [Григорьев 1978: 23]. Допустимо думать, что автором грамоты и в этом случае был все тот же Елой Цу-цай, верой и правдой служивший Угэдэю, как ранее он служил его отцу. Ссылки появляются впервые в письме хагана Гуюка (1246–1248) папе римскому Иннокентию IV в 1246 г. (кстати, уже после смерти знаменитого киданьского советника, последовавшей в 1243 г.), и в дальнейшем становятся обязательными. Их происхождение нам пока неясно, но китайское влияние здесь представляется маловероятным. Следовательно, можно думать, что и апеллировали монгольские владыки отнюдь не к китайскому Небу – *тянь*, а к своему – *тенгри*.

Не вполне также ясно, какими словами начинались указы древних тюрков. Очевидно, что в сношениях со степными племенами они передавались устно гонцом, и пространные вводные слова, скорее всего, были просто неуместны. В самом деле, кажется очень сомнительным, чтобы тюркские каганы прибегали к китайским риторическим «украшениям» в своих обращениях к подвластным кочевым вождям или народам, обитавшим за пределами дальневосточного культурного ареала, тяготевшего к Китаю. В посланиях же к китайским императорам они не забывали подчеркивать свое небесное происхождение, но упоминали ли они силу Неба, доступные источники не сообщают. Вот как, например, начал свое письмо императору династии Суй каган Шаболю (582–587) в 584 г.: «В лето Чень в десятый день девятого месяца рожденный Небом великий Тукюе, мудрейший и святейший в поднебесной Сын Неба Или Гюолу-ше Мохэ Шыбо-ло-хан посылает грамоту императору великого Дома Суй» [Бичурин 1950: 237].

Итак, ни Ляо, ни Си Ся, ни Цзинь не посягали на весь мир. Иное нужно сказать о монголах. Каждому, кто хотя бы немного знаком с их историей, известно убеждение монгольских хаганов в том, что Небо отдало в их руки всю землю. Поэтому, с их точки зрения, все под солнцем принадлежало монголам и всякий, кто сомневался в этом, заслуживал смерти. Хотя в данном случае мы можем констатировать универсализм, подобный китайскому, где кроме единственного цивилизованного государства – Китая на земле живут лишь «варвары», от которых следует добиваться подчинения единственному легитимному монарху – китайскому императору, а санкционирует этот порядок вещей само Небо, сходство исчерпывается, когда дело касается методов проведения воли Неба во внешний мир. В теории, китайский Сын Неба распространял небесный порядок посредством своей благой силы *дэ*, совершенствуя себя в гуманном управлении и «любя живое» (*хао мэн*). Идея приведения «варваров» к покорности силой была отброшена еще при Ранней Хань (206 до н.э. – 8 н.э.), хотя иногда и принималась на вооружение опять. Монголы тоже не мирились с существованием независимых государств, но насаждали волю Неба, как они ее понимали, «огнем и мечом». Они тоже имели понятие о сверхфизической силе – *сильдэ*, посредством которой хаган правит всей землей; эта сила, подобно китайской *дэ*, приводит в гармонию и людей, и природу, но горе тому, кто не желал этой гармонии, принесенной на копытах монгольской конницы!

Между тем, идея не то чтобы мирового господства, но даже безраздельной власти в степях не была «врожденно» монгольской. Она вообще не этнична. Несколько поколений монгольских ханов занимали сравнительно скромное место в степной иерархии, будучи вынуждены мириться с наличием более сильных или примерно равных по силе соперников из других народов – татар, керентов, найманов и других, не говоря уже о цзиньских Алтан-ханах. Можно лишь гадать, витали ли в политически раздробленной Центральной Азии той эпохи идеи еди-

ноначалия, сохранялась ли память о великих империях прошлого и о правителях, которым подчинялась вся степная ойкумена. Скорее всего, такие воспоминания существовали и передавались от одного поколения кочевников другому, обрастая легендарными подробностями, но послужить руководством к действию они еще не могли. В условиях, когда не было единства, имперская идеология, по-видимому, была обращена скорее в прошлое, чем в будущее, хотя это вовсе не значит, что в кочевом обществе не хватало честолюбивых лидеров. Конечно, они были. Просто амбиции необходимо подкреплять силой оружия.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что монгольская концепция верховной власти не была всего лишь отражением китайской концепции. Вряд ли она вообще могла быть напрямую заимствована. Представляется более вероятным, что монголы сравнительно близко познакомились с ней при посредстве киданей, точнее, они могли познакомиться с китайскими идеями, усвоенными киданьской культурой, и ассимилировать что-то, что встривалось бы в бытовавшую у них картину мира. Примерно в это же время или несколько позже монголы могли соприкоснуться со степной традицией.

Ярко выраженная древнетюркская «вертикаль власти» (Небо – каган – Земля), выстраивавшаяся в кровопролитных битвах, возможно, еще не была окончательно забыта в степях, но ввиду отсутствия единоначалия пребывала невостребованной. Степные лидеры не имели достаточно сил, чтобы претендовать на господство над всей Центральной Азией, не говоря уже о чем-то большем, пока из их среды не вышел талантливый политик и полководец Чингис-хан. Исследователи практически единодушны во мнении, что первое время он не помышлял о мировом господстве и вел себя как обычный, хотя и весьма удачливый, кочевой вождь. Он мог бы создать кочевую империю – и он ее создал, но не остановился на этом, а выступил с претензией на абсолютную власть. Считается, что эту амбициозную мысль ему внушил шаман Тэб-Тенгри – сын хонхотанского Муслика. Он вошел в доверие к Чингис-хану, пророка ему великое будущее, и утверждал, что Вечное Небо дарует ему власть над всеми народами: «Бог повелел, чтобы ты был государем мира!» [Рашид ад-Дин 1952а: 167; Рашид ад-Дин 1952б: 253]. К сожалению, остается неизвестным, откуда появились такие мысли в голове самого Тэб-Тенгри, и что именно он понимал под «поверхностью земли», дарованной Небом Чингис-хану, – степную ойкумену или шире. Последнее более вероятно. Ответ на эти вопросы мог бы пролить свет на становление идеологии Монгольской империи на заре ее истории.

Далее, известно, что в окружении Чингис-хана были адепты различных религий, каждый из которых мог, в принципе, оказывать влияние на своего покровителя, ссылаясь на волю Бога, Аллаха или Будды, а все три религии, как мировые, отнюдь не замыкались границами степного пояса и в вопросах власти давали божьему избраннику весьма широкие полномочия. К сожалению, источники оказались совсем немногословны в отношении интереса, который Чингис-хан проявлял (или не проявлял) к этим религиям, но донесли яркие свидетельства его интереса к даосскому учению. Едва ли великий завоеватель захотел на склоне лет найти какие-то натурфилософские обоснования своей власти. Причина, по которой он вызвал в свой походный лагерь в Афганистане известного своей ученостью даосского мастера Чань-Чуня (1148–1227), была прозаична: Чингис-хана волновал поиск способов достичь бессмертия или хотя бы долголетия. Задавал ли он какие-либо вопросы о природе верховной власти, неизвестно [Палладий 1866: 320, 331], хотя И. де Рахевильц говорит о том, что даос в своих проповедях перед «потрясателем Вселенной» раскрыл божественное происхождение

ние правителей и назвал их «небесными существами, изгнанными [с Неба жить] среди людей», которые в конце концов должны будут вернуться в свои небесные чертоги. На примерах из мифологии и истории он показал, что император, являясь Сыном Неба и получив Небесный Мандат на власть, должен управлять всем человечеством [Rachewiltz 1973: 34].

Есть сведения, что после завоевания Средней Азии Чингис-хан остановился в Бухаре и спрашивал ученых мулл об исламе. С основными догматами и требованиями этой религии он якобы согласился, найдя лишь хадж в Мекку необязательным: «Весь мир есть обиталище Бога; зачем ходить для этого в одно только место!» [Абуль-Гази 1906: 116]. Странно, впрочем, что Чингис-хан не осведомился об исламе у своих приближенных мусульманах, таких как Джафар-ходжа, Данишменд-хаджиб или Хасан, примкнувшим к нему еще в Монголии, когда он вел смертельные схватки за власть [Cleaves 1955: 396–397]. Есть повод думать, что на самом деле он, как человек достаточно широкого кругозора, привечавший грамотных и преданных ему людей независимо от их вероисповедания и национальной принадлежности, наверняка расспрашивал их о культах, которые те практиковали, и имел представление об основных религиях.

Знаменитый религиозный плюрализм средневековых монголов мог походить на современные эзотерические учения, утверждающие, что Бог один, а путей к нему много. Хаган Мункэ именно так и объяснил фламандскому монаху-францисканцу Рубруку, совершившему в 1253–1255 гг. поездку в Монголию во главе посланной Людовиком IX миссии: «Но как Бог дал руке различные пальцы, так Он дал людям различные пути» [Гильом де Рубрук 1997: 169]. Однако, как хорошо известно, монгольские хаганы извлекали из своей веротерпимости немалую выгоду в сношениях с другими государствами, представляя себя в зависимости от ситуации склоняющимися или к христианству, или к исламу, или к буддизму, и т.д.

С точки зрения широкой адаптации чужеродных воззрений, перенятое и усвоенное правящей верхушкой должно быть более или менее легко понятным и подданным, в это значит, что оно должно опираться на некоторую традицию, считающуюся коренным населением безусловно своей, унаследованной от славных предков. Новое должно суметь встроиться в старое, ибо попытки навязать чуждые понятия свобододобивым кочевникам, да и не только им, вполне могли спровоцировать бунт. Прежде чем быть адаптированным в кочевой среде, китайский культ Неба не мог избежать трансформации, так сказать, подгонки под степные идеологические стандарты. При этом, по-видимому, вряд ли когда-то можно будет совершенно определенно утверждать, что именно и когда-то номады взяли из китайской имперской идеологии, а что просто откорректировали в собственных представлениях, когда история давала им шанс возвыситься и в военно-политическом отношении сравняться с Китаем, а то и превзойти его, и когда прежние взгляды, в том числе на самих себя, уже не годились в сношениях с окружающим миром.

Отдельные чужеземцы, оказывавшиеся на ханской службе, конечно, могли чему-то научить своих господ¹, но даже с монаршей помощью едва ли им было

¹ Подчас не менее важная миссия выпадала на долю женщин: ханских матерей, жен, наложниц. Они не только участвовали в интригах и рожали героев и злодеев, но и внедряли в сознание монархов плодотворные политические идеи. Достаточно вспомнить эпические образы матери Чингис-хана Озлун и его жены Бортэ, а также его невестки Сорхатани-беки и любимой жены хагана Хубилая Чаби.

под силу привить в обществе идеи, которые были бы ему чужды или же противоречили тому, что заповедали отцы и деды. В отличие от религиозных проповедников, они не шли «в народ». Однако и те мало чего достигали в борьбе за умы и души кочевников. Вспомним, для примера, какие смелые догадки, если не сказать утверждения, высказываются порой в связи с фактом обращения уйгурского Бёгю-кагана в манихейство в 763 г. По мнению некоторых историков, на этот раз досталось не только ближайшему окружению кагана, «но и простые уйгуры испытали на себе силу новой религии. Манихейский канон предусматривает постные дни, когда запрещено вкушать даже масло и молоко. Уйгурским пастухам и охотникам пришлось заводить огороды, чтобы не умереть с голоду. Таким путем начало распространиться земледелие в степи» [Гумилев 1993: 382]. В конце концов, даже если принять это за чистую правду и согласиться с невиданным расцветом земледелия у отказавшихся от мясомолочной пищи кочевников, то гибель Бёгю-кагана в 779 г. вместе с сыновьями и советниками-манихеями наверняка положила бы ему конец. Впрочем, сама суровая природа Центральной Азии, весьма малопригодная для хлебопашества и огородничества, не оставляет подобным гипотезам места. Куда менее можно было рассчитывать на успех проповеди среди кочевников китайского «универсализма»!

Отсюда следует, что в степях испокон веков у разных народов должен был существовать свой культ Неба, в каких-то чертах подобный китайскому, но все-таки свой. Определенное функциональное сходство Неба «своего» и Неба китайского должно было облегчать восприятие некоторых проистекающих из Поднебесной идей. Скажем, мысль о том, что Небо дает санкцию на управление миром достойному претенденту, очевидно, одинаково легко могла приниматься по обе стороны Великой стены. Говорить ли при этом об особом Мандате или не говорить – сути дела не меняет. Высокий статус правителя в традиционной кочевой картине мира легко мог быть сопоставлен со статусом китайского Сына Неба, даже не имея этого наименования, ведь любому кочевнику было понятно, что их верховный вождь рожден по изволению Неба и Небом же опекаем.

Таким образом, можно полагать, что монгольская концепция верховной власти представляла собой синтез китайской (через посредство киданей и в какой-то степени чжурчженей) и центрально-азиатской концепций, куда, кроме того, могли быть инкорпорированы некоторые элементы религиозных и политических учений, разработанных в лоне нескольких мировых религиозных систем. Наконец, нельзя забывать и о собственно монгольских представлениях, сформировавшихся задолго до выхода монголов на просторы Центральной Азии. Поэтому понятие Вечного Синего Неба как верховной самосознающей сущности, благоволящей только монголам и ставящей над ними и над всей землей легитимного хагана, могло на рубеже XII–XIII вв. сложиться из нескольких составных частей, взятых монголами как из своей картины мира, так и из картин мира других народов, чему способствовала создававшаяся в этой части Азии политическая ситуация.

ЛИТЕРАТУРА

- Абуль-Гази*. Родословное дерево тюрков / Пер. Г.С. Саблукова, послесл. и примеч. И.О. Катанова. – Казань, 1906. – 336 с.
- Балдаев Д.Ф.* Генезис культа Неба в древнем Китае: Дисс. ... к.и.н. – Улан-Удэ, 2006. – 147 с.
- Барфилд Т.Дж.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. Д.В. Рухляева и В.Б. Кузнецова. – СПб.: Фак-т филол. и искусства СПбГУ: Нестор-История, 2009. – 488 с.
- Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов // Монголоведческие исследования. Вып. 3. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 85–91.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 382 с.
- Викторова Л.Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
- Воробьев М.В.* Культурные взаимосвязи между монголами и чжурчжэнями (цзиньцами) в XII–XIII вв. // Литературные связи Монголии. – М.: Наука, 1981. – С. 23–38.
- Воробьев М.В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь. – М.: Наука, 1983. – 448 с.
- Гильям де Рубрук*. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – С. 88–189.
- Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII–XIV вв. (чингизидские жалованные грамоты). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 136 с.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. – М.: Клышников, Комаров и К^о, 1993. – 527 с.
- Дашковский П.К., Мейкиан И.А.* Религиозный аспект политической культуры в кочевых империях Центральной Азии // Сакральный образ правителя. – Кемерово: ФГБОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-в», 2011. – С. 167–183.
- Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. – 328 с.
- Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гунов до маньчжуров. – М.: Наука, 1997. – 320 с.
- Кычанов Е.И.* Государство Чингис-хана как воплощение идей и традиций кочевой государственности // *Mongolica. An International Annual of Mongol Studies*. Vol. 18 (39). 2006. – С. 49–56.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
- Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.
- Мэн-да бэй-лу* («Полное описание монголо-татар») / Факсимиле, пер. Н.Ц. Мункуева. – М.: Наука, 1975. – 287 с.
- Палладий*. Си ю цзи или Описание путешествия на Запад // Тр. членов Российской Духовной миссии в Пекине. Т. IV. – СПб., 1866. – С. 261–436.
- Поппе И.Н.* Квадратная письменность. – М.; Л.: Изд-во АН, 1941. – 168 с.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952а. – 222 с.
- Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952б. – 316 с.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. VIII / Пер. Р.В. Вяткина и А.М. Каралетьянца. – М.: Наука, 2002. – 510 с.

Таскин В.С. Киданьский император на китайском престоле // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние вв. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 83–98.

Тренавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. – М.: Наука, 1993. – 168 с.

Туеушева Л.Ю. Каким богам поклонялись древние тюрки? // Altaica IV. – М.: ИВ РАН, 2000. – С. 144–156.

Хазанов А.М. Мухаммед и Чингис-хан в сравнении: Роль религиозного фактора в создании мировых империй // Монгольская империя и кочевой мир. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 382–405.

Allsen T.T. Mongol imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic lands, 1251–1259. – Berkeley etc., 1987. – xvii + 278 с.

Cleaves F.W. The Historicity of the Baljuna Covenant // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 18. 1955. – С. 357–422.

Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimizing of the Yuan Dynasty. – München, 1978. – 85 с.

Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. T. 2. Wiesbaden, 1982. – С. 37–76.

Jing-shen Tao. The Jurchen in Twelfth-Century China. – Seattle-London: University of Washington Press, 1976. – xiv + 217 с.

Naomi Standen. What Nomads Want: Raids, Invasions and the Liao Conquest of 947 // Mongols, Turks, and others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. – Leiden, Boston, 2005. – С. 129–174.

Rachewiltz, Igor de. Some Remarks on the Ideological Foundations of Chingis Khan's Empire // Papers on Far Eastern History. Canberra, the Australian National University. № 7. March 1973. – С. 21–36.

Ratchnevsky P. Genghis Khan. His Life and Legacy / Trans. and ed. Thomas N. Haining. – Oxford, 1991. – 313 с.

Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to the European Powers, 1245–1255 // Byzantion. Vol. XV. – Boston, 1941. – С. 378–413.

***Drobyshev, Yu.I.* Who taught Mongols to worship the Heaven?**

Summary. The present article attempts to trace sources of Mongolian imperial ideology, namely that the rule of Mongolia khagans in the entire world was sanctioned by the Eternal Heaven. Similar ideas existed in China as well, and this fact allows some researchers to assume borrowing the conception of supreme power by the Mongols from the Chinese. However, the Mongolian conception had most likely a more complex genesis. It had rested on an old steppe tradition and absorbed some Chinese ideas indirectly, through the Ch'i-tan state Liao, whose political successors the Mongols considered themselves in the thirteenth century.

Key words: Eternal Heaven, supreme power, borrowed ideology, Genghis Khan, China, Liao.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ О МИРОЗДАНИИ

Н.И. Джуракузиев, г. Ташкент

Резюме. В статье анализируются представления древних тюрков о вертикальном и горизонтальном устройстве мироздания и модели трёхэтажной, четырёхсторонней вселенной.

Ключевые слова: космогонический миф, вертикальная и горизонтальная вселенная, Кёк Тангри, Умай, Священный Земля-Вода, Эрлик, четырёхсторонняя вселенная

Каждый народ имеет свой комплекс исторических представлений об устройстве вселенной, свою космогонию. У многих народов наблюдается тенденция к пониманию вселенной-космоса в связи с первобытными представлениями о природных явлениях. В древнетюркских письменных памятниках «Ырк битиг» («Книга гаданий»), «Огуз-наме», а также в орхоно-енисейских эпитафиях отражены схожие представления о мироздании. Постараемся проанализировать космогонические моменты в памятнике орхонской группы — эпитафии Кюльтегина. Мы склонны оценивать представления тюрков об устройстве вселенной сквозь призму двух космогонических аспектов — понятия горизонтальной и вертикальной вселенной. Эти понятия успешно используются в исследованиях по космогонической мифологии народов мира и широко применяются при анализе представлений о мироздании. Согласно концепции вертикального мира, вселенная разделяется на три «этажа». Обычно в представлении древних народов число «этажей»-слоев не превышает двух или трёх, из которых верхний занимает Небо, средний — Земля и нижний — Подземный мир. Такую же модель вертикального мироздания мы обнаруживаем у древних тюрков [Кляшторный 2003]. Постараемся развить высказанные известным тюркологом положения. Согласно концепции горизонтальной вселенной, мир разделён на четыре стороны. В мифологии разных народов число сторон света бывает от двух до четырёх. Это, как правило, передняя — задняя, правая — левая стороны, или просто Восток, Юг, Запад, Север. В древнетюркских источниках стороны света именуется следующим образом: вперед — солнечный восход, справа — полдень, назад — солнечный закат, слева — полночь.

В эпитафии Кюльтегина (Большая надпись) представлена вертикальная картина мироздания: *Üzä kök: t'gri: ʔsra: yʔyz: yr: qilnʔqda: ʔkin ʔra: kisi: oyl: qil'nm's:* 'Когда было сотворено вверху голубое небо, внизу темная земля между обоими были сотворены сыны человеческие'. (см. 1 рис. [Малов 1951: 21]).

В тексте хорошо отражена мифопоэтическая концепция: мир разделяется на три этажа: 1. Верхний. В тексте — $\text{ʔ}^{\text{Ч}}\text{N}$ (*üzä*) — 'вверху, сверху' [ДТС 1969:629], также встречается форма *узра*. В этом этаже вместе с Кёк Тангри и его сподвижницы Умай, проживают такие вспомогательные духи, как Мангдашира, Майтора, Япкара, Шайима, ответственный за погоду Уркер, хозяин грома Насигай и

др. 2. Средний. В тексте – 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚 (‘kin²ta) – ‘между обоими’, т.е. между небом и землей. Здесь обитали Священная Земля-Вода и ее свита, состоящая из добрых духов, всемогущий Ио-кан, вода [Kalafat 1995: 52], земля [Рахманов 2002: 64–65], горные духи [Алексеев 1980: 63] и люди. 3. Нижний. В тексте – 𐰇𐰏𐰚 (‘sra) – ‘внизу’ [ДТС 1969: 61], т.е. низ, нижний. В этом этаже обитают Эркикхан (по некоторым источникам Эрлиг), его девять сыновей: Караш, Маттир, Шингай, Кёмирхан, Бадиш бий, Ябаш, Темирхан, Учархан, Керейхан и две дочери Киштей ана, Эрке Султан [Алексеев 1984: 53–56], смертоносный Бюрт (*Бурт* ‘кошмар’ [ДТС 1969:126]; версия Дж. Колосона: *bür-* ‘обманом скручивать жертву’, версия К.К. Юдахина: *mürt* ‘внезапная смерть’, *бурт кет-* ‘скоропостижно умереть’) и другие злые духи.

Представление о «трёхэтажной» вселенной встречается во многих космогониях. Тем не менее взгляды на устройство вселенной и мировоззрение древних тюркских народов имеют специфические черты. Сейчас всё большее распространение получает мнение, что эти моменты в древнейших источниках подвергались диффузии и приобрели синкретический характер.

Древнетюркская модель горизонтального пространства тоже отличается своеобразием. Согласно ей, мир разделён на четыре стороны. Определение сторон было связано с движением солнца. К примеру, в эпитафии Кюль-тегина (Малая надпись) имеется отрывок, рисующий картину горизонтального пространства (см. 2 рис. [Малов 1951:19]: *Toqz oʻz : bʻglʻri budʻni : bu sʻbʻmʻn : ʻd-gʻti : ʻsʻd : qʻtʻydi : tiqla : ilgʻrü : kün : toʻsʻq(q)a : birgʻrü : kün : ortusifʻru : qurifʻru : kün : bʻtsiqiqa : jirʻru : tün : ortusifʻru : ʻnta : ierʻki : budʻn : qop : m(a)qa körür anʻa) : budʻn* ‘(Вы) начальники и народ “девяти Огузов”, эту речь мою хорошо слушайте и крепко (ей) внимайте! Впереди, к солнечному восходу, справа (в стране) полуденной, назад, к солнечному закату, слева, (в стране) полуденной, – (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие (букв. находящиеся внутри) народы – все мне подвластны... [Малов 1951: 34].

Из данного текста можно видеть, что древние тюрки определяли стороны света, обратив лицо на восток. Стороны света в их представлении: 1. Первая сторона: 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚 𐰇𐰏𐰚 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 *ilgʻrü:kün:toʻsʻq(q)a* ‘впереди, к солнечному восходу’. Это восток – передняя сторона. 2. Вторая сторона: 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚 𐰇𐰏𐰚 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 *birgʻrü:kün:ortusifʻru* ‘справа (в стране) полуденной’. Это юг – правая сторона. 3. Третья сторона: 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚 𐰇𐰏𐰚 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 *qurifʻru:kün:bʻtsiqiqa* ‘назад, к солнечному закату’. Это запад – задняя сторона. 4. Четвёртая сторона: 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚𐰚 𐰇𐰏𐰚 𐰇𐰏𐰚𐰚𐰚 *jirʻru:tün:ortusifʻru* ‘слева, (в стране) полуденной’. Это север – нижняя сторона (см. 3 рис.).

Восток, сторона солнечного восхода, традиционно считалась у тюрков священной, и дома строились с обращёнными на восток дверьми и окнами. Поэтому для правильной ориентации в пространстве надо обратить лицо на восток, а Запад фигурировал как сторона захода солнца, в том числе и заката солнца жизни. Юг и Север – взаимодополняющие стороны. Это понятие веками сохранилось во всех жанрах эпического творчества [Аникеева 2005: 18–22]. Такое понимание мироустройства служило главным объектом для создания космогонических мифов и космологических понятий, концепций появления человека, проблемы взаимосвязи между человеком и природой [Топоров 1980: 6–9]. Такое понимание мироздания в каком-то смысле раскрывает место небесных культов в

формировании традиций и поверий, религиозно-философского мышления, мировосприятия и фольклорных сюжетов у древних тюркских народов.

Древнетюркская космогония имеет мифологический характер. Особое место в ней занимают священные горы, родники, перевалы, реки — в таких местах происходило соединение подземного мира со средним миром. У древних тюрков не видеть солнце и луну считалось большим горем и сравнивалось со смертью. Не зря в некоторых эпитафиях встречаются подобные высказывания; например: *Kök İñridä : kün ʔy az'dm : f'rmä : jita : s'z'mä : ʔd'rl'm* 'Я не стал ощущать солнце и луну на голубом небе, горюя, от вас моих и от земли моей я отделился (т.е. умер) [Малов 1952: 26].

Тюрки считали, что каждое тело на свете состоит из трёх частей. В частности, в тюркской мифологии и мир предстаёт в трёх измерениях, и человек состоит из тела, костей и души, а душа, в свою очередь, состоит из следующих трёх компонентов: *тин*, *кут* и *сюр* [Потапов 1991: 32–57]. Согласно мифам, Кёк Тенгри дарует будущим матерям *кут* (счастье и изобилие), *тин* (дыхание) и *сюр* (душу, сердце). После кончины человека *кут*, *тин* и *сюр* в его теле расщепляются и поднимаются на небо, воссоединяясь с духом предков. Древние тюрки не считали смерть «настоящим» конечным событием. Согласно их поверьям, жизнь продолжится в другом пространстве. Вместе с телом умершего хоронили коня, еду и пр. Существовала вера, что при идеальном исполнении обычаев души предков будут помогать во всём.

В свою очередь, пространство представлялось как соединение «видимого» и «невидимого» миров. Невидимый мир — это Кёк Тенгри и священные духи. Здесь Небо горизонтально делится на уровни. На самом высоком уровне обитает Кёк Тенгри, в нижних — прочие духи ниже по рангу и значимости. Духи ездят верхом на небесных конях (см. сюжеты в «Ырк битиг»). Поэтому им приносили в жертву коней, поскольку конь считался божественным животным, принадлежащим богам и духам. Земные заместники Кёк Тенгри — каган и цариха — владели отборными конями.

Видимый мир, по представлениям тюрков, состоит из солнца, луны, звёзд и радуги. Здесь рождаются и проживают дождь, снег, ливень, гром. В общем, в состав видимого мира входят различные космогонические тела.

Средний мир, как и небо, делится на видимый и невидимый. В невидимом мире обитают горные, лесные, водные, ущельные, пещерные, родниковые и др. духи. Они влияют на видимый средний мир, где живут люди и животные, а также живут вместе с ними. Люди уповают на их помощь, приносят им жертвы. Равнины и долины принадлежат людям, а горы, перевалы, пещеры — духам. И древние тюрки проводили различные церемонии, совершали им жертвоприношения. Археологи повсеместно находят многочисленные статуэтки и различные предметы культового назначения, свидетельствующие о таких церемониях.

Естественно, и подземный мир также предстаёт как видимый и невидимый. Невидимый подземный мир под предводительством тёмного божества Эрлика принадлежит злым духам, дурным и совершившим суицид людям. Кроме них там существуют кони и другие предметы, похоронённые вместе с людьми [Трифорова 1973: 351–374]. Металлы, знакомые тюркам (железо, олово, цветные металлы), были связаны с Эрликом. Из металла, который выходил из-под земли, сплавляли оружие, которым убивали, т.е. забирали жизнь людей, поэтому Эрлик почитался как символ смерти. Видимые границы подземного мира, как

верили тюрки, — поверхность земли, трещины, подземные пещеры. Кроме того подземные и подводные животные также находятся во владчестве Эрлика.

В мировоззрении тюрков вселенная считалась постоянно движущимся и обновляемым пространством. Главная функция вселенной проявляется в непрерывности и обновлении жизни. Человечество, как маленькая частица этой вселенной, имело свои ценности и навыки. В шаманских гимнах в честь Кёк Тенгри отражены главные пожелания древних предков от Бога: «О, Вечное Синее Небо! Расплодите наш скот и табуны, Сделайте нас богатыми и счастливыми, Размножьте наших внуков и правнуков, Сделайте нас многочисленными и здоровыми [Безертинов 2004: 49].

Критерии понимания и моделирования мира были своими у каждого народа. Тюркские народы представляли мир состоящим из этажей, видимых и невидимых ипостасей. Если обратить внимание на тюркские мифы и на традиционное мировоззрение, обнаруживается их связь с природными явлениями. В особенности привлекают внимание мифы, связанные с Солнцем и Луной, звёздами, погодой, громом, землёй, лесом, водой, деревом. Ещё один примечательный момент — каждый культ имеет свой невидимый дух. Эти понятия проистекали из социальной жизни тюрков и были неразрывно связаны с ней.

Стоит только учесть, что представленная выше модель мироздания, конечно, не отражает в полной мере мировоззрение древних тюрков и не даёт исчерпывающей характеристики тюркской космогонии.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1980.

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). — Новосибирск: Наука, 1980.

Аникиева Т.А. Элементы древнетюркской картины мира (на примере огузского героического эпоса «Китаб-и дедем Коркут») // Тюркологический сборник 2003–2004. — М.: Вост. лит., 2005. — С. 152–165.

Безертинов Р.Н. Тенгрианство — религия тюрков и монголов. — Казань, 2004.

Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969.

Каяиторный С.Г. Представление о времени и пространстве в древнетюркских памятниках // История Центральной Азии и памятники рунического письма. — СПб.: Филфак СПбГУ, 2003. — С. 236–242.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. — М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952.

Потатов Л.П. Алтайский шаманизм. — Л.: Наука, 1991.

Рахманов Н.А. Духовное стремление света. — Ташкент: Изд. им. А. Кадири, 2002.

Топоров В.Н. Космогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. — М., 1980.

Трифонов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конём древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-туго) // Тюркологический сборник 1972. – М., 1973.

Kalafat Y. Doğu Anadolu'da Eski Türk İnançlarının izleri. – Ankara: AKM, 1995.

Jurakuziyev, N.I. Worldviews of ancient Turks

Summary. The article deals with views of ancient Turks on the Universe: its vertical and horizontal layering, as well as on its three-layered quadrilateral model.

Key words: cosmogony myth, vertical and horizontal dimensions of the universe, Kök Tangri, Umay, sacred Earth-Water, Eriik, the quadrilateral universe.

ИСТОРИЯ УЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ УЧЕБНОГО КУРСА

Т.А. Аникеева, г. Москва

Резюме Ниже представлен проект программы учебного курса по истории узбекской литературы, охватывающий основные этапы развития литературной традиции в Узбекистане и также в Средней Азии в целом: от раннего этапа ее формирования до современности.

Ключевые слова: Средняя Азия, узбекская литература, аруз, Бабур, Алишер Навои, Хорезм, джадидизм.

В проекте программы представлены основные этапы развития литературной традиции в Узбекистане и Средней Азии: от раннего этапа ее формирования до современности. Известно, что еще А.Н. Самойлович предполагал создание «Хрестоматии по истории среднеазиатско-турецкой литературы и истории литературных языков», которая включала бы в себя материалы по основным вехам истории развития литературной (главным образом, поэтической) традиции в Средней Азии (например: «Юсуф Хасе-хаджиб <“Кутадгу-билик”>». 1 л. ... Ахмад Ясеви. Хаким-ата. Рабгузи. 5 л. ... Атаи. Лутфи. Навои. Хусейн Байкара... XIX в. Кокандские поэты. 1 л. Хивинские поэты. 1 л. Туркменские поэты. 1 л. Восточнотуркестанские поэты. 1. Западнотуркестанские поэты); наброски ее плана, хранящиеся в Архиве А.Н. Самойловича, опубликованы в сборнике его трудов «Тюркское языкознание. Филология. Руника» (М., 2005, – С. 788).

Содержание учебной дисциплины

I. Жанры узбекского фольклора, мифология, эпос

Мифологическая картина мира. Устность и книжность. Отношения между книжной и устной традициями. Литература и фольклор. Пути перехода текста из устной традиции в книжную — постоянное взаимодействие между фольклорным текстом и литературной традицией. «Алпамыш». Формирование эпоса об Алпамыше; проблема происхождения сказаний данного эпического цикла. Традиционная тюркская картина мира в узбекском эпосе. Варианты сказания об Алпамыше у других тюркских народов. «Алпамыш» и «Манас». Прочие эпические тексты: «Гороглы», «Кунгугмиш», дастаны и их типология.

II. Литература VIII–X вв.

1). Понятия «узбекский язык», «узбекская литература». Состав и развитие. Древнетюркские памятники.

Узбекский язык. Место в системе тюркских языков.

Место узбекской литературы в системе литератур Востока. Взаимодействие с литературными и фольклорными традициями Центральной Азии. Дотюркские литературные традиции Центральной Азии (согдийская, бактрийская, хорезмийская).

Древнетюркские памятники. Руника. Тюркский каганат и его распад. Западнотюркский и Восточнотюркский каганаты. Орхонские и енисейские тексты. Литературный канон орхонских текстов. Проблема жанровой характеристики и поэтической природы древнетюркских памятников.

2). Формирование литературной традиции. Первые памятники,

Уйгурская литературная традиция. Уйгурское письмо. Уйгурский каганат (сер. VIII — сер. IX в.) и его падение. Буддизм и манихейство в Уйгурском каганате. Древнеуйгурские тексты буддийского содержания (предположительно VIII—XIII вв.), манихейские тексты (не позднее X в.): «Хуастуанифт», «Гимн к Мани». Буддийские сочинения, традиция перевода: сутра «Золотой блеск» (X в.). Начало выработки литературного канона.

III. Узбекская литература X-XIV вв.

1) Правление династии Караханидов. Начало истории классической тюркоязычной поэзии. Развитие дидактической литературы. Махмуд Кашгарский.

Эпоха правления династии Караханидов (кон. X—XIII вв.). Принятие тюрками ислама (сер. X в.). Тюркизация Центральной Азии и Трансоксании в этнолингвистическом аспекте.

Проникновение арабо-персидской системы стихосложения в тюркоязычную поэзию: взаимодействие силлабической строфической поэзии с квантитативной системой аруза. Специфика реализации аруза в тюркоязычной поэзии. Традиционные поэтические формы (*газель, касыда, маснави, мухаммас, мурабба, мусаддас, мусамман, мустазад, тарджибанд, таркиббанд, кыта, рубай, туюл*).

Тюркоязычные памятники дидактической литературы: 1069–1070 гг., Кашгар — «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») Юсуфа Баласагунского, «Хибат ал-хаканик» («Подарок истин») Ахмеда Югнеки (кон. XII в./первой пол. XIII в.).

«Кутадгу билиг» — самый древний уйгурский датированный памятник мусульманского содержания. Композиция, язык, особенности стиховой структуры «Кутадгу билиг». «Кутадгу билиг» как исторический источник. Публикации и критические издания «Кутадгу билик».

Кашгар и Яркенд как центры литературной традиции Туркестана.

Махмуд Кашгарский и его «Словарь тюркских наречий» («Диван-и лугат ат-турк», между 1072 и 1083 гг. в Багдаде, на арабском языке) — первый в тюркской лексикографии словарь. Основные издания и история изучения памятника. «Диван-и лугат ат-турк» как лингвистический и историко-этнографический источник. «Диван» Махмуда Кашгари и «Шах-наме».

Образцы тюркской словесности в «Диване». Поэтические фрагменты в тексте памятника.

Памятники тюркской суфийской литературы. Ахмад Ясави (ум. 1166 г.). «Диван-и хикмат»: проблема авторства. Язык «хикматов», приписываемых Ясави.

2) Монгольское нашествие. Литература Золотой Орды (Джучиева улуса).

Монгольское нашествие XIII в. и его роль в культурной жизни Центральной Азии. Образование улусов. Возвышение новых литературных центров – Самарканда и Герата в XIV в.

Становление тюрки Поволжья и культурные центры Золотой Орды (Сарай, Сыгнак, Ургенч). Проблема сложения единого литературного языка Джучиева улуса (XIII–XV вв.). Сейф Сарай.

Памятник нач. XIV в.: «Повесть Рабгузи» («Кысса-и Рабгузи», 1311 г.), позднее озаглавленная «Рассказы о пророках» («Кысас-ул-анбийа»). Влияние арабо-персидской мусульманской агиографии («История» ат-Табари) на сочинение Рабгузи. Языковые особенности «Повести Рабгузи».

«Мухаббат-наме» Хорезми (1353 г.). М.Ф. Кёпрюлюзаде и А.Н. Самойлович о языке «Мухаббат-наме». Жанр *наме* в узбекской литературе. XIV в. Ходжанди: «Летафет-наме» («Послания изящества»), а в XV в.: поэт Юсуф Амири и его «Дах-наме» («Десять посланий») и «Таашшук-наме» («Послания влюбленных») Саида Ахмада.

Жанр поэмы-спора (*муназара*): поэма Юсуфа Амири «Банг-у бада» («Банг и вино»).

Повесть о Юсуфе и Зулейхе, повесть о Хосрове и Ширин в тюркской и персидской литературных традициях. Низами «Хосров и Ширин» и «Хосров и Ширин» Кутба (1340 г.). Дурбек (нач. XV в.: «Юсуф и Зулейха»).

IV. Узбекская литература XV–XVI вв.

1). Литература тимуридского Мавераннахра и Хорасана. Предшественники Навои. Захир ад-Дин Бабур. Мухаммад Салих и его «Шейбани-наме».

Тимур и Тимуриды. Разнообразие литературных жанров: *наме*, *тезкире*, *муназара* и др.

Завершение процесса становления литературного чагатайского («староузбекского») языка. Сохранение взаимодействия с литературой на персидском языке. Двуязычие в поэзии: Маулана Тархани, Бадриддин Хилали Джагатаи.

Предшественники Навои. Саккаки (вторая пол. XV в.), Гадаи, Лютфи (первая пол. XV в., 1366? – 1465?). Поэма Лютфи «Гуль и Навруз» (1411): влияние сказочного эпоса. Атан (Балх, XV в.).

Захир ад-Дин Мухаммад Бабур (1483–1530). Политическая карьера Бабура и его литературная деятельность. Тема изгнанничества как одна из центральных тем лирики Бабура. «Бабур-наме» как источник по истории, этнографии, литературе, языку народов Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии. «Бабур-наме» как лингвистический источник. Основные издания «Бабур-наме». Переводы «Бабур-наме» на персидский язык в могольской Индии. Значение поэтики Бабура: «Аруз рисоласи» («Трактат об арузе», 1523–1525) как источник по истории изучения теории аруза.

Мухаммад Салих (1455–1535). Торжество Шейбани-хана (1451–1510) над Тимуридами. Появление «Книги побед хана» Бинои, «Книги гостей Бухары» Рузбехана и «Шейбани-наме» Мухаммада Салиха. «Шейбани-наме» как исторический источник: описание событий 1485–1506 гг. Публикации и критическая работа над текстом «Шейбани-наме»: Г. Вамбери (впервые в 1885 г.), П. Мелиоранский, А. Самойлович. «Шейбани-наме» и начало развития придворной сти-

хотворной хронике. «Шейбани-наме» как памятник чагатайского языка Мавэрарнахра.

Тезкире и лексикографические словари как источники по истории развития чагатайского языка и литературы. «Абушка» XVI в. (чагатайско-османский словарь неизвестного автора).

2) Алишер Навои (1441–1501).

Творческий путь и основные произведения Алишера Навои.

«Хамса» (1483–1485): 1. «Смятение праведных» (1483) — поэма философско-дидактического характера; 2. «Лейли и Меджнун»; 3. «Фархад и Ширин», Хосров Парвиз. Перетолкование образа Фархада. 4. «Сабъан сайёр» («Семь планет»); 5. «Саад Искандарий» («Вал Искандера»). Образ Александра в тюркской традиции и образ Александра у Навои.

«Хамса» («Пятирица») в тюркской и персидской литературной традиции: «Хамса» Низами Гянджеви (XII в.); «Хамса» Абдурахмана Джами, Амира Хосрова Дехлеви (XIII в.); «Махзан-ул-асерар» («Сокровищница тайн») Хайдара Хорезми (кон. XIV в.).

Произведения Навои по истории и философии. Диваны Навои. Биографические трактаты. *Тезкире* «Беседа утонченных» (1491). Туяги Навои. Трактат о поэтическом искусстве и метрике «Мизан ал-авзан» («Весы размеров»).

Трактат «Мухакамат ал-лугатайн» («Спор двух языков», 1499) и воззрения Навои на место и роль тюркского языка в литературе. Навои и его роль в формировании чагатайского языка.

Влияние Алишера Навои на тюркские литературы Центральной Азии и Кавказа.

V. Узбекская литература XVII–XIX вв.

1). Суфийская поэзия Бабарахима Машраба, Суфи Аллахъяра. «Сейфульмулюк» Маджлиси. «Бахрам и Гуландам» Сайкали

Развитие «индийского стиля» в узбекской литературе. Суфийская поэзия Бабарахима Машраба (1657–1711) и его «Диван»; «Мабда-и нур» («Источник света») как толкование поэзии Джалал ад-Дина Руми. Трагическая судьба Машраба и ее отражение в узбекском фольклоре: анонимная повесть «Девона Машраб» («Безумный Машраб»). Суфи Аллахъяр (1644–1723) и его поэма «Сабогул-ожизин» («Стойкость немощных»).

Памятники конца XV и первой половины XVI в.: поэма Маджлиси «Сейфульмулюк», сборники рассказов Пашша-ходжи «Гюльзар» («Цветник») и «Мифтах ал-адл» («Ключ справедливости»). Обогащение узбекской литературы волшебнo-приключенческой тематикой: сюжет поэмы «Сейфульмулюк» и сказочный цикл «Тысяча и одна ночь», влияние Лютфи «Гюль и Навруз». Преемственность литературных традиций эпического жанра, продолженных в XV в. в творчестве Лютфи и Навои.

Взаимодействие таджикской и узбекской литературы в XVI в. Дастан Сайкали «Бахрам и Гуландам» (1793–1796). Вопрос о первоисточнике дастана. Другие произведения Сайкали: «Кисса-йи Ибрахим бин Мухаммад», «Ахтамнаме», «Хамрох ва Хурлико».

Социальная критика в *мухаммасах* и *кыта* Турды (Фараги).

2). Литература Хорезма, Бухары, Кокандского и Хивинского ханств.

«Шеджере-и турк» («Родословное древо тюрков»), «Шеджере-и таракима» («Родословная туркмен», 1661) Абулгази-хана: переработка эпических сказаний-огузنامه в русле традиционной историографии. Язык сочинений Абулгази.

Центры литературной традиции начала XVIII в.: Хорезм (Равнак, Нишати, Андалиб), Коканд — Ферганская долина (Хуввайдо, Акмил, Гульхани), Бухара и Самарканд (Сайкали, Шавки, Хирами). Макаронический поэтический жанр *шир-у-шакар* (сочетание персидских и тюркских элементов в одном стихотворении).

Поэзия Равнака Пахлавонкули (XVIII в.), его современника Нишати Хорезми (дастан «Хусню Диль», 1777 г.).

Поэзия Надиры (1791-1842); Джаханаттин Увайси (нач. XIX в.): «Шахзаде Хасан», «Шахзаде Хусейн». Жанр *мушаира* (поэтического состязания) в поэзии Надиры, Махзуны (XIX в.).

Поэзия Муниса Хорезми, Агахи. Переводы с персидского Агахи и Мунисом классических произведений исторической литературы («Раузат ас-сафа» — «Сад чистоты» Мирхонда). Историческое сочинение Муниса «Фирдаус ал-икбал» («Сад счастья»).

Мухаммед Шариф Гульхани (70-е гг. XIX в.) и его «Зарб-уль-масал» (сборник поговорок, также известный как «Рассказы о Сове»): фольклор (волшебная сказка) и персидская литературная традиция («Беседа птиц» Фарид ад-Дина Ат-тара) как источники социальной сатиры Гульхани.

Чагатайско-османский словарь шейха Сулеймана Бухарского: продолжение традиций тюркской лексикографии.

VI. Узбекская литература XX в.

1). Литература начала XX в. Движение джадидизма.

Появление движения джадидизма. Среднеазиатский джадидизм. Влияние поволжского джадидизма.

Задвиги джадидов. Деятельность Махмудходжи Бехбуди, Хамзы, Мунаввар Кари, Абдуллы Авлони, Фитрата, Чолпана. Культурно-просветительская деятельность ташкентского общества «Чингатай гурунги» («Чингатайские беседы»).

Просветительство и борьба с безграмотностью. Концепция национального пробуждения; роль школ, прессы, литературы и искусства. Газеты и журналы «Тараккий» («Прогресс»), «Хуршид» («Светоч»), «Вакт» («Время»), «Ойна» («Зеркало»), «Самарканд», «Шўро» («Совет»), «Шухрат» («Слава»), «Турон», «Садои Фаргона» («Голос Ферганы»), «Садои Туркистон» («Голос Туркестана»).

Раннее творчество Хамзы как образец джадидской литературы: антология «Миллий ашулазар учун миллий шеърлар» («Национальные стихи для национальных песен») и вошедшие в ее состав сборники «Ок гул» («Белая роза»), «Қизил гул» («Алая роза»), «Пушти гул» («Розовая роза»), «Сарик гул» («Желтая роза»).

Обращение джадидов-литераторов к фольклору и классической поэзии. Развитие новых видов словесности: очерк, рассказ.

Роль джадидов в развитии драматургии в 10-е гг. XX в.: пьесы «Падаркуш» («Отцеубийца») М. Бехбуди; «Захарли хаёт» («Отравленная жизнь»), «Илм хидоят» («Наставник науки») Хамзы; «Бахтсиз куёв» («Несчастный жених») А. Кадыри; «Қози ила мулла» («Судья и мулла»), и др. Творчество Фитрата: драмы

«Чин севиш» («Истинная любовь»), «Хинд ихтилолчилари» («Индийские бунтари»), «Абулфайзхон», «Шайтоннинг Тангрига исёни» («Бунт сатаны против Бога»), «Арслон» («Лев»). Дидактический характер и достоверное изображение действительности в драматических произведениях джадидов.

Творчество писателей, не примыкавших к джадидам (Завки, Аваз Отар, Юсуф Сарёми). Критика движения джадидизма у Завки: сатира и статья в журнале «Ислах» против Муками и Фурката.

2). Литература 1920–1930-х гг.

Судьбы джадидов-литераторов в 30-е гг. Репрессии и гонения.

Кардинальные изменения в жанровой структуре литературы. Обогащение поэзии новыми мотивами и образами. «Икки васика» («Два документа»), «Тўй» («Свадьба»), Гафура Гуляма, баллада «Гулсал» Уйгуна как сочетание традиционного и элементов новой поэтики. Появление реалистических дастанов, их новая жанровая интерпретация на почве национальной традиции.

Художественный очерк как жанр узбекской литературы и его основные черты (детальное изображение событий, развитие современной тематики: разоблачение пережитков прошлого и пропаганда нового, победа нового над старым). «Фирвонли Маллабой ака» («Маллабай из Гирвана») А. Кадыри; «Зарбдорнинг тугилиши» («Рождение ударника»), «Оқ Журанинг болалари» («Дети Белого Джуря»), «Семург канотида» («На крыльях птицы Семург») Г. Гуляма.

Социальная, политическая пропаганда. Утверждение «молодой прозы» и ее основного жанра — рассказа. Использование фольклорных мотивов, живой народной речи в рассказе. Сатирические рассказы А. Кадыри, «Кулги хикоялар» («Смешные рассказы») Г. Гуляма, «Хикоялар» («Рассказы») А. Каххара и др.

Интенсивное расширение тематики узбекской реалистической повести: «Обид кетмон» («Абид-кетмень») А. Кадыри; «Ёдгор» Г. Гуляма; «Кишлоқ хукм остида» («Приговор над кишлаком») А. Каххара, «Бухоро жаллодлари» («Бухарские палачи»), «Одина» С. Айни.

Историческая тематика в узбекской романистике. Реалии советской действительности как объект изображения узбекской романистики. («Мираж» А. Каххара).

Драматургия: пьесы К. Яшена («Гулсара», «Лолахон»), либретто опер («Бўрон», «Улуг канал»).

3). Литература 1940-х–1950-х гг. Великая Отечественная война в произведениях узбекской литературы.

Война и тыл, оборона как основные темы поэзии тех лет. Сборники «Шарқдан бораётирман» («Иду с Востока») Г. Гуляма; «Ишонч» («Вера») Х. Алимджана; «Жанг ва кўшик» («Битва и песня») Шейхзаде. Поэты-фронтовики: Хасан Саид, Султан Джурра.

Военная публицистика, очерки. Х. Алимджан – «Мен ўзбек халқи номидан сўзлайман» («Я говорю от имени узбекского народа»), «Дўстлигимиз хақида» («О нашей дружбе»); С. Айни – «Ярадор йиртқичнинг жон талвасаси» («Агония раненого зверя»).

Поэзия: тема дружбы народов. Гафур Гулям: «Қозоқ элининг улуг тўйи» («Великий праздник казахского народа»), «Ғолиблар шарафига» («Во славу победителей»). Создание сборников-альманахов (*Туркум шеърлар*) как новое явление.

ние в поэзии послевоенного десятилетия. Поэтические сборники Миртемира «Қорақалпоқ дафтари» («Каракалпакская тетрадь»), Мирмухсина «Меҳмонлар» («Гости»), М. Бабаева «Эрон осмони остида» («Под небом Ирана»). Расширение тематики дастанов.

Изображение современных реалий, развитие публицистики, жанра очерка. Производственная тематика в очерках А. Мухтара, А. Каххара (очерки «Сўз Ганишерга» («Слово Ганишеру»), «Мирзачўлда куз» («Осень в Мирзачуле»), И. Шамшарова.

4). Литература 1960–1980-х гг.

Реабилитация в 1956 г. Фитрата, Абдуллы Кадыри, Чулпана, Усмана Насыра и других литераторов.

Обращение к традициям классической поэзии (жанры газели, туюга, рубай): творчество поэтов Сабира Абдуллы, Уйгуна, Хабиби, Хамида Гуляма, Васита Саъдуллы, Джамала Камала. Жанр лиро-эпических поэм-дастанов: «Гули ва Навои» («Гули и Навои») Айбека, «Ширак» Мирмухсина, «Фуркат» Гайрати, «Самарқанднома» («Поэма о Самарканде») Д. Файзи, «Гирдоб» («Пучина») С. Акбари.

Сатира: стихи, фельетоны и басни Уйгуна, А. Арипова, А. Мухтара, Мирмухсина, С. Абдукаххара и др.

Новая проблематика в узбекской литературе: экологическая (спасение природы, охрана Арала, разумное использование природных ресурсов), придания узбекскому языку статуса государственного, обретения Узбекистаном политической и экономической независимости и др.

Роман как ведущий прозаический жанр. Расширение тематики («деревенская» тема и актуализация обращения к фольклору, тема науки и ученого: «Диёнат» («Совесть») А. Якубова) усложнение сюжетики, углубление психологической характеристики образов. Трансформация жанровой структуры: первые в узбекской литературе полииерархические романы: дилогия «Бўрондан кучли» («Сильнее бури») Шарафа Рашидова, «Машъал» («Светоч») Хамида Гуляма, трилогия «Уфк» («Горизонт») Санда Ахмада, роман в легендах, рассказах и повестях «Чинор» («Чинара») Аскада Мухтара.

Развитие комедийного жанра. «Влюбленный Ташболта» Х. Гуляма; «Эшик коқкан ким бўлди?» («Кто стучался в дверь?») Ш. Башбекова.

5). Современный период развития узбекской литературы

Независимость страны как новая тема в поэзии. Освоение описания национального характера. Абдулла Арипов, Эркин Вахидов, Азим Суён и др. Женская поэзия – Халима Худайбердыева, Гульчехра Нуруллаева, Хосият Бабамурдова, Фарида Афруз.

Развитие языка. Изменения в системе жанра, языка и стиля: освобождение языка поэзии от архаизмов и иностранных терминов, приближение лексики к живой народной речи.

Историческая тематика в прозаических произведениях. Хайридин Султан и его «Бабурийнома». Новая интерпретация образов исторических личностей (Амир Тимур, Бабур, Ибн Сина) в романах: подчеркивание индивидуальности образа, национальной, личностной неповторимости.

Проблемы исторического прошлого (прежде всего советского времени, периода перестройки, гласности и независимости) в малых прозаических жанрах:

«Бухоро элчиси» («Посланник Бухары») Дж. Фазыла, «Она тупрок» («Мать-земля») Б. Даминова, «Мурдалар гапирмайдилар» («Мертвые не говорят») Т. Малика, «Шуродан колган одамлар» («Люди советского прошлого») Ш. Бутаева.

Современная русскоязычная литература: Сухбат Афлатуни (Е. Дж. Абдуллаев), Хамид Исмаилов, Вадим Муратханов. «Ташкентская» и «Ферганская» поэтические школы (1990-е гг.). Ташкент в произведениях современных русскоязычных писателей из Узбекистана.

Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Бартольд В.В.* Сочинения. В 9-ти т. Т. 1. – М., 1963.

Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов //

Бартольд В.В. Сочинения. В 9-ти т. Т. 5. – М., 1968; 2-е изд. М., 2002.

Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. Т. 3. – М., 1965.

Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. Т. 1. – М., 1960.

Бертельс Е. Э. Навои и Джами // *Бертельс Е. Э.* Избранные труды. Т. 4. – М., 1965.

Благова Г.Ф. «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль: (К истории чагатайского литературного языка) – М., 1994.

Боровков А.К. Очерки по истории узбекского языка. I. Определение языка хикматов Ахмеда Ясеви // СВ. Т. V. – М.; Л., 1948.

Боровков А.К. Лексика среднеазиатского текста XII–XIII вв. – М., 1963.

Боролта И.В. Поэма «Кутадгу Билик» // *Юсуф Хас Хаджиб.* Наука быть счастливым. Ташкент, 1963. – С. 101–115.

Боролта И.В. Абдулла Каххар: (Очерк творчества). – Ташкент, 1957.

Брагинский И.С. К изучению узбекско-таджикских литературных связей // Взаимосвязи литератур Востока и Запада. – М., 1961. – С. 7–56.

Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л., 1974.

Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т. Узбекский народный героический эпос. – М., 1947.

Клишторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб., 2003.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: (Тексты и исследования). – М., 1997.

Кор-оглы Х. Узбекская литература. – М., 1976.

Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. – М., 1983.

Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. – М., 2000.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1976, 2-е изд. – М., 1995; 3-е изд. – М., 2000.

Мирзаев С. Узбекская литература XX в. – М., 2010.

Наджит Э.Н. О языке памятника начала XIII в. «Кысса-и Юсуф» // Советская тюркология. 1976, № 2.

Наджит Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI–XIV вв. – М., 1989.

Неклюдов С.Ю. Традиции устной и книжной культуры // Слово устное и слово книжное. – М., 2009.

Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М., 2005.

Самойлович А.Н. Литературный язык Джучиева улуса, или Золотой Орды // *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М., 2005.

Самойлович А.Н. Материалы по среднеазиатско-турецкой литературе: публикации // *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М., 2005.

Самойлович А.Н. Творчество императора Бабура // *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М., 2005.

Стеблева И.В. О проникновении арабо-персидских метров в тюркоязычную поэзию // Проблемы теории литературы и эстетики в странах Востока. – М., 1964. – С. 285–303.

Стеблева И.В. Развитие тюркских поэтических форм в XI в. – М., 1971.

Стеблева И.В. Семантика газелей Бабура. – М., 1982.

Стеблева И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков. – М., 2007.

Стеблева И.В. Ритм и смысл в классической тюркоязычной поэзии. – М., 1993.

Хисамов Н.Ш. Сюжет Йусуфа и Зулейхи в средневековой тюрко-татарской поэзии XIII–XV вв.: (Проблема версий). – Казань, 2001.

Dale S.F. The Poetry and Autobiography of the Babur-nama // The Journal of Asian Studies. Vol.55, no. 3 (Aug. 1996).

Eckmann J. Chagatay Manual. – Bloomington, 1960. (Uralic and Altaic Series, vol. 60)

Eickelman D.N. Middle East and Central Asia. An Anthropological Approach. – N. Y., 1997.

Hartmann M. Çaghataisches: Die Grammatik Uss-i lisān-i turkī des Mehemed Şadik. – Heidelberg, 1902. (Materialen zu einer Geschichte der Sprachen und Litteraturen der vorderen Orients. [Heft] 2.)

Köprülü M.F. Early Mystics in Turkish Literature. Transl. G. Leiser, R. Dankoff. – L.-N. Y., 2006.

Lapidus I.M. A History of Islamic Societies. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Источники

Абушка. Словарь джагатайско-турецкий / Изд. В.В. Вельяминов-Зернов. – СПб., 1868.

Айбек. Сочинения в 5-ти т. – Ташкент, 1962–1964.

Алимджан Х. Избранное. – Ташкент, 1951.

Алпамыш. Узбекский народный эпос. – М., 1958.

Бабур-наме. Записки Бабура / Пер. М. Салье. – Ташкент, 1958.

Бабур Захир-ад-дин Мухаммад. Трактат об 'арузе. Факсимиле рукописи / Изд. текста, вступ. ст. и указатели И.В. Стеблевой. – М., 1972.

Гулям Гафур. Избранное. – М., 1958.

Дастаны: Мурадхан, Рустам-хан. – Ташкент, 1965.

Касхар А. Больные зубы // Узбекская советская драматургия. – М., 1958

Касхар А. Огни Кошчинара. Роман. – М., 1956.

Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абул-Гази, хана хивинского. – М.; Л., 1958.

Лыкошин Н.С. Дивана-и-Машраб. Жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае. – Самарканд, 1915.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951.

Махмуд аз-Кашгари. Диван лугат ат-Тюрк / Пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой. – Алматы, 2005.

Навои Миралшиер. Диван. – М., 1964.

Огуз-наме, Мухаббат-наме / Изд. подгот. А.М. Щербак. – М., 1959.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. I–X. – СПб., 1866–1907.

Родословное древо тюрков. Сочинение Абул-Гази, хивинского хана / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова с послесл. и примеч. Н.Ф. Катанова. – Казань, 1906 (1914).

Рустамхан: (Узбекский героико-романтический эпос) / АН СССР, ИМЛИ. Сост. тома, авт. исслед. и коммент. Н.В. Кидайш-Покровская. Узбекский текст записал и подготовил к печати Х.Т. Зарифов. – М., 1972. (сер.: Эпос народов СССР).

Хамза Хакимзаде Ниязи. Пьесы. – М., 1951.

Хорезми. Мухаббат-наме / Изд. Э.Н. Наджиба. – М., 1961.

Хусн ва Дил. Дастан. Подгот. к изд. И. Р. Раджабов. – Ташкент, 1967.

Мухаммед Салих. Шейбани-наме. Джагатайский текст / Посмертное изд. П.М. Мелиоранского. Под набл. и с предисл. А.Н. Самойловича. – СПб., 1908.

Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Изд. подг. С.И. Иванов. – М., 1983.

Яшен К. Честь и любовь // Узбекская советская драматургия. – М., 1958.

Авлоний Абдулла. Танланган асарлар. 1 жилд. Шеърлар, ибратлар. – Ташкент, 1998.

Асрлар нидоси. Мумтоз ўзбек адабиётидан намуналар. – Ташкент, 1982.

Бехбудий Махмудхужа. Танланган асарлар. Ташкент, – 1999.

Гадий. Газаллар // Ўзбек адабиёти. 5 том. Ташкент, – 1966.

Завкий. Танланган асарлар. – Ташкент, 1960.

Кошварий Махмуд. Туркий сўзлар девони (Девону луготит турк). I–III / Изд. С.Муталибова. – Ташкент, 1960–1963.

Лутфий. Гул ва Навруз. Достон. – Ташкент, 1960.

Машраб Боборахим. Мабдайи-нур. – Ташкент, 1994.

Муқимий. Икки томлик асарлар тўплами. Т.1-2. – Ташкент, 1960.

Навоий Алишер. Лайли ва Мажнун. – Ташкент, 1992.

Навоий Алишер. Садди Искандарий. – Ташкент, 1991.

Навоий Алишер. Фарход ва Ширин. – Ташкент, 1989

Навоий Алишер. Хайратул-Аброр. – Ташкент, 1989.

Навоий Алишер. Саъян сайёр. – Ташкент, 1991.

Нодира. Газаллар // Ўзбек адабиёти. 5 том. – Ташкент, 1966.

Огахий Мухаммад Ризо Мироб Эрмиёзбек угли. Асарлар. II–III жилд. – Ташкент, 1974.

Сайфи Сароийи. Газаллар. Китъалар // Ўзбек адабиёти. 5 том. – Ташкент, 1966.

Суфи Оллоёр. Саботул-ожизин. – Ташкент, 2009.

Ҳафиз. Навбахор // Узбекская советская драматургия. – М., 1958.

Фурқат. Танланган асарлар. – Ташкент, 1975.

Dankoff R., Kelli J. Compendium of the Turkic Dialects. I-III. Ed. by Şinasi Tekin, Gonul Alpay Tekin. – Harvard, 1982–1985. Sources of Oriental Languages and Literature. (Turkish Sources VII).

Hibbet ul-ḥaqā'iq. I-II / Yay. N. Asim. – İstanbul, 1918.

Kaşgarlı Mahmud. Divan-ü Lûgat-it-türk tercümesi. I-III / Çev. B. Atalay. – Ankara, 1939–1941.

Orkun H.M. Eski Türk yazıtları. – Ankara, 1987.

Tekin T. XI Yüzyıl Türk şiiri (Divanu Lugati't-turkteki manzum parçalar). – Ankara, 1989.

Yusuf Has Hâcib. Kutadgu Bilig. Çev. Reşid Rahmeti Arat. – Ankara, 1959.

Zajaczkowski A. Najstarsza wersja turecka Husrāv u Şîrîn Qutba. Cz. I-II — Faksimile. – Warszawa, 1958; cz. III — Słownik. – Warszawa, 1963.

Справочные издания

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxf., 1972.

Encyclopaedia of Islam. – Leiden: Brill, 1960.

Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I-II. – СПб., 1869–1871.

Древнетюркский словарь. – Л., 1969.

Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. – М., 2006.

Радолю В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1-4. – М., 1963 (перепеч. с изд.: СПб., 1893–1911).

Anikееva, T.A. History of the Uzbek literature: project of a syllabus

Summary The article represents an outline of a tutorial program on the history of the Uzbek literature which embraces the main stages of the development of the literary tradition in Uzbekistan and Central Asia as a whole, from the early stages of its formation till the contemporary time.

Key words Central Asia, ancient Turks, aruz, Babur, Nawā'i, Choresm, djadidism.

НААДАМ И ПОХОЖИЕ ПРАЗДНЕСТВА У АЛТАЙСКИХ НАРОДОВ
В ЭПОСЕ И В ТРАДИЦИИ

В.М. Яковлев, г. Москва

Резюме. Хранимая народными сказителями память об игрищах и аналогичных торжествах свидетельствует о древности и значимости подобного рода событий, включающих состязания борцов, стрелков из лука, наездников. В стрельбе из лука участники должны поразить мишень, например, золотой диск — жамбы в киргизском эпосе «Манас», символ небесного светила Солнце. То же мы видим в легенде об Эрхий-Мергене — метком стрелке по имени Большой Палец, сбившем шесть солнц из семи пылавших одновременно. Согласно другим легендам, мишенями служили семь звезд созвездия «Мичит» («Плеяды»). В числе лучников в «Манасе» были и гадалы, что говорит о связи стрельбы из лука с практикой гадания (ср. похожие мотивы в китайской «Книге Перемен» и древнетюркской гадательной «Ырк Битиг»).

Ключевые слова: игры *Naadam*, празднества у алтайских народов, стрельба из лука, предсказания, гадательные тексты.

Игрища *naadama* сохраняются в памяти сказителей эпоса, и это свидетельствует о древности этих состязаний и их значимости.

В бурятской Гэсэриаде встречается повествование об игрищах, затеянных небожителями (*teyriin nair zugaa*) [Бурчина 1990: 120-121]. В качестве соперничающих сторон здесь выступают Западные небожители и Восточные. Понятно, что в эпосе западных бурят Западные *тэнгриш* побеждают.

В повествовании последовательность состязаний и выступлений такая же, как и в этих играх нынешнего времени. В первый день соревнуются борцы, выходят бороться наиболее сильные. Затем показывают свое мастерство лучники. На третий день устраиваются конные скачки. В последующие дни поются песни *алфигеры* (*alfighers*), рассказываются сказки и предания. И в заключение поют и танцуют парни и девушки.

Борьба, стрельба из лука, скачки — главные события празднества. Первые два соревнования тесно связаны друг с другом. Вероятно, в давние времена луки служили оружием на поединках, решая победу в противостоянии военных сил.

В эпическом сказании Западных бурят «Абай Гэсэр Богдохан», записанном в 30-е или 40-е годы минувшего столетия, есть эпизод такого поединка между главным героем эпоса и сказочным чудовищем с семьюдесятью семью головами и семью рогами, которого звали Доньюол Шара мангадхай. Доньюол (или Даньял) Шара мангадхай означает «совершенно желтый драконоподобный». В упомянутом эпизоде это чудовище спрашивает высокомерно Гэсэра: «[Померяемся] силой плеча или силой большого пальца?» (“Эрхэйи хүшэн гүү, ээмэй хүшэн гүү”) [Бурчина 1990: 137]. Очевидно, имелся в виду выбор формы поединка — борьба или стрельба из лука.

Сила большого пальца, которой славились различные эпические герои, упоминается в алтайском эпосе «Маадай-кара». Когюдей-Мерген, главный здесь персонаж, убивает семерых волков одной стрелой:

“Кабыргазын тартып келди,
Ээй-маай тудуп келди,
Сылгай огын бу божотты.
Ок бажынаг от чөйилди,
Эргек төстөгү сыр жайылды,
Аткан окко жер силкинди,
Алтай үсти селес этти” [Маадай-кара 1973: 114].

«Свой лук, сделанный из ребра, натянул,
[Лук] согнув, [тетиву] натянув,
Стрелу из камышинки пустил.
На кончике стрелы огонь появился,
С большого пальца искры брызнули,
Поверхность Алтая вздрогнула» [Маадай-кара 1973: 300].

Существует в алтайской мифологии еще одна легенда о метком стрелке из лука по имени Эрхий-Мерген (Лучник Большой Палец). Он сбил шесть солнц из семи, которые были чересчур жаркими. Гордясь своим мастерством, но промахнувшись при последнем выстреле, он, по клятве своей, отсек себе большой палец и, превратившись в сурка, зарылся в землю [Мифы народов мира 1992: 669]. По некоторым другим версиям мишенями были семь звезд созвездия «Мичит» («Плеяды», или «Стожары») [Мифы народов мира 1992: 160-161]. Эта легенда соответствует древнему китайскому преданию о Хоу И, божественном стрелке из лука, поразившем девять из десяти дневных светил. Этот подвиг упоминается даже в гадательном тексте «Перемены Гуйцзан», сохранившемся на бамбуковых дощечках и найденном археологами в марте 1993 года. В тексте говорится: «В древние времена стрелок из лука И гадал, собьет ли он десять солнц. Ему удалось сбить [их девять из десяти] (?)»¹.

Не случайно в киргизском эпосе «Манас» (в одной из версий) рождение и подвиги главного героя были предсказаны некой старинной «Книгой судеб», которая хранилась в Бэйжине в великой тайне². Бэйжин здесь — название столицы Китая, и даже страны в целом. Нет сомнения, что подразумевается «Книга Перемен», не оставшаяся неизвестной алтайскому миру. Информация о пророчестве или, скорей, гадании содержится в сочинении Мелиса Убукеева, хорошо известного киргизского кинорежиссера. Древняя китайская «Книга Перемен» («И цзин») именуется сказителем «Книгой судеб» под арабским или персидским влиянием. Существует «Книга судеб» (Felekler kitabi) суфия Сейида Мухаммеда Нур'ула, жившего в 1813–1887 гг.

¹ Bamboo slip 470 of Wangjantai “Guizang”.

² Вероятно, эта книга упоминается в версии Саякбая Каралаева. См.: Манас (1984), р. 460; Убукеев М. А. Манас. Эпическая культура кыргызов // <http://mursaliev.narod.ru/vseh/manas.htm>; его же: Тайны эпоса «Манас» // Литературный Кыргызстан, 1992, № 11–12.

Победоносные деяния Манаса, согласно тексту эпоса, предсказывались также прорицателями калмыкской ханши Оронгу³. Предсказание было дано гадателем по бараньей лопатке.

Что касается игрищ, следует заметить, что в одной из бурятских версий «Абай Богдохана» в качестве мишени для стрелков из лука служит золотой диск с отверстием в середине. Очевидно, что это солярный символ. Похожую мишень, называемую в «Манасе» *жамбы* и привязанную к перекладине на шесте сорока двумя шнурами, Манас сбил одним выстрелом после того, как много других метких лучников пытались это сделать; в их числе гадатель на камушках (*толзочу*) Кара Төлөгү и гадатель по бараньей лопатке (*далы керүмү*).

Упоминание гадателей в числе состязающихся в стрельбе из лука, заставляет предположить, что этот вид искусства имеет какое-то отношение к гаданиям. В древнем Китае еще в эпоху Чуньшо существовала, вероятно, связанная с гаданиями игра под названием «метание стрел в вазу (*моу ху 投壺*)»⁴.

Стрела фигурирует в известных гадательных текстах. В Девятке второй гексаграммы «Цзе» («Развязывание») «Книги Перемен» говорится: «На охоте поймаешь три лисы. Получишь золотую стрелу. Постоянство – счастье» (Наш перевод: [И цзин 1998: 68]). Гадающему предсказывается, что он отличится и получит знак отличия. Аналогичное предсказание в четвертой девятке гексаграммы 21 «Ши хэ» («Разгрызание») [И цзин 1998: 61]. Более общий смысл формулы 得黃矢 «получить желтую (золотую) стрелу» — достижение желанной цели, попадание «в самую точку». Она означает также, что при выстраивании триграммы (гадательного символа из трех черт, целых или прерванных) выпадает середина или счастливая средняя черта. Видимо, такая же стрела присутствует в иначе непонятном оракуле «Ырк Битиг».

«[Этот оракул] стрела с золотым наконечником⁵. Золотое древко, вырезанное клинком. «Выньте ее из пробонны. Вытащите наконечник из яблочка». Такое предзнаменование считается несчастливым» [Ырк-Битиг 2005: 125]. Ср. уйгурский гадательный текст, по-своему трактующий гексаграммы «И цзина, в частности «Сяо чу» (*kičig igitmäk*): «Лук натянув, тотчас пускаешь стрелу. Выхватив меч обнаженный амыг рассекаешь стрелу» [Türkische Turfan-texte 1929: 13-14].

Стрелы употреблялись, однако, в древности как принадлежности гадания, о чем говорится в «Книге пророка Иезекииля» (21; 21): «Потому что царь вавилонский остановился на распутье, при начале двух дорог, для гадания: трясет стрелы, вопрошает серафимов⁶, рассматривает печень». Таким способом гадания пользовались жители Аккада, затем этруски и халдеи. Некоторые из этих народов, согласно «Примечаниям к Библии» Альберта Барнса, будто бы восходят через финно-угров к туранским племенам:

«Царь халдеев изображен стоящим у входа в Святую землю с севера, обдумывающим свой военный поход, прибегающим к обрядам гадания, которые в действительности были характерны для аккадцев, первобытного племени, первым занявшего долины Месопотамии. Аккадцы и этруски восходят через семью

³ Chapter II of the Epic. See: <http://www.epos-manas.ru/?page=38>

⁴ См.: [Cook 2006: 16].

⁵ В оригинале: *altun başlyy julan* 'златоглавая змея', которая, вероятно, в результате переосмысления китайского текста, построенного на игре слов 矢 *ши* и 蛇 *ше*.

⁶ Образы божества.

финно-угров (the Finnish family) к туранским народностям». Это ассоциативно ёмкое пояснение А. Барнса к фрагменту из «Книги пророка Иезекииля»⁷ и любопытное в отношении возможного предположения, что гадание на стрелах было присуще «народностям Турана», само требует комментария. «Примечания к Библии»⁸ появились в 1834 году. Следовательно их автор был знаком с идеями Г. В. Лейбница о языке и классификацией языков, принадлежащей немецкому философу, делившему «все языки мира на две основные группы: 1) арамейские (семитские); 2) яфетические. Последнюю группу он делит на две подгруппы: а) скифские (финские, тюркские, монгольские, славянские; кельтские (европейские)» [Амирова, Ольховиков, Рождественский 1975: 261].

Комментируя библейские тексты, теологи, видимо, спешат установить родство между относящимися к разным языковым семьям языками, исходя очевидно, из представления о языковом состоянии до «вавилонского столпотворения». Тем не менее они внимательно следят за успехами языкознания в описании конкретных языков. Вероятно, поэтому ими могли быть замечены в аккадском языке особенности, приобретенные им путем взаимодействия с языком шумерским, идея родства которого с тюркскими и даже финно-угорскими языками жива и поныне.

Гадание с помощью стрел было в ходу у арабов. Три стрелы помещались в какой-либо сосуд. На одной писалось: «Бог мой повелевает мне»; на другой: «Бог мой воспрещает мне; третья оставалась без надписи. Стрелы встряхивались, пока одна из них не выскакивала. Если выпадала стрела без надписи, процедура повторялась»⁹.

Даже если у тюрков или у сюнну не существовало гадания на стрелах в какой-либо его форме, сведения о гаданиях такого рода в Месопотамии доходили до туранского мира благодаря коранической литературе. В частности, у ат-Табарани (вероятно, в сборнике «Силь-Кабир»): «Пророк (Мир ему) сказал: "Тот, кто обращается к предсказателю, гадает на стрелах или возвращается из путешествия из-за дурного знака, не достигнет высокого положения (в раю)"»¹⁰.

Вот почему, повествуя о состязаниях лучников, сказители вспоминали в этой связи о разного рода гаданиях.

Оружие, которым пользовался Манас в эпизоде был не лук, но — по версии Сагымбая Орзомбакова (1867–1930) — ружье или винтовка. Очевидно, дань времени, в котором жил сказитель. Подвиг описывается с эпическим размахом в Главе VIII «Көкөтөй Аши» («Поминки по Көкөтөй»), как событие почти космического масштаба, а мишень уподобляется небесному телу:

“Коктон тошкөн жамбысы
Токтоп орун алганча
Чалкан бааттыр жеткени,
Кыргый илген торгойдой
Илип алып кеткени ...” [Манас, кн. 3: 150].

⁷ <http://barnes.biblecommenter.com/ezekiel/21.htm>.

⁸ Notes on the Bible / By Albert Barnes, [1834]. Публикация и ссылка: <http://www.sacred-texts.com/bib/cmt/barnes>.

⁹ Сослаться, очевидно, следует на издание: Notes on the Bible / By Albert Barnes (1834) или: Barnes Notes on the Old and New Testaments (Forteen volumes) by Albert Barnes, 1983.

¹⁰ <http://halyal-haram.ru/statya/Gadanie-na-strelah.html>. См. также: [King 2004: 223–224].

«Пока падающая с неба *джамбы*
 На землю не упала,
 Успел подскочить богатырь,
 Будто ястреб, что жаворонка схватил,
 Подхватил он [*джамбы*] и ускакал ...» [Там же].

Вероятно мастерство лучника оценивалось не только поражением целей (нескольких сразу в эпосе), но также дальностью полета стрелы. Свидетельство тому в самом раннем памятнике монгольской письменности — «Чингизовом камне». Согласно этой надписи: «Есүкей из Хонгадора на большом празднике, устроенном Чингисханом в урочище под названием Буха сочихай, пустил стрелу, пролетевшую 335 сажень»¹¹.

Похоже, что не только «сила пальца» лучника, но и качество его оружия принималось в расчет. Точно так же заслуга лошади победителя была большей, чем его самого.

На небесных игрищах, о которых шла речь выше, западный *тэнгри* Хан *Бургод* (Царь-орел) был объявлен победителем, и восточный небожитель *Атай Улан тэнгри* (Завистливый (?) Красный небожитель) утверждал, что оба скакуна пришли одновременно. Чтобы решить спор, лошадей пустили скакать снова, с другими всадниками.

Когда на теперешних играх скачут на лошадях дети, лошади тоже оказываются большие почести, чем победителю. Лошадь проводят по кругу почета, поют прославления и кропят кумыс. Очень похоже, как в древнепоркской гадательной книге «Ырк Битиг»: «Если вернетесь в дома свои, сами прославитесь и коней сытыми приведут стремянные» [Ырк Битиг 2005: 135]. Это высказывание можно рассматривать в историческом контексте аналогичных *надам*у празднеств.

Такой же парад скакунов изображен в «Манасе». Первой проводят кобылу упомянутой выше калмычки, как знак уважения к ее полу:

«Все кони для смотра
 Наготове стоят,
 Женщине [Оронгу] — предпочтенье,
 Сама [Оронгу] из рода кангай,
 Кобылицу [ханши] Оронгу,
 Непутевую, что так и рвется вперед,
 Вывели на смотр...» [Манас, кн. 1: 371].

Портрет героини, данный беглыми штрихами, это — портрет великанши:

“Көк ала болгон баши бар,
 Элүү менен алтымыш
 Арасанда жашы бар,
 Колунда атар жаасы бар.
 Жаасы өгүздүн белиндей.
 Жаадай болгон Кулабээ
 Чуркаты сырттын желилиндей...” [Манас, кн. 3 : 235].

¹¹ *Damdinsüren C. Überblick über die alte mongolische Literatur. (Aus dem Mongolischen übersetzt von Renate Bauwe) // http://www.mongolian-art.de/03_mongolische_literatur/17_c_damdinsuren-ueberblick_ueber_die_alte_mongolische_literatur.htm = [Дамдинсүрэн 1957: 34–35].*

«С проседью голова [у Оронгу],
 Между пятьюдесятью и шестьюдесятью
 Возраст ее,
 В руках у нее разящий лук,
 Лук толщиной с туловище быка,
 У поджарой Кулаба,
 Как ветер с сырта, бег...» [Манас, кн. 1: 475].

Вдобавок, у нее копье в девяносто *кулачей* (саженей) длиной.

Говоря о «Книге Перемен» (которую *манасчи* называют «Книгой судеб») и об «Ырк Битиг», следует отметить явное влияние первой на вторую. Для примера достаточно сравнить текст Главы LVII «Ырк Битиг» и суждение к 48-й гексаграмме «Цзин» («Колодец») в «Книге Перемен»:

«Перенесешь город, но не перенесешь колодец. Ни убудет, ни прибудет. Придешь, уйдешь – колодец колодецем. Вот-вот достанешь, но не зачерпнешь воды из колодца. Худой у тебя кувшин. Беда!» [И цзин. «Книга Перемен» 1998: 71].

В «Ырк Битиг» мы читаем:

«Родник иссяк, водосток замерз. Почему родник должен иссякнуть? Он княжеский. Почему водосток должен замерзнуть? Ведь он на солнечной стороне. Такое предсказание считается [скорей, счастливым]». Затем следует пояснение: «В начале этого оракула есть небольшие неприятности. Потом опять будет счастье» [Ырк Битиг 2005: 135].

Колодец и родник в обоих случаях символизируют традицию. В «Книге Перемен» прерывание традиции выражено словами: «Тина в колодце, нельзя пить. К старому колодцу не ходит молодежь» [И цзин. «Книга Перемен» 1998: 71]. Слова: «Почему родник должен иссякнуть» в «Ырк Битиг» носят тот же смысл.

Традиции разных игр и состязаний у киргизов – конные скачки (*алман байгө, жорго-салгыш*), борьба (*курөш*), стрельба из лука (*жамбы атмай*), устраиваемые на различных праздниках, имеют то же происхождение, что и играша *наадама* у многих народов алтайского корня.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. – М.: Наука, ГРВЛ, 1975.
- Бурчина Д. А. Гэсэриада западных бурят. Указатель произведений и их вариантов. – Новосибирск, Наука СО, 1990.
- Бюллетень Общества востоковедов. — Прил. 4: Ырк Битиг: Древнетюркская гадательная книга. – М.: ИВ РАН, 2005.
- Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын тойм. – Уланбаатар, 1957
- И цзин. «Книга Перемен» и ее канонические комментарии. – М.: Янус-К, 1998.
- Маадай-кара. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, ГРВЛ, 1973.
- Манас. Киргизский героический эпос. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984–1995.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-т. – М.: СЭ, 1992. Т. 1.

Cook C. A. From Bone to Bamboo: Number Sets and Mortuary Ritual// Journal of Oriental Studies. – 2006, vol. 41, no.1.

King D. R. G. The Paintings of the Pre-Islamic Ka'ba // Muqarnas 21 Essays In Honor Of J. m. Rogers: An Annual On The Visual Culture Of The Islamic World (Muqarnas). – 2004.

Türkische Turfan-texte. XV. / Ed. von W. Bang u. A. von Gabain. – B., 1929.

Yakovlev, Victor M. Naadam and similar festivities of Altaic peoples in their epics and traditions

Summary. The fact that *naadam* games are kept in the memory of epic-narrators provides an evidence of both their antiquity and importance. Wrestling, bow-shooting, horse-riding are the main events of these celebrations. In the bow-shooting contest, the participants are expected to hit some target, for instance a golden disk called *jambi* in the Kirghiz epic "Manas". This target probably symbolizes a celestial luminary, the Sun. Similarly, in the legend of Erkhij-Mergen (Эрхий-Мерген) (literary: thumb – bow-shooter) he hit six of seven such luminaries shining simultaneously. In some legends, the targets were seven stars in the constellation "Michit" ("Pleiades"). Among bow-shooters in "Manas" there were fortune tellers as well. That suggests a connection of bow-shooting with divination practices, possibly reflected in several classical works on divination, such as "I ching" of China and the Old Turkic divination book "Irk Bitig".

Key words: *Naadam* games, festivities of Altaic peoples, bow-shooting, divination, divination texts.

pdfelement

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ВЫРАЖАЮЩИЕ КОНЦЕПТ
«ЖЕЛАНИЕ» В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ*Д. Кулбаева, г. Ташкент*

Резюме. В данной статье представлена точка зрения автора на способы выражения концепта «желание» в современном узбекском языке.

Ключевые слова: концепт «желание», способы представления, функциональные особенности, узбекский язык

Изучение и описание языковых единиц в прагматично-когнитивном аспекте имеет в современной лингвистике значительные достижения. Исследование языковых единиц во взаимосвязанных отношениях и выявление их концептуальных особенностей привело к формированию теории «концепта». Как известно, один из ментальных концептов – «желание» регулярно проявляется в речи. Социальные, психические, культурные свойства концепта «желание», сформированные в единстве, выступают как эмоциональные выражения, оценивающее отношение говорящего к происходящему и речевому восприятию.

Существование проблемы концепта «желание» уже было предметом рассмотрения в синхронном, диахронном и сопоставительно-типологическом аспектах. В частности, в кандидатской диссертации Е.Ю. Макиевой «Функционально-семантическое поле как средство репрезентации концепта «желание» в английском языке (в синхронии и диахронии)» проблема концепта «желание» рассмотрена на широком материале в синхронном и диахронном аспектах [Макиева 2006]. В исследовательской работе С.В. Мастерских под названием «Концепт “желание” в сопоставительном плане (на материале глагольных лексем русского, английского и немецкого языков)» показаны межязыковые особенности реализации этого концепта в трех языках и выявлены её типологические сходжения [Мастерских 2004]. В некоторых исследовательских работах вместо концепта «желание» рассматривается концепт «пожелание». Здесь можно указать на две работы: М.Г. Гусаренко «Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке» и Д.Ф. Комаровой «Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках» привлекают большое внимание. В данных диссертациях основное внимание уделено прагматическому анализу речевых актов.

За последние годы и в узбекском языкознании было сделано немало по проблемам объединения языковых единиц на основе принципов смыслового единства.

В узбекском языке существует система специальных средств, выражающих концепт «желание». К таким средствам относятся лексико-семантические единицы, содержащие сему желания, морфологические средства, формирующие эту сему желания, и предложения, выражающие модальное значение желания. Эти единицы в совокупности образуют функционально-семантическое поле – единство специальных языковых средств, которые выражают желание, их можно считать концептуальными единицами, выражающими желание.

Такая соотносённость единиц разного уровня для выражения концепта «желание» вызывает необходимость их специального поуровневого изучения. Этим целям посвящена предлагаемая статья.

1. Выражение желания лексическими средствами. В узбекском языке семантическая основа предложений, обозначающих желание, формируется с помощью специфических лексических средств. Прежде всего отметим глагольные лексемы, выражающие желание: *истамоқ, хохламоқ, тусамоқ, кўсамоқ, умид қилмоқ (умидланмоқ)* 'желать, хотеть, жаждать, тосковать'; кроме того, сочетания слов: *пайшдан бўлмоқ, истагида бўлмоқ, умидида (орзусида, ниятида) бўлмоқ, умид боғламоқ (иметь желания, стремиться, связывать с надеждами, иметь мечту)*. Сема «желание» в словарном значении этих единиц является общей. Реальное выражение этой семы будет выявляться в конкретном тексте.

Узбекский глагол *истамоқ* имеет значение 'хотеть' и даёт представление о желании конкретного лица. В предложениях с данным глаголом дополнения передают содержание желания, например: *У ҳаётида ана шундай кувончли нури, беозор, ҳузур-ҳаловатли дамларнинг кўпроқ бўлишини истарди (С.Ахмад)* 'Он желал, чтобы в его жизни было больше таких радостных, ярких, беззаботных, приятных моментов'

В предложениях значение желания формируется также на основе лексического значения глагола *хохламоқ*: *Шу боис аёл зоти ҳамиша бошида паноҳи бўлишини хохлайди (Т.Мурод)* 'Из-за этого все женщины хотят всегда иметь опору за собой'.

Иногда используется глагол *тусамоқ*: *Кўнгли қирларни, далаларни, шақилиб олис-олис жойларни яна тусай бошлаган эди (Чулпон)* 'Его душа опять начала тосковать по горам, по полям, одним словом, по далёким местам'

2. Выражение желания морфологическими средствами, для чего в узбекском языке используются следующих способы.

а). Используются формы 1-го лица ед. и мн. числа повелительного наклонения: *Бир кўнгли, изига қайтиб кетай деди (Т.Мурод)* 'Его душа захотела вернуться (букв. 'душа сказала: Вернись-ка я')'

Иногда, чтобы усилить значение желания, после словоформы глагола добавляется частица *ҳам*: – *Э, бўлди, кўрмайин ҳам, куймайин ҳам...*" (Т.Мурод) '– Э, всё, и не видеть, и не слышать!'

б). Используются формы 3-го лица ед. и мн. числа повелительного наклонения: *Мени лаънатласин, мендан нафратласин (Т.Мурод)* 'Пусть меня он проклянет, пусть меня возненавидит'.

В некоторых случаях в таких предложениях вместе с семой желания появляется сема пожелания: *Бурикул билан Насим ҳам шу кундан эътиборан худди шу шиквидай қиёматли дўст бўлсин* (Т. Мурод.) 'Пусть с сегодняшнего дня Бурикул и Насим будут верными друзьями, как те двое'.

в). Выражается с помощью показателя условного наклонения *-са*; например: *Кўнгулга хуш ёқар навалар бўлса, хушбўй ва хушиқлим ҳаволар бўлса* (А. Хамид) 'Была бы мелодия, которая нравятся душе, была бы хорошая погода'. Этот тип сказуемого передает желание, исполнение которого реально.

Иногда в предложениях со сказуемым в условном наклонении для усиления значения используются модальные частицы: *қани, қани энди (қанийди), қошки, қошки энди (қошқийди)* 'ну-ка, ну, если бы, о если бы, хоть бы'.

г). Использование в сказуемом формы прошедшего времени условного наклонения *-са + энди (экан)* служит для реализации значения неисполнимого желания: *Нима бўлса ҳам, тезроқ тамом бўлиб қўя қолса энди* (О. Ёкубов) 'Что бы то ни было, быстрее бы кончилось!'

Для усиления желания также добавляются модальные частицы: *қани, қани энди*; например: *Қани энди ҳеч бўлмаса узоқдан бир кўрсам эдим* (Н.Хошимов) 'Если бы я теперь увидел, хотя бы издалека'; *Хуснига яраша ақли ҳам бўлса энди* 'Если бы его ум был так прекрасен, как внешность'.

д). В предложении в сказуемом используется модальная конструкция, построенная по модели: форма на *-ги* от основного глагола + аффикс принадлежности соответствующего лица + служебный глагол *келмоқ* в форме 3-го лица обычно прошедшего категорического времени (*келди*) Лицо, испытывающее желание, передается именно аффиксом принадлежности: *У Момақизни кўрсиси келди!* (Т.Мурод) 'Он захотел увидеть Момакиз'.

е). В сказуемом используется форма модальности намерения на *-моқчи*: *Университетни тугатгандан соң қайерда ишламоқчисан?* 'После окончания университета ты где хочешь (собираешься) работать?'

Как известно, в предложениях с коммуникативной установкой выражения желания дается информация о желании говорящего. С этой точки зрения, приведенные повествовательные предложения, выражающие желание, отличаются от других предложений тем, что сема желания выступает в них как центральная сема в высказывании.

В традиционной грамматике предложения, выражающие желание, не выделяются как отдельный тип предложений. Но в последние годы в узбекском языкознании этот тип предложений наряду с повествовательными, вопросительными и повелительными предложениями выделяется как отдельный тип предложения по цели высказывания. В книге М. Махмудова и А. Нурманова «Теоретическая грамматика узбекского языка» указанный тип предложений выделен в самостоятельный тип – четвертый тип предложения [Махмудов, Нурмонов 1995: 46–47]. Мы присоединяемся к этому мнению языковедов и также считаем предложения, выражающие желание, отдельным типом. Действительно, предложения, выражающие желание, характеризуются особой моделью построения. Когда сказуемое в этих предложениях, представлено глагольной словоформой со значением желания, то вместе с семой желания здесь реализуется вспомогательная сема – повествовательная сема, но сема желания всегда остаётся центральной: *Мен сайҳатга чиқишни хоҳлайман* 'Я хочу отправиться в путешествие'.

ЛИТЕРАТУРА

Гусаренко М.К. Дискурсивные разновидности, перлокутивная прагматика и пропозициональные характеристики речевого акта пожелания в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005.

Комарова Д.Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005.

Макеева Е.Ю. Функционально-семантическое поле как средство репрезентации концепта «желание» в английском языке (в синхронии и диахронии) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006.

Махмудов Н., Нурмонов А. Ўзбек тилининг назарий грамматикаси. – Тошкент: Ўқитувчи, 1995.

Мастерских С.В. Концепт «желание» в сопоставительном плане (на материале глагольных лексем русского, английского и немецкого языков) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004.

***Kulbaeva, D.* Verbal means expressing the concept „desire” in Uzbek**

Summary. This article describes Uzbek language means expressing the concept “wish, desire”. The author analyses Uzbek lexical, morphological and syntactic units that express this semantics, as well as the structure of the concept itself.

Key words: concept “desire”, language means of its expression, functional features, Uzbek language.

ПАРОНИМЫ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ОБОГАЩЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫМИ ЛЕКСЕМАМИ

Вазира Нафасова, г. Карши

Резюме. В статье исследуются пути обогащения паронимической лексической микросистемы узбекского языка за счет лексем-паронимов, заимствованных из русского и через русский язык лексем.

Ключевые слова: пароним, паронимическая пара, культура речи, межъязыковые паронимы

Современное состояние узбекской лексикологии предопределяет разноаспектное изучение паронимов, одним из которых является описание путей их обогащения иноязычными лексемами как русского (и заимствованных через него), так и арабского или персидско-таджикского происхождения.

Узбекский язык богат паронимическими лексическими единицами, которые составляют специфическую микросистему. Известно также, что паронимический состав узбекского языка пополнялся за счёт слов, заимствованных из разных языков, в том числе из арабского языка, иранских (согдийского, хоразмийского, персидского, таджикского) и русского языков, а через последний из западноевропейских языков.

Так, учебный толковый словарь паронимов регистрирует более 1200 паронимических пар (далее – ПП) однокоренной, разнокоренной, а также однородной и разнородной структуры. В учебном толковом словаре представлено еще больше паронимических единиц, что свидетельствует об их богатстве и разнообразии.

Начиная с последней четверти XIX в. и в XX столетии научно-техническая, промышленная, культурная, спортивная, музыкальная, общественно-гуманитарная и т.д. лексика пополнялась за счёт лексем, заимствованных из русского и через него из романо-германских и других европейских языков. Заимствованные из русского языка слова широко представлены в ПП различных функциональных стилей речи, они зафиксированы в двуязычных, толковых, энциклопедических словарях узбекского языка.

Нами выявлено в лексическом составе узбекского языка около 2000 паронимических пар. Их можно объединить в две большие группы.

I. ПП, состоящие исключительно из заимствованных слов русского происхождения.

II. ПП, возникшие в результате соединения заимствованных лексем с лексемами узбекского, арабского и иранских языков.

Рассмотрим эти группы подробнее.

I. ПП, заимствованные из русского языка различаются между собой как по лексическому и морфологическому составу, так и по способам образования, частотностью употребления.

Двухкомпонентные ПП можно разделить на следующие микрогруппы.

1.1. ПП, которые, принадлежа одной части речи, состоят из производных лексем, имеющих одинаковую основу. В узбекском языке такие ПП сравнительно немногочисленны, и сфера их употребления ограничена научным, публицистическим и реже официально-деловым стилями речи. Примеры:

а) *абонемент* (право пользования ч.-либо в течение определенного срока, а также документ, удостоверяющий это право, от фр. *abonnement*) – *абонент* (владелец абонемента, от фр. *abonner*). Производящая основа – *абон(е)=*, производящие суффиксы – *-ент*, *-емент*.

б) *адресант* (отправитель послания, от нем. *Adressant*) – *адресат* (получатель послания, от нем. *Adressat*), *фабрикат* (готовый продукт фабричного производства, от лат. *fabricatus*) – *фабрикант* (капиталист – владелец фабрики, от лат. *fabricatus*), *дипломат* (должностное лицо, от фр. *diplomate* < греч. *diploma*) – *дипломант* (человек, награжденный дипломом, от фр. *diplome* < греч. *diploma*).

в) *экономика* (совокупность производственных отношений, соответствующих данной ступени развития производительных сил общества, от греч. *oikonomia*) – *экономия* (бережливость при расходовании чего-н., от греч. *oikonomia*).

г) *квадрат* (равносторонний прямоугольник, от лат. *quadratus*) – *квадрант* (четверть круга, от лат. *quadrans, quadrantis*).

Приведенные ПП являются интернациональными паронимами, их можно назвать также межъязыковыми паронимами.

1.2. ПП, имеющие романо-германские корни и состоящие из различных лексем. Такие ПП различаются между собой одним фонетическим дифференциальным признаком. Они заимствованы узбекским языком в разное время. Частотность их употребления в письменной и устной речи неодинакова. Эти ПП различаются между собой одной гласной или согласной фонемой. В словарях данный тип подается с пометой *ўзланима* (заимствованное). Рассматриваемая разновидность ПП составляет солидную часть паронимических единиц. Их фонологические дифференциаторы характеризуются следующими признаками:

1.2.1. В аялауте гласные фонемы: *элемент* – *элемент*; согласные фонемы: *пенал* – *финал*, *пара* – *фара*, *накт* – *факт*.

1.2.2. В иялауте лексем: *фирма* – *ферма*, *кафе* – *кофе*, *кампания* – *компания*, *рол* – *роль*, *бетон* – *бидон*, *компот* – *комнот*, *комплект* – *конфликт*, *шифр* – *шифер*;

1.2.3. В уялауте лексем: *бал* – *балл*, *тип* – *тиф*, *матрос* – *матрац*, *банк* – *банка*, *такси* – *такса*.

ПП *тип* – *тиф* заимствована из греческого языка через русский язык. В современном узбекском языке слово *тип* [от греч. *typos* – стпечаток, форма, образец] имеет пять значений. В разговорной речи имеет общее значение «человек, наделенный к.-л. характерными, чаще отрицательными свойствами». Слово *тип* употребляется как специфический термин в общественно-политической, филологической, художественной, педагогической литературе. Слово *тиф* – медицинский термин; в качестве его узбекского синонима выступает *терлатма*. В устной речи оно произносится как [тип], так как для данной разновидности стиля характерно произношение «ф» как «п». Этой особенностью устной речи удачно воспользовался Н.Аминов в своей повести «Елвизак» («Сквоззяк») для создания комического (приём паронимазии): «Уважаемые члены бюро! Я хорошо знаю Баширжана ака. Он очень странный, говоря словами литературо-

ведов, своеобразный «тип». Баширжон насторожился и, приняв слово «тип» за слово «тиф», вскрикнул: «Не правда! Я никогда не болел тифом!».

Ферма (животноводческое хозяйство, от *ferme* < лат. *firmitas*) – *фарма* (торговое или промышленное предприятие, производственное объединение, от итал. *firma*); *шифр* (условный знак, от фр. *chiffre*) – *шифер* (материал, употребляемый в строительстве, от нем. *Schiefer*); *матрос* (моряк, рядовой флота, от голл. *matroos*) – *матрас* (спальная принадлежность, от нем. *Matratze* < голл. *matras*); *компот* (сладкое жидкое кушанье из фруктов, от фр. *compote*) – *ком-ност* (удобрение из растительного перегноя с землей, от англ. *compost* < лат. *compositus*); *тиф* (форма, вид чего-н., от греч. *typhos*) – *тиф* (мед. заразная болезнь, от греч. *typhos*); *пакт* (международный договор, от лат. *pactum*) – *факт* (действительное событие, реальное явление, от лат. *factum*); *пенал* (длинная коробочка для ручек, карандашей, перьев, от нем. *Pennal* < лат. *penne*) – *финал* (завершение, заключительная часть чего-н., от итал. *finale* < лат. *finalis*); *алимент* (вид материального обеспечения, от лат. *alimentum*) – *элемент* (составная часть чего-н., от лат. *elementum*).

II. Отдельную группу составляют ПП, образованные по модели русская (романо-германская) лексема+узбекская лексема. Такие ПП имеют специфические формы плана выражения и плана содержания, т.е. обладают некоторым фонетическим подобием и характерны в основном для разговорной речи, поскольку они графически различны.

II.1. В эту группу входят ПП в составе узбекское слово и русское (романо-германское) слово. По количеству данная разновидность ПП преобладает над другими. В плане выражения различаются одним фонетическим дифференциальным признаком.

II.1.1. В анлауте ПП: *кулон* (зоологический термин) – *кулон* (1. ожерелье; 1. единица измерения кол-ва электричества).

II.1.2. В инлауте ПП: *түрт* (четыре) – *торт* (кондитерское изделие, от итал. *torta* < лат. *tortus*) (5:91); *арна* (ячмень) – *арфа* (музыкальный инструмент, от нем. *Harfe*), *күкс* (грудь) – *кокс* (вид топлива, от нем. *Koks*).

II.1.3. В ауслауте ПП: *туш* (сон; полдень) – *тушь*; *сут* (молоко) – *суд*; *тери* (кожа, шкура) – *тире*; *танга* (тенге) – *танго*; *кўп* (много) – *куб* (правильный многогранник, от греч. *kybos*); *гал* (очередь, раз) – *галл* (древняя народность на терр. совр. Франции, от лат. *gall*).

II.2. В составе данных ПП выступает арабское слово и русское заимствование. Ср.: *салом* (привет, приветствие) – *салон* (помещение, от фр. *salon*); *тариф* (ставка оплаты, от фр. *tarif*) – *таъриф* (описание, характеристика); *тамбур* (пристройка у входных дверей, от фр. *tambour*) – *танбур* (струнный муз. инструмент); *пан* (пан, помещик, от пол. *pan*) – *фан* (наука, знание); *озон* (призыв на молитву) – *озон* (газ, от греч. *ozon*); *работ* (караван-сарай) – *робот* («механический человек», от чеш. *robot*) и др.

II.3. Здесь встречается слово иранского происхождения и русского происхождения. Ср.: *сероб* (обильный водой) – *сироп* (концентрированный раствор сахара, от фр. *sirap*); *дўст* (друг, приятель) – *дуст* (ядовитый порошок, от англ. *dust*); *март* (третий месяц, от лат. *maritus* < *Mars*) – *мард* (мужественный, смелый, храбрый), *пахса* (религиозный праздник, от греч. *pascha*) – *пахса* (глинобитная стена), *хиром* (грациозная походка) – *хром* (химический элемент, от греч.

chroma), *pacma* (тестообразная масса, от итал. *pasta*) – *pacma* (бот. фисташка) и др.

Паронимия, как и синонимия, омонимия, антонимия, представляет собой лексико-семантическое явление, основанное на асимметрии плана выражения и плана содержания. Она заслуживает пристального внимания узбекских языковедов как своеобразный пласт лексики и как показатель состояния и развития общественно-политической, экономической, культурной жизни узбекского народа.

В возникновении паронимии наряду с узбекской, арабской и персидской лексикой большую роль сыграли заимствования из русского языка, а через него – и из романских, германских и других западноевропейских языков. Следовательно, знание лингвистических основ межъязыковых и интернациональных паронимов, а также паронимов смешанного типа полезно в плане соблюдения орфоэпических норм современного узбекского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бельчиков Ю.А. Паронимия //Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1990. – С. 368.

Вишнякова О.В. Словарь паронимов русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – С 5.

Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1978. – 749 с.

Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тили омонимларининг изоҳли луғати. – Т.: Ўқитувчи, 1984. – 214 с.

Узбекско-русский словарь. – М.: ГИИНС, 1959. – 839 с.

Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 1-5 т. – Тошкент: ЎзМЭ, 2006-2008.

Nafasov T., Nafasova V. O'zbek tilining talaffuzdosh so'zlari: O'quv izohli lug'ati. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2007. – 118 с.

Rahmatullayev Sh. Hozirgi adabiy o'zbek tili. – Тошкент: Университет, 2006. – 463 с.

Nafasova, Vazira. Paronyms in Uzbek and their enrichment through foreign words

Summary. The article deals with enrichment of the lexical micro-system of Uzbek paronyms by means of lexemes borrowed from or through Russian (originally from Roman, Germanic or other languages).

Key words: paronym, culture of speech, paronymous pair, international paronyms.

О РОМАНЕ ЯШАРА КЕМАЛЯ «ЛЕГЕНДА О БИНБОГАЛАР»

Хаят Мамедова, г. Баку

Резюме. В статье представлен анализ романа известного турецкого писателя Яшара Кемалья «Легенда о Бинбогалар». В романе описан процесс капитализации турецкой деревни, когда кочевые племена-аширеты насильственно закрепились на земле. В романе искусно переплетаются сюжеты реальной жизни и события мифологического времени. Большое место отведено раскрытию характеристик благородных людей из кочевого племени, борющихся за человеческое счастье и правосудие.

Ключевые слова: фольклор, кочевник, племя, миф, легенда

Роман «Легенда о Бинбогалар» занимает особое место в творчестве выдающегося турецкого писателя Яшара Кемалья, который, опираясь на народную легенду, смог воссоздать реальные картины жизни кочевых племен-аширетов, переживших в середине XX века болезненный период перехода из кочевого образа жизни в оседлый [Kemal 2007]. В романе не просто говорится о горькой драме кочевых племён, которые были лишены привычных территорий летних пастбищ, зимовий, территорий, веками им принадлежавших, ставших для многих поколений кочевников символом родины, их человеческого бытия, но и о трагедии людей, столкнувшихся с неумалимыми законами социально-экономических, общественно-политических отношений, вынуждавших менять столетиями сложившийся быт.

Объектом художественного анализа писателя являются проблемы глубокого, социально-исторического, философско-психологического плана и, в первую очередь, это трагедии людей переходного периода от феодальной общественно-экономической формации к капиталистическим отношениям. В романе речь идет о неотвратимости этого процесса, порождающего много социально-психологических проблем, в частности распада духовной и психологической атмосферы в жизни аширетов.

Роман раскрывает переживание людей, потерявших свои земли, ставшие объектом купли и продажи для кучки дельцов, вооруженных всякими бумагами, документами, оправдывающими их беспримерную наглость и жадность. Писатель, углубляя проблему, описывает классовое расслоение не только во всём обществе – между богатыми и бедными, горожанами и селянами, просвещёнными и невежественными, верующими и атеистами, но и внутри отдельных родов аширетов, племён кочевников.

Противостояние двух миров, двух мировоззрений, двух человеческих типов – вот что составляет главную идею произведения. Ключевым словом, ключевым понятием в романе является слово *yörük* / «йорюк» 'кочевник'. Известный турецкий учёный-фольклорист Пертев Нанли Боратав чутко уловил глубокую философскую, социально-историческую сущность романа и в своей статье «Узоры в килиме кочевников-йорюков Яшара Кемалья» пишет, что «...Яшар Кемаль пользуется выражением "йорюк" в самом широком значении этого слова: его "йорюк и кочевник, и

полукочевник, и бывший старый кочевник, перешедший к оседлому образу жизни сельчанина – туркмен, курд, суннит, алевид, и в самом узком смысле – смесь «кочевника из чёрного шатра» с человеческим типом Анатолии» [Boratav].

Несколько слов и о легенде Бинбогалар, давшей название роману. Эта поэтическая легенда создана кочевниками. Горы Торос (Тавр), не выдержавшие жестокости людей, разлучающих влюблённых, преследующих, ломающих судьбы честных жителей, превращаются в тысячи разъяренных быков, которые широким потоком устремляются в долину Чукурова, на территорию, где совершаются эти несправедливости, и устраняют там идеальную жизнь: наказывают угнетателей, защищают обиженных, помогают влюблённым соединиться, восстанавливают справедливость.

Потрясения XVIII–XIX вв., мощные средства османской имперской власти, стремившейся привести кочевников к оседлости, оторвать людей от веками сложившегося уклада, от обычаев, обрядов, своеобразных традиций, отзывались в душе, в мыслях этих свободных детей природы незаживающими ранами, невозполнимыми утратами, вместе с тем вызывали у них справедливый гнев, стремление сохранить и защитить чувство собственного достоинства. В результате всех этих борений уже к первому десятилетию XX века, ко времени установления Турецкой Республики, сохранили свой уклад жизни всего несколько кочевий йорюков. Роман «Легенда о Бинбогалар» Я. Кемалы повествует о трогательной, грустной судьбе, драме одного из последних кочевий, доживших до первых лет Республики.

Спустившиеся с горных пастбищ – яйлагов, кочевники ищут долину-зимовье, чтобы там установить свои шатры и устроиться на зиму. Поиски йорюков безуспешны, ибо тысячелетние места их зимних становищ заняты чужими пришельцами, вытеснившими настоящих хозяев. Бескрайняя родная степь разделена, разрезана на маленькие участки, распродана на основе купчих и разных документов, и новые хозяева даже близко не допускают кочевников. А те, кто согласен уступить «свою территорию», требует денег или сдаёт её в аренду за плату. На фоне этих событий разворачивается жизненная драма кузнеца Хайдар Усты из Хорасана, его внука Керема, красавицы-кочевницы Джерен.

Сюжет романа «Легенда о Бинбогалар» состоит из искусно переплетённых пластов-событий современности и глубокой древности, когда сложилась легенда о горном хребте Торосы-Тавры. Одна за другой перед читателем разворачиваются картины жизни и быта при Хыдыре и Эллезе / Ильясе, Эргенекона, легендарного времени Бинбога, обрядов тогдашних шаманов и суфиев-дервишей, праздника Новруза и пр. События в романе происходят в день Хыдыреллеза, в ночь с 5-го на 6-е мая, в священный день исполнения всех желаний. Это последние дни тысячелетней истории туркменского аширета-кочевья, дни, полные трудностей перехода к оседлой жизни. Вместе с тем это и развёрнутая история-символ пелёгкой судьбы кочевий тюркских народов – огузов, сельджуков, туркмен, авшаров и др., создавших в последнее тысячелетие с определенными промежутками в Малой Азии бейлики, государства, империи, это также история курдов, сроднившихся на почве веры в те времена и с тюркским народом.

В ночь встречи двух великих пророков – Хызыри и Ильяса, в туркменском аширете от мала до велика все загадывают заветное желание, жаждут его исполнения. Но общая забота аширета, общественные беды, судьбоносные события заслоняют индивидуальные проблемы членов племени. Главный конфликт романа – расхождение личного и общественного, частного и общего начала. Но развязка романа наступает с пониманием невозможности совпадения счастья личного и

общественного. А кто в этом мире без греха? Даже маленький Керем совершил грех: он разорил гнездо ласточки с крохотными птенцами. Трудно найти безгрешных людей, потому и нет на земле счастья... Кузнец Хайдар-Уста с нетерпением ждал этот день, чтобы выпросить у Пророков для любимого внука Керема заветное желание. Но он, как и все члены аширета, видит тяжёлую ситуацию, сложившуюся для народа, и своё желание заменяет общим желанием счастья и устройства для всего своего кочевья. Любимец кочевья старый Муслим отказывается от желания бессмертия: «На что оно мне, бессмертье это в мои-то года немощные... бессмертье хорошо в молодости, было бы к делу», и он простит Хайдар-Усту молиться о том, чтобы их не согнали с родных мест. Всё кочевье, как одни уста, как одно сердце, молится за общее желание, за сохранение своей милой родины. А ведь гордость аширета, голубоглазая, стройная красавица Джерен собиралась молиться за своего возлюбленного Халиля, вступившего в борьбу за справедливость с местными беями и скрывающегося от «властей», и поэтому она разлучена с ним многие годы. Маленький Керем хотел себе соколёнка, а крохотный Дурсун мечтает об отце, лица которого не увидел, но которым он хочет гордиться, Марьям-ана собиралась вымолить у пророков здоровья для своей семнадцатилетней дочери, прикованной к постели, но и она подчиняется общей думе соплеменников, просит у Хыдырллезза землю для аширета, в конец потерявшего веру в помощь от кого бы то ни было и сохранившего надежду только на пророков.

Как тонкий психолог, писатель рисует картины жизни кочевого племени, сцены, полные напряженных ситуаций в истории кочевья, мастерски описывает сцены праздника Хыдырллезза с его обрядовыми действиями, гольбангами-дервишскими хоровыми песнями бекташидов, коллективными действиями шиитов, танцами-вознесениями суннитов-медресе «Сема», где проповедуется идея единения всех творческих сил человека. Органически переплетая реальные жизненные события с фольклорными элементами, писатель описывает трагедию, когда радостный день весеннего праздника и исполнения желаний становится для аширета словно днем Апокалипсиса, Судным днем. Поскольку им придется рассылаться по всему свету, разойтись по деревням, посёлкам, потому что луга, безграничные земли, на которых они пасли свои стада, теперь не принадлежат им.

ЛИТЕРАТУРА

Boratav P.Nalli. Yaşar Kemal'in Yörük Kilimindeki Nakışlar /
<http://www.fikrimyok.com>

Kemal Yaşar. Binboğalar Efsanesi. 7. baskı. – İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2007.

Mamedova, H. About Yashar Kemal's novel "The Legend of Binbogolar (Thousand Bulls)"

Summary. This paper contains a critical scientific analysis of Yashar Kemal's novel "The Legend of Binbogalar (lit.: thousand bulls)". The author of the novel describes a village where some nomadic tribes are forced to settle down. The author presents real events and myths to intervene in the novel in a very complex way. Characters, traditional for the national epos, - highly moral, noble people - are fighting for human happiness and justice.

Key words: folklore, nomad, tribe, myth, legend.

(учебные заведения, которые должны были давать учащимся в отличие от национальных мектебе и медресе основы светского образования с обязательным обучением русскому языку), а также русских классов при мектебах и медресе; 2) контроль над татарскими, башкирскими и киргизскими школами, русскими классами при мектебах и медресе, учительскими школами Казанского учебного округа; 3) подготовка учительских кадров для школ; 4) составление и издание учебных книг, необходимых для учебного процесса в татарских школах и русских классах при мектебах и медресе; 5) сообщение попечителю округа о лицах, способствующих открытию школ, для ходатайствования им награды; 6) требование от полицейских управлений и мулл подробных сведений о состоянии татарских школ и русских классов при мектебах и медресе; 7) предоставление к 15 января текущего года годового отчета попечителю округа о состоянии всех татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа, а также отчета по осмотру училищ, каждый раз по возвращении из поездки.

При соблюдении данных правил инспектору предоставлялось право издавать учебные пособия для школ без цензуры, но с разрешения попечителя Казанского учебного округа [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10290, л. 8].

Спустя около года после назначения на должность инспектора, а именно 6 ноября 1872 г., В.В. Радлов обратился к попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову с докладной запиской о направлении его за границу для ознакомления с методикой обучения, программами и учебными пособиями [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10908, лл. 1–2 об.]. В.В. Радлов правильно подчеркнул, что «русский язык для татар, башкир и киргизов – язык чужой и поэтому не может преподаваться по методам, принятых в русских сельских школах» [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10908, лл. 1–2 об.]. Ученый был хорошо знаком с методикой преподавания иностранных языков Робертсона, Оллендорфа, Лувье и считал, что применение методов западных педагогов в российских школах приведет к лучшим результатам. В.В. Радлов предполагал посещение учебных заведений западной России, Германии, Бельгии, Австрии, Турции, Сирии, Египта, Алжира [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10908, л. 6]. Министерство народного просвещения поддержало ходатайство инспектора, и приказом № 2 от 24 февраля 1873 г. В.В. Радлов был командирован на шесть месяцев за границу [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10908, л. 10], с мая по ноябрь 1873 г. [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10908, лл. 3–4].

Из донесений инспектора В.В. Радлова попечителю округа П.Д. Шестакову в период с 1872 г. по 1881 г. становится известно, что были открыты следующие учебные заведения: татарские школы в деревнях Новый Шинар Мамадышского уезда (открыта 1 декабря 1877 г., при открытии поступило 25 учеников) [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, лл. 1–4, 24], Второй Черемшан (открыта 16 февраля 1878 г., при открытии поступило 35 учеников) [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 29] и Индрчих Тетюшского уезда Казанской губернии (открыта 15 ноября 1881 г., при открытии поступило 17 учеников) [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 42]; русский класс при Чистопольском татарском медресе (открыт 15 октября 1881 г.) [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 39]; башкирские школы в деревне Старые Урембаша Старопольского уезда Самарской губернии (открыта 1 октября 1877 г., при открытии поступило 12 учеников) [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 24], в деревнях Аканеевой и Талбазинной Бирского уезда Московской волости Уфимской губернии [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10972, лл. 4–6]. Следует отметить заслугу В.В. Радлова в организации первой татарской школы для девочек, открывшейся в 1872 г. [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10972, лл. 1–2].

После открытия учебных заведений для детей В.В. Радлов старался поддерживать их в хорошем состоянии. Так, 13 января 1877 г. инспектор ходатайствовал о разрешении разделить сумму 1850 рублей, оставшуюся от содержания

башкирских школ, для поддержания татарских народных школ [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 12722, л. 12]. 31 января 1878 года он просит разрешения вышестоящих органов об израсходовании денег для покупки новой мебели, дополнения библиотеки и улучшения квартиры при школе [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 26].

Заслуживает внимания стремление В.В. Радлова поддерживать и учителей татарских школ. Доказательством тому является представление инспектора от 24 ноября 1878 г. о разрешении вознаграждения муллы за преподавание вероучения в Ново-Мочалеевской школе Курмышского уезда Симбирской губернии [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 33]. Однако ходатайство инспектора было отклонено [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 34]. Тогда В.В. Радлов вновь обращается к попечителю П.Д. Шестакову с просьбой разрешить вознаграждение муллы за преподавание татарского языка [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 35]. В итоге, с разрешения министра народного просвещения Д.А. Толстого от 17 февраля 1879 г. производится вознаграждение муллы «по сорока рублей» в год за преподавание им татарского языка [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147, л. 37].

Таким образом, архивные документы ясно показывают, какими усилиями В.В. Радлов добивался открытия татарских школ, русских классов при медресе, всячески поддерживал учебные заведения, учителей, тем самым способствуя распространению светского образования среди татарского населения.

Отдельно в группе документов о служебной деятельности В.В. Радлова можно выделить документы о создании в 1876 г. Казанской татарской учительской школы. Изучив эти архивные материалы, можно сделать вывод, что В.В. Радлов уделял серьезное внимание подготовке учителей русского языка для татарских, башкирских и киргизских (казахских) школ. В настоящее время эти архивные документы опубликованы в сборнике [Казанская татарская учительская школа 2005: 256].

Ряд архивных материалов содержит сведения о подготовке В.В. Радловым к изданию в 1875 г. учебных пособий: второе издание «Первой печатной книги» (перевод татарской хрестоматии «Белек») и второй выпуск географии [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 12347, лл. 33–33 об., 35], что свидетельствует об активной педагогической деятельности ученого в Казани. Однако данные труды В.В. Радлова нами не были найдены. Известны другие учебники, изданные в казанский период: «Белек» (1872), «Грамматика русского языка, составленная для татар Восточной России» (1873), «Первая книга для чтения» (1874).

Среди документов, хранящихся в НА РТ, наибольший интерес представляют материалы из фонда Казанского университета.

19 марта 1881 г. И.А. Бодуэн де Куртене ходатайствовал перед историко-филологическим факультетом Казанского университета о командировании В.В. Радлова на V Международный съезд востоковедов, проводившийся в г. Берлине в сентябре 1881 г., так как считал, что «Радлов является в настоящее время самым деятельным ученым ориенталистом в Казани» [НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1188, л. 1]. Ходатайство было поддержано деканом историко-филологического факультета, который, в свою очередь, в тот же день направил представление попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову о разрешении командировать В.В. Радлова в г. Берлин [НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 6830, лл. 1–1 об.]. Однако, как видно из извещения П.Д. Шестакова от 17 августа 1881 г., Министерство народного просвещения «затрудняется командированием на имеющий быть в сентябре сего года в Берлине 5-й Международный съезд ориенталистов рекомендуемого для сего Императорским Казанским Университетом, инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Казанского учебного округа, стат-

ского советника Радлова, не принадлежащего к ученой корпорации означенного университета» [НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 6830, л. 4].

Однако, по данным Э.Р. Тенишева, ученый участвовал в работе международного съезда востоковедов, где выступил с докладом на тему «Die Lautalternation und ihre Bedeutung für die Sprachentwicklung, belegt durch Beispiele aus den Türkssprachen» – «Чередование звуков и его значение для развития языка, подтвержденное примерами из тюркских языков». Как результат выступления стала опубликованная в 1882 г. научная статья ученого на эту же тему, в которой «дух и идейные устремления «казанской школы» нашли наиболее полное воплощение» [Тенишев 1972: 37].

Важным моментом в жизни В.В. Радлова в Казани является приглашение его на должность преподавателя восточных языков в Казанский университет. 28 марта 1883 г. профессор университета И.А. Бодуэн де Куртенэ ходатайствовал перед руководством историко-филологического факультета об учреждении кафедры финско-тюркской филологии и о назначении лектором на эту кафедру В.В. Радлова [НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1249, лл. 1–4]. И.А. Бодуэн де Куртенэ дал ученому прекрасную характеристику: «В Казани имеется лицо только один ученый, которому могла бы быть предложена одна из кафедр восточных языков, а именно кафедра языков тюркских. Этот ученый – В.В. Радлов, имеющий на это все права, как формальные, так и существенные. С формальной стороны, г. Радлов – почетный доктор сравнительного языковедения Дерптского университета. Что же касается его научных заслуг, то о них нечего распространяться, когда речь идет о человеке, имя которого известно во всем ученом мире как имя одного из лучших знатоков финско-тюркских языков и филологии тюркских племен вообще» [НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1249, лл. 1–4]. Месяц спустя И.А. Бодуэн де Куртенэ представил дополнение к своему ходатайству, в котором сообщается о согласии В.В. Радлова читать лекции в университете и о разрешении предоставить тюркологу 15 печатных листов в «Ученых записках» университета для публикации его научных работ [НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1249, лл. 5–6 об.]. Однако В.В. Радлову не было суждено преподавать в Казанском университете. 7 ноября 1884 г. ученый был избран академиком Императорской Академии наук по востоковедению, куда сначала был приглашен Н.И. Ильминский. Решив не прерывать свою просветительскую деятельность, Н.И. Ильминский отказался от этой должности и рекомендовал на свое место В.В. Радлова [Артюх 2006: 268]. Вскоре В.В. Радлов переехал в Санкт-Петербург, тем самым завершив казанский период своей деятельности.

В архивных фондах НА РТ также сохранились документы биографического характера. Из них становится видно, что за особые успехи на службе в Казани Василий Васильевич Радлов был награжден орденом Святого Станислава второй степени с Императорской Короной (28 декабря 1873 г.), орденом Святой Анны второй степени (31 декабря 1876 г.), орденом Святого Владимира четвертой степени (1 января 1883 г.) [НА РТ, ф. 92, оп. 3, д. 68, 11 л.]. Также имеются сведения, что приказом № 6 от 22 августа 1884 г. министра народного просвещения В.В. Радлов был оставлен на службе в Казани еще на пять лет [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 16104, лл. 1–4]. С 15 июля 1884 г. ученому назначена пенсия за двадцатипятилетний срок службы в размере 1200 рублей и в дополнение 240 рублей в год [НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 16143, л. 57].

Таким образом, изучение архивных материалов, хранящихся в фондах Национального архива Республики Татарстан, помогает раскрыть ранее неизвестные факты о жизни и деятельности выдающегося тюрколога В.В. Радлова в Казани (1871–1884), что является важным вкладом в формирование персоналии ученого.

ИСТОЧНИКИ

1. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10290. «Об учреждении при управлении Казанского учебного округа должности инспектора татарских, башкирских и киргизских школ и об определении на эту должность Радлова, от 10 марта 1871 г.». 34 лл.
2. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10908. «То же [О командировании] инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Радлова за границу для осмотра учебных заведений, от 7 ноября 1872 г.». 11 лл.
3. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 10972. «О татарских школах, по донесению инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Радлова, от 12 апреля 1872 г.». 32 лл.
4. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 11513. «О татарских школах, по донесению инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Радлова, от 6 января 1873 г.». 32 лл.
5. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 11933. «О татарских школах, башкирских и киргизских школ Радлова, от 24 октября 1874 г.». 35 лл.
6. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 12722. «О татарских школах Казанского учебного округа по донесению инспектора Радлова, от 5 февраля 1876 г.». 14 лл.
7. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13147. «Об открытии татарских школ в Казанском учебном округе, от 31 августа 1876 г.». 43 лл.
8. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13266. «О расходе сумм по §11 ст.1. (содержание инспектора Радлова), от 13 января 1878 г.». 15 лл.
9. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 13707. «То же [О расходе сумм] по § 11 ст.1. Содержание инспектора Радлова, от 11 января 1879 г.». 13 лл.
10. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 14111. «То же [О расходе сумм] по §11 ст.1. (содержание инспектора Радлова), от 8 января 1880 г.». 13 лл.
11. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 15128. «О назначении помощника к инспектору татарских школ Радлову, от 19 апреля 1882 г.». 6 лл.
12. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 15539. «О недоразумениях, возникших вследствие циркуляра инспектора татарских школ Радлова указным муллам г. Казани, от 10 февраля 1883 г.». 45 лл.
13. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 16104. «То же [об оставлении на службе] инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Радлова на службе на 5 лет, от 29 мая 1884 г.». 4 лл.
14. НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 16143. «То же [о назначении пенсии следующим лицам] Радлову В., Мерцалову П., Ланомте М., Маслянникову Н., Ястребову А., Рождественскому И., Блосфельд А. и Сергееву Ф., от 16 мая 1884 г.». 79 лл.
15. НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1188. «О командировании инспектора татарских училищ Радлова на международный съезд ориенталистов, 16/III – 19/ III, 1881». 2 лл.
16. НА РТ, ф. 977, оп. ИФФ, д. 1249. «Об учреждении кафедры финско-торкских наречий, о назначении лектором по этой кафедре приват-доцента В.В. Радлова и о предоставлении ему 15 печатных листов в «Ученых записках» Университета для помещения его научных работ, 30/III – 1883 – 27/IV – 1884». 11 лл.
17. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 6830. «Извещение попечителя Казанского учебного округа вследствие отношения историко-филологического факультета о командировании Радлова В.В. и Готвальда на 5 Международный съезд ориенталистов в г.Берлин, 19 марта 1881 г. – 5 сентября 1881». 4 лл.

18. НА РТ, ф. 977, оп. Совет, д. 7130. «Документы об учреждении при историко-филологическом факультете кафедры финско-тюркских наречий, о поручении преподавания по ней Радлову В.В., 12 мая 1883 г. – 1 августа 1885». 12 л.
19. НА РТ, ф. 92, оп. 3, д. 68. «Формулярный список ординарного академика Императорской Академии наук Радлова за 1889 год». 11 л.

ЛИТЕРАТУРА

- Артюх Е.А.* Алтайский период в научной деятельности В.В. Радлова / Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.09 / Е.А. Артюх. – Барнаул, 2006. – 425 с.
- Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг. // Сборник документов и материалов / Отв. сост. Л.В. Горохова, под общ. ред. Д.И. Ибрагимова. – Казань: Гасыр, 2005. – 256 с.
- Тенишев Э.Р.* В.В. Радлов – фонетист и грамматист / Э.Р. Тенишев // Тюркологический сборник. 1971. – М.: Наука, 1972. – С. 32–41.

Zakirova, L. N. Material about V.V. Radlov in the State Archive of the Republic Tatarstan

Summary. The article describes some data on the professional career of V. V. Radlov during his stay in Kazan that are preserved in the State Archive of the Republic Tatarstan.

Key words: State Archive of the Republic Tatarstan, V.V. Radlov.

К 120-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
ПОСОБИЯ П.П. ШИМКЕВИЧА
ПО ЯЗЫКУ ЗАКАСПИЙСКИХ ТУРКМЕН

Мурадгелди Соезов, г. Ашхабад

Резюме: Статья посвящена описанию жизни и деятельности одного из царских чиновников Закаспийской области подполковника Павла Поликарповича Шимкевича (1856–1900), который является составителем пособия «Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области», одного из первых учебников туркменского языка подобного рода. Проанализированы его достоинства и имеющиеся недостатки.

Ключевые слова: Закаспийская область, составитель, пособие, туркменский язык.

В 1892 г. начальник самой южной и далёкой Закаспийской области (в последующем начальник Туркестанского края) генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин (1848–1925) направляет из Ашхабада в столицу империи Санкт-Петербург в адрес ответственного чиновника Главного штаба Э.О. Фишера депешу следующего содержания: «Милостивый господин Эдуард Осипович, прошу Вас объявить в приказе... благодарность моему капитану Шимкевичу за особый его труд по составлению “Краткого практического руководства для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области”». К письму была приложена небольшая рукопись указанного пособия, и оно издано было в том же году в Санкт-Петербурге в объеме 63 страниц.

Спустя пять лет, в 1897 г., автор пособия теперь сам пишет письмо из Красноводска (ныне Туркменбаши) в Ашхабад на имя одного из ответственных лиц канцелярии начальника Закаспийской области с просьбой разрешения о переиздании своего труда: «Ваше сиятельство, милостивый государь Николай Евсеевич! В 1892 году благодаря благосклонному вниманию Его Превосходительства генерал-лейтенанта Куропаткина Главным штабом было издано составленное мною руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области. Руководство это было составлено слишком кратко, и вкралось в него много опечаток, что заставило меня, продолжая трудиться над ним еще в течение пяти лет, значительно расширить, исправить некоторые неточности в грамматических формах, прибавить много разговорных фраз и увеличить лексикон более чем вдвое... Беру на себя смелость обратиться с покорнейшей просьбой исходатайствовать мне разрешение издать его на мои собственные средства в г. Ашхабаде» [См.: Калининвич 1988].

Второе, переработанное и существенно дополненное издание пособия П.П. Шимкевича вышло в Ашхабаде спустя два года, лишь в 1899 г., под названием «Практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области», оно состояло уже из 168 страниц. Издание было осуществлено по распоряжению начальника области в местной типографии К.М. Федорова.

Перед тем как перейти непосредственно к ознакомлению с содержанием данного пособия, хотим остановиться на отдельных важных вехах жизни его составителя.

На стыке двух десятилетий – во второй половине пятидесятых и в начале шестидесятых годов девятнадцатого столетия, в Санкт-Петербурге в семье адвоката Поликарпа Игнатьевича Шимкевича, дворянина Ковенской губернии (его предки были родом из Витебской губернии), и его жены Аделаиды Петровны (в девичестве Гурскалин, происходила из шведско-немецкой семьи, обосновавшейся в столице в XVIII в.) примерно с трёх-четырёхлетней разницей родились три сына; и нарекли их именами Павел, Александр и Пётр. Благодаря непосредственной близости их дома (жили они на Василевском острове, на 11 линии, в доме Ауэ) все трое последовательно в период с 1869 по 1875 г. учились в известной гимназии Карла Мая [См.: Валнев]. Как известно, из числа выпускников данной школы вышла целая плеяда знаменитых людей России.

Старший из братьёввился в свет 22 марта 1856 г. окончил курсы в Главном Евангелической церкви святого первому разряду в военном лице и успешно окончил курс 1985 П; 23–24]. П.П. русско-турецкой войны 1877–«за отличие в действиях произведен в прапорщики.

Вот несколько строк из списка П.П. Шимкевича, ко- походах и военных действиях с 21 августа 1877 г. по 14 сентября 1878 г. (См.: [Калинкович]):

и- находился в составе полка при переходе через границу и вступлении в княжество Румынии;

- в составе полка совершил переход через Балканы;
- 12 октября 1877 г. участвовал в сражении при Горном Дублянке и взятии в плен неприятельского отряда;
- 16 октября принял участие во взятии укрепленной позиции Темшин со всем гарнизоном;
- с 2 ноября по 21 декабря 1877 г. в Плевненском отряде обложения под начальством генерала-адъютанта Гурко находился на боевых позициях на Балканах, а затем в составе гвардейского корпуса на биваках в окрестностях Константинополя;
- 12 ноября участвовал во взятии укрепленного города Этрополя с генерал-майором Дандевилем;
- 16 ноября участвовал в перестрелке у г. Этрополя и во взятии передовой турецкой позиции во главе с принцем Александром Петровичем Ольденбургским;
- 21 декабря – взятие Златицы;
- 2 января 1878 г. – занятие города Татр-Базарчика и переправа через реку Морицу во время ледохода;
- 12 февраля – занятие Сан-Стефано под стенами Константинополя...»

17 августа 1883 г. П.П. Шимкевич получил чин подпоручика, к 1886 г., т.е. к приезду в Закаспийскую область (в Туркменистан), он имел немало наград:

Шимкевичей – Павел поя- Имеются сведения, что он немецком училище при Петра, сдал экзамены по Константиновском учи- восточных языков [Соегов Шимкевич – участник 1878 г. 25 февраля 1878 г. тив тураж» был

фронтового послужного торый участвовал в

орден Святого Станислава 3-й степени, Военный орден 4-й степени, Серебряную медаль, Железный крест и ряд других.

В 1883–1886 гг. П.П. Шимкевич обучается на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, где изучает турецкий, персидский и некоторые другие языки. 10 июля 1886 г. был командирован в штаб войск Кавказского военного округа и 27 июля прибыл в Тифлис, где год раньше начал работать городским архитектором его младший брат Александр Шимкевич. Но здесь Павел Поликарпович смог задержаться лишь несколько месяцев, и 11 октября того же года он отбыл в распоряжение командующего войсками Закаспийской области.

П.П. Шимкевич из Баку на корабле через Каспийское море прибывает сначала в Красноводск, а затем на поезде в г. Ашхабад (по-старому Асхабад), который был административным центром области. С этого момента начинается его четырнадцатилетняя служба в Закаспийской области, которая с 1882 по 1900 г. находилась в составе Кавказского военного округа с центром в г. Тифлисе, а затем была передана в административное подчинение Туркестанского генерал-губернаторства с центром в г. Ташкенте. П.П. Шимкевич приступил к службе 2 февраля 1887 г. приставом – начальником полиции пограничного с Ираном Атрека (в последующем Кызыл-Атрек, а в настоящее время Берекетский этрап Балканского вилайета), где служил до 28 февраля 1891 г. Потом его перевели в Кара-Калу (нынешний этрап Махтумкули того же вилайета).

Как пишет газета «Асхабад» от 6 октября 1900 г., П.П. Шимкевич, приступив в 1886 г. к службе по военно-народному управлению Закаспийской области, служил сначала в Тедженском, Асхабадском и Красноводском уездах, а затем получил назначение на пост исполняющего должность начальника Мангышлакского уезда с центром в Александровском форте [А 1900; Соегов 1985 I: 23–24].

В октябре 1898 г. П.П. Шимкевич уезжает на лечение в Тифлис и в течение трёх месяцев, до 13 февраля 1899 г., находится в Тифлисском военном госпитале, где перенес операцию. Можно предположить, что его беспокоили старые раны, полученные в русско-турецкой войне, особенно находившиеся в его теле ржавшие пули или осколки снарядов и давшие о себе знать спустя много лет. Конечно же, он в госпитале не скучал, его постоянно навещал младший брат Александр Шимкевич, занимавший высокий пост городского архитектора.

Вернувшись в Туркмению, П.П. Шимкевич смог исполнять свои служебные обязанности начальника уезда лишь более года. Он умер в чине подполковника 30 марта 1900 г. в Александровском форте.

Данное военное укрепление, которое было основано русскими в 1847 г. (по другим источникам – в 1846 г.) на берегу Каспийского моря под названием Новопетровское и переименовано позже в Форт-Александровск, знаменито еще тем, что в нем провел свою семилетнюю ссылку великий украинский поэт-классик Тарас Шевченко (1814–1861), покинувший его в 1857 г. [Соегов 2011: 130–132]. Форт-Александровск имел морское сообщение с Астраханью, Красноводском и другими портами Каспийского моря. В советское время Александровский форт, который вошел в состав Казахской ССР, был переименован в г. Шевченко, а после распада СССР – в г. Актау.

Так в Александровском форте завершил свой жизненный путь П.П. Шимкевич. Возможно, там он и похоронен, хотя не исключено, что его тело морским и железнодорожным путем было перевезено в Ашхабад и здесь погребено. Ибо газета «Закаспийское обозрение» за 5 и 6 апреля 1900 г. оповещала читателей, что 6 и 7 апреля сего года в связи с кончиной П.П. Шимкевича в Ашхабадской

гарнизонной церкви будут отслужена панихида. [Со 1900 I; Со 1900 II; Соегов 1991: 91–93]. После его кончины в семье остались жена Анна Дмитриевна и единственная дочь.

Найти в настоящее время могилу П.П. Шимкевича по сохранившимся надгробным надписям на старых, давно недействующих христианских кладбищах Ашхабада (или Актау), по нашему мнению, не представляется возможным, так как в годы революций и гражданской войны, а также в первые годы советской власти часто наблюдались случаи вандализма над надгробиями царских офицеров.

Теперь очень кратко о двух младших братьях Павла Шимкевича. Самый младший брат – Александр, работая долгое время главным архитектором города Тбилиси, умер в 1907 г. Согласно данным соответствующих сайтов в Интернете, он был лютеранского вероисповедания и похоронен на бывшем немецком кладбище, на территории которого построена сегодняшняя евангелическо-лютеранская церковь. Среди превосходных зданий Тбилиси, построенных в свое время по проекту архитектора Александра Шимкевича, имеются Театр Руставели, здание Верховного суда, Тбилисская консерватория, а также сегодняшнее здание Посольства ФРГ.

Средний брат Шимкевичей – Петр (умер в 1920 г.), знаменит в истории изучения народов Севера и Приамурья как этнограф, автор книги «Материалы для изучения шаманства у гольдов» (Хабаровск, 1896. – 133 с.) и ряда интересных статей по этнографии. Именно он оставался в науке до последнего времени самым известным из трёх братьев.

Сам Павел Поликарпович Шимкевич вошел в историю русской тюркологии как один из первых туркменоведов, изучавших живой язык туркменского народа. В некрологе, помещенном в газете «Ашхабад» от 6 апреля 1900 г. в связи с его кончиной, отмечалось, что «являясь одним из образованнейших и полезнейших деятелей местной жизни, ... полезным тружеником», П.П. Шимкевич считался старожилом Закаспийской области и знатоком быта ее населения. Он все время занимался изучением туркменского языка, результатом чего явился выход в свет первого, а через семь лет второго издания его «Практического руководства для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области».

П.П. Шимкевич располагал богатой личной библиотекой, состоящей из книг по Востоку, в том числе рукописных. Об этом свидетельствует сообщение той же газеты: «Восточная библиотека покойного подполковника Шимкевича, о продаже которой у нас было объявлено, в значительной степени уже израсходована. Часть раскупили местные специалисты-востоковеды, а более 20 книг – областная общественная библиотека. Последняя, кроме того, получила в дар из этого собрания: «Руководство индустани» – Гильфердинга, переведенное капитаном Ягелло, «Грамматику индустани» и две рукописи на тюркских языках» [А 1900; Соегов 1991: 92].

«Руководство» П.П. Шимкевича – одна из немногочисленных работ по туркменскому языку, выполненных в прошлом веке, преследовало цель, как указано в самом его названии, ознакомить русскоязычного читателя с туркменским языком и тем самым помочь в овладении им. В предисловии автора ко второму изданию «Руководства», написанном в Красноводске 3 апреля 1899 г., после кратких сведений о его службе в Закаспийской области читаем: «С первых же шагов на этом, тогда новом для меня поприще я убедился в полной и безусловной необходимости знания наречия, без чего ни знакомство со страной, ни непосредственное общение с народом, столь необходимое при управлении послед-

ним, почти невозможны. Это положение разделял и бывший начальник Закаспийской области генерал-лейтенант А.Н. Куропаткин, при благосклонном и просвещенном содействии которого в 1892 году военно-учебным комитетом главного штаба было издано составленное мною «Краткое практическое руководство для ознакомления с наречием туркмен Закаспийской области».

Второй, переработанный и значительно дополненный выпуск «Руководства», который сослужил «службу не одному из желающих изучить» туркменский язык кроме упомянутого предисловия и краткого введения, имеет разделы «Грамматические упражнения. Разговорные фразы. Летосчисление, времена года, месяцы, дни недели. Страны света, ветры, компасы. Сравнительная таблица мусульманского и христианского летосчисления. Словарь русско-туркменский. Словарь туркменско-русский. Раздел «Разговорные фразы» составлен в виде тематического русско-туркменского разговорника и содержит вопросы и ответы на обоих языках по следующим темам: Встреча со знакомым. О путешествии. Отъезд. В дороге. В ауле. О торговле. В больнице. На охоте. На море.

С лингвистической точки зрения особый интерес вызывает раздел о грамматических особенностях туркменского языка («Грамматические упражнения»), который состоит из 25 упражнений. Языковые данные свидетельствуют о надлежащей подготовке и лингвистическом чутье автора. Все упражнения снабжены соответствующими парадигмами и таблицами, что способствует быстрому усвоению читателем того или иного материала. Приведены примеры склонения существительных и других имен по падежам. Автор точно определил число падежей в туркменском языке, их всего 6. Правильно описано образование множественного числа посредством аффикса *-лар/-лер*, а из словообразовательных средств упомянут аффикс *-чы/-чи*. Числительные разделены на количественные и порядковые. Выявлены некоторые особенности глагола как самостоятельной части речи. Образование будущего, настоящего и прошедшего времен глагола подкреплено соответствующими языковыми фактами. Как известно, в туркменском языке в отличие от других тюркских языков огузской группы форма будущего времени на *-джак/-джек* не принимает личные окончания. Это своеобразие туркменского языка везде отмечено. Даны краткие сведения о повелительном наклонении, отрицательной и вопросительной формах глагола, причастии и инфинитиве. Слова *бар*, *ёк*, *бол* рассмотрены автором как средства образования глагольных залогов (?).

Во «Введении» приводятся некоторые данные по фонетике туркменского языка. Так, например, автор пишет, что ударение в туркменских словах всегда падает на последний слог. Исключение составляют слова с безударными аффиксами. Как отличие туркменского языка от русского указано на наличие в нем гортанного согласного [h], специфических гласных [a], [õ] и других.

Приложенные к «Руководству» русско-туркменский и туркменско-русский словари составлены в алфавитном порядке и содержат переводы немалого количества слов из этих языков. Еще одно отличие книги от подобных дореволюционных изданий в том, что туркменские тексты в ней повсеместно написаны не арабскими, а русскими буквами. Почти все звуки туркменского языка нашли свое графическое изображение на письме посредством знаков русского алфавита. Это в значительной степени облегчило труд не искушенного в премудростях арабской графики русскоязычного читателя по овладению туркменской речью.

При всем достоинстве, по меркам того периода, когда было составлено пособие, оно не лишено недостатков и досадных ошибок. Укажем лишь на некоторые из

них. Еще в 1906 г. А.Н. Самойлович упрекнул авторов «Руководства» и некоторых других пособий по туркменскому языку «в отступлении без ясных оговорок от живой речи в сторону искусственных грамматических схем, во многом общих у туркменских и других южно-турецких наречий, например, османским, азербиджанским» [Поцелуевский 1975: 77]. Примером этого могут служить следующие предложения из «Руководства»: *демир йол биз гитсен тиз бараджак амма аз гьореджек* (с. 58); *менем атымни чекисини чек* (с. 61). Слово *дәт* везде заменено не свойственной туркменскому языку лексемой *дейль*. Сюда же следует отнести нехарактерные для туркменского языка словоформы типа *гел-ме-мек*, *яз-ма-ыб*. Неточная передача на письме отдельных звуков или вообще их опускание: *бир-* (*бер-*), *гил-* (*гел-*), *ил* (*йыл*) и т.д. По вине издателя на титульном листе в названии «Руководства» допущена опечатка: вместо *Практическое* напечатано *Практичесоке*.

«Предисловие» к своей книге П.П. Шимкевич заканчивает словами: «Льщу себя надеждою, что труд этот принесет пользу всякому желающему познакомиться с наречием туркмен». Можно с уверенностью утверждать, что «Руководство» полностью оправдало надежду своего составителя.

При всем этом удивляет скудость биобиблиографических данных о П.П. Шимкевиче, приведенных в таком солидном издании справочного характера, каким является «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дюктябрьский период» [БСОТ 1974: 292]. Во втором издании данного словаря практически повторяются те же сведения о П.П. Шимкевиче, что было в первом издании. Ослабление или отсутствие вообще надлежащих научно-информационных отношений между союзным центром и республиками в прошлом, а в настоящее время – между Российской Федерацией и странами СНГ в значительной степени повлияло и продолжает влиять отрицательно на уровень тюркологических разработок во всех без исключения этих странах.

В этом плане наше соображение созвучно со следующими заключительными словами статьи Д.М. Насилова «Российская тюркология наших дней», напечатанной в первом номере журнала «Российская тюркология» за 2009 г.: «Еще одна, не менее насущная задача российских тюркологов состоит в восстановлении общего информационного пространства с учеными-тюркологами стран СНГ. Это необходимо сделать, памятуя не только о бывших тесных связях, но и о том, что и российская тюркология, и тюркология в странах СНГ – это только части единой науки о большой семье тюркских языков и что тюркология в целом – это необходимая и неотъемлемая составляющая мировой лингвистики» [Насилов 2009: 7].

Частным, но весьма показательным примером для иллюстрации этого может служить то, что, по сообщению праправнучки Шимкевичей – Евгении Петровны Ворониной, работающей заместителем директора по научной работе и инновационной деятельности Информационно-библиотечного центра Российского государственного социального университета (Москва), работы о Павле Шимкевиче, изданные в Туркменистане не только на туркменском [Соегов 1993: 5–8] или турецком [Söyegov 2003: 8–9] языках, но и на русском языке (в частности, статья автора настоящих строк, опубликованная в туркменском академическом журнале в связи с 145-летием со дня рождения П.П. Шимкевича в 1991 г. [Соегов 1991: 91–93]), в библиотеках Москвы отсутствуют. В это же время она спокойно смогла ознакомиться с упомянутой нашей статьей на информационно-библиотечных сайтах Университета штата Индиана США.

ЛИТЕРАТУРА

- А 1900 – [газета] Асхабад, 1900, 6 апреля.
- БСОТ 1974 – Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / Под ред. и введ. А.Н. Кононова. – М.: Вост. лит., 1974. – С. 346.
- Валиев М.Т.* Петр Поликарпович Шимкевич // Цит. по: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3448 (06.04.2012)
- Зо 1900 I – Закаспийское обозрение, 1900, 5 апреля.
- Зо 1900 II – Закаспийское обозрение, 1900, 6 апреля.
- Калинкович Н.* Да разве исчезает все?.. // Туркменская искра, 1988, 30 июня.
- Насилов Д.М.* Российская тюркология наших дней // Российская тюркология, 2009, № 1. – С. 3–7.
- Поцезуевский А.П.* Избранные труды. – Ашхабад: Ылым, 1975. – С. 77.
- Соегов М.* Великий Кобзарь среди туркмен (взгляд через призму выполненных ранее работ) // Східний світ, 2011. № 4. – С. 130–140.
- Соегов М.* О первом практическом руководстве по туркменскому языку и его авторе // Памятники Туркменистана, 1985, № 1 (39). – С. 23–24 (имеется фото титульного листа книги П.П. Шимкевича).
- Соегов М.* Павел Поликарпович Шимкевич // Он чынар (Илкинжи туркмен дилчилери ве эдебиятчылары хақында очерклер). Ашгабат: Куяш, 1993. – С. 5–8 (на туркм.яз.).
- Соегов М.* П.П. Шимкевич и его пособие по туркменскому языку (к 145-летию со дня рождения) // Изв. АН Туркменистана. Гуманитарные науки, 1991, № 6. – С. 91–93.
- Соегов М.* Туркмен дили бозонча илкинжи практики голланма ве онун авторы хақында // Туркменистанын ядыгарликлери, 1985, № 1 (39). – С. 23–24 (имеется фото титульного листа книги П.П. Шимкевича, на туркм. яз.).
- Söyegov Muratgeldi.* Türkmençeyi Yeni Öğrenen Ruslar İçin Ders Kitapları (XIX-XX. Yüzyıl): Rus Ordusu Subayı Yarbay Şimkeviç, Ruslar İçin Türkmençe Ders Kitabını XIX. Yüzyılın Sonlarında 2 Kere Yayımladı // Bülten Press Uluslararası Türkmen Türk Üniversitesi'nin Aylık Yayın Organı, Yıl: 5 Sayı: 52. Magtymguly 2003. – Sayfa: 8–9.

***Soyegov, M.* 120th anniversary of publishing P.P. Shimkevich's manual on the Turkmen dialect of the Transcaspien region**

Summary. The article describes the life of Lieutenant Colonel Paul Polikarpovich Shimkevich (1856–1900), one of the royal officials of the Transcaspien region. He was the author of the manual "How to get acquainted with the Turkmen dialect of the Transcaspien region" (1892), which is one of the first books on the Turkmen language. The article analyzes its merits and shortcomings.

Key words: the Turkmen dialect of the Transcaspien region, P. P. Shimkevich, Turkmen manual.

ТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ИЯЛИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 20 ЛЕТ

Ф.А. Ганиев, г. Казань

Резюме. В статье представлен обзор научных исследований и публикаций по татарскому языку, осуществленных казанским Институтом языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова.

Ключевые слова: научный обзор, научные исследования, публикации, татарский язык.

Со дня организации Академии наук Республики Татарстан Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова вошел со своими языковедческими отделами в её состав. Прошло 20 лет. Вкратце остановимся на том, что сделано за это время в татарском языкознании.

Лексикография. В Татарии существует еще дореволюционная традиция составлять и издавать словари, достаточно вспомнить имена И. Гиганова, Ал. Троянского, Н. Остроумова, К. Насыри, М. Юнусова, С. Рахманкулова и др. В 50-х гг. XX в. институтом был подготовлен и издан 4-х томный капитальный «Русско-татарский словарь». В 1966 г. коллективом лексикографов был составлен «Татарско-русский словарь», который был издан в Москве. 1978–1981 гг. ознаменовались выходом в свет составленного на базе трехмиллионной картотеки большого 3-томного Толкового словаря, что явилось показателем высокого уровня развития татарской лексикографии.

За прошедшие 20 лет в результате интенсивной лексикографической работы было издано свыше 20 русско-татарских лексических минимумов по разным отраслям народного хозяйства и культуры в качестве пособий для изучения татарского языка на курсах и в кружках. Лексикографами института были подготовлены «Татарско-русский учебный словарь», «Русско-татарский словарь» (в нескольких вариантах для массового пользователя), «Толковый словарь составных глаголов», «Татарско-русский словарь личных имен и фамилий», «Татарско-русско-английский словарь», «Орфографический словарь татарского языка», однотомный «Толковый словарь татарского языка», двухтомный «Русско-татарский словарь», переиздан большой «Русско-татарский словарь».

Ждут публикации «Школьный толковый словарь татарского языка» и «Русско-татарско-английский словарь», рукописи которых уже несколько лет лежат в Татарском книжном издательстве. Завершено составление нового «Татарско-русского словаря» и «Словаря новых слов и новых значений».

Сейчас коллектив лексикографов занят работой над 4-томным «Толковым словарем татарского языка» объемом 450 авт. л., включающего примерно 150 тысяч слов (составление первого тома завершено).

Диалектология. Как известно, изучению диалектов в татарском языкознании всегда уделялось большое внимание. К настоящему времени защищено 7 докторских диссертаций по разным диалектам татарского языка: по

среднему диалекту Л.Залем (1955), по сибирским говорам Г.Х. Ахатовым (1965) и Д.Г. Тумашевой (1969), по островным татарским говорам Северного Кавказа Л.Ш. Арслановым (1982), по татарскому глаголу в ареальном освещении Ф.Ю. Юсуповым (1989), по историко-лингвистическим особенностям западноприуральского ареала татарского языка Д.Б. Рамазановой (1998), по этнолингвистическим аспектам говоров крещенных татар Ф.С. Баязитовой (1998), а также около 20 кандидатских диссертаций. Многие диссертации содержат ценные лексические приложения.

Институтом практически с первого дня его существования организовались диалектологические экспедиции в места, где проживают татары, выпускались труды по диалектологии. В настоящее время практикуются в основном комплексные экспедиции с включением в их состав и диалектологов.

Небольшой коллектив диалектологов института, используя материалы указанных докторских, кандидатских диссертаций и, безусловно, своих полевых работ, издал в двух томах монографию «Татар халык сөйләшләре» («Татарские народные говоры», 2008), в первой книге описываются говоры среднего диалекта, во второй – мишарского (западного) диалекта. Этот труд знаменует собой итог более полувековой деятельности татарских диалектологов.

Значительным явлением в тюркской диалектологии является также издание большого диалектологического словаря под названием «Татар теленен зур диалектологик сүзлеге» («Большой диалектологический словарь татарского языка», 2009), включающего около 40 тысяч слов. Он охватывает практически все источники, собранные татарскими диалектологами.

Завершается составление 3-го тома «Атласа татарских народных говоров». В него включены материалы народных говоров Западной Сибири и Нижнего Поволжья. В настоящее время готовится перевод материалов всех 3-х томов «Атласа» на цифровую платформу.

Татарская грамматика. В этот период крупным достижением института стало издание (1992–1999) трехтомной академической Грамматики татарского языка (на русском и татарском языках). Многие главы данной грамматики разработаны на качественно новом уровне. Это труд был отмечен награждением Государственной премией основных её авторов.

В настоящее время в институте разрабатывается функциональная грамматика татарского языка (морфология и словообразование). Разработка татарской грамматики и словообразования на принципах от семантики к форме не имеет аналогов в тюркологии. В рамках этой темы издана в 2009 г. книга «Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке». Особо следует отметить выход труда объемом в 45 печ. л. «Словообразование в татарском языке» (2010). Многие главы книги проливают новый свет на традиционные разделы татарской морфологии. Сейчас в институте готовится издание 3-томной академической грамматики татарского языка в новой редакции.

История татарского литературного языка. В институте ведется исследование также истории татарского литературного языка. Как известно, благодаря трудам таких ученых, как Л. Залей, В.Х. Хаков, Ф.С. Фасеев, М.Г. Усманов, Х.Р. Курбатов, М.З. Закиев, Ф.М. Хисамова, Ф.С. Хакимзянов, И.А. Абдуллин, Р.Г. Ахметьянов, М.И. Ахметзянов и др., раскрыта в основных своих чертах картина формирования и развития татарского литературного языка.

Как в свое время отметил Э.Р. Тенишев, «не имеется целостного систематического анализа истории какого-либо тюркского литературного языка». Это относится и к истории татарского литературного языка. Однако в последние годы интенсивно изучаются письменные памятники начиная с Булгарского времени, Золотой Орды и Казанского ханства. По этой тематике защищено свыше 20 диссертаций, благодаря которым сделан существенный шаг в изучении письменного наследия татарского народа. Перед институтом стоит важнейшая задача представить историю татарского литературного языка как целостную систему в её историческом развитии от этапа к этапу, как это предлагал Э.Р. Тенишев. При этом предполагается описать историю каждого уровня языка. В настоящее время написана и готова к изданию фонетическая часть большой работы.

Социолингвистика. Одним из важных и сложных направлений, разрабатываемых в институте, является изучение социолингвистических проблем функционирования государственных языков Республики Татарстан. Это обусловлено необходимостью сохранения родных языков, их дальнейшего развития. Основным принципом реализации языковой политики Республики Татарстан является принцип учета и рационального применения своего и зарубежного опыта языковой политики. Защищено несколько диссертаций по социолингвистике (Н.Х. Шарыпова, З.А. Исхакова, Ф.К. Сагдеева, Ф.М. Гаряев, Дж. Мустафина). В настоящее время в институте разрабатываются такие актуальные темы, как «Языковая ситуация и языковая политика в Республике Татарстан», «Языковая политика Республики Татарстан в контексте Европейской политики».

В дальнейшем на основе проведенных исследований будут выдвинуты комплексные предложения по развитию государственных языков, которые будут рекомендованы государственным структурам.

Ganiev, F. A. Tatar language studies at the Kazan Institute of Language, Literature and Art during the last twenty years

Summary. The article presents an overview of scientific research projects and publications on the Tatar language at the Kazan Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov during the last twenty years.

Key words: Tatar language research, publications on Tatar

**ТЮРКСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В БАШГУ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

М.В. Зайнуллин, г. Уфа

Резюме. В статье представлен обзор научных исследований и публикаций по башкирскому языку, осуществленных на кафедре башкирского языка БашГУ.

Ключевые слова: научный обзор, научные исследования, публикации, башкирский язык.

История кафедры башкирского и общего языкознания БашГУ берет начало с 20 октября 1930 г., когда в Педагогическом институте им. К.А. Тимирязева была образована кафедра башкирского языка и литературы и её заведующим был назначен проф. Л.Н. Воробьев, выпускник Лазаревского института восточных языков. В январе 1931 г. кафедру возглавил З.Ш. Шакиров (1881—1970), выпускник медресе «Мухам-мадия» в Казани (1902) и Московского народного университета им. А.Л. Шанявского (1915); с октября того же года по главе стал Г.Я. Давлетшин (1892—1937), автор ряда статей по проблемам орфографии и диалектологии, а также словаря «Башкорт теленен имла һүзлеге» (1930; «Орфографический словарь башкирского языка»), включающего более 10 тыс. слов, и первого учебного пособия по башкирскому языку для вузов «Башкорт дәүләт пединститутының ситтән тороп укыусылары эсән башкорт теленән дәреслек» (1935; «Учебник башкирского языка для студентов-заочников Башкирского государственного пединститута»); в 1936—1941 гг. кафедру возглавлял известный башкирский поэт Кадыр Даян (К.Х. Даянов); а в 1942—1947 гг. — вновь доцент З.Ш. Шакиров, который в течение многих лет преподавал башкирский и арабский языки. Он автор 50 работ. За большие заслуги в развитии башкирского языкознания ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки БССР» (1944), он награжден орденами Ленина (1954), Трудового Красного Знамени (1944) и медалями.

В разные годы на кафедре работали доценты А.А. Мансуров, У.Х. Хуснетдинов, З.Н. Аюханов, А.И. Харисов, А.Н. Баязитов, А.А. Галлямов, М.А. Ахметов, В.Ш. Псянчин, А.М. Азнабаев, Р.Ф. Зарипов, М.Г. Усманова, преподаватель арабского языка Р.Г. Гильманов и др.

Кафедра башкирского и общего языкознания образована в 1960 г. на базе кафедры башкирского языка и литературы. Заведующим был назначен видный ученый-тюрколог, основатель современной школы башкирского языкознания д. филол. наук, проф. Джалиль Гиниятович Киекбаев (1911—1968). С его именем связано начало интенсивного исследования наиболее актуальных проблем башкирского и тюркского языкознания. Им написаны такие фундаментальные труды, как «Башкорт теленен фонетикаһы» (1958; «Фонетика башкирского языка»), «Хәзерге башкорт теленен лексикаһы һәм фразеологояһы» (1966; «Лексика и

фразеология современного башкирского языка»), «Введение в урало-алтайское языкознание» (1972), «Основы исторической грамматики урало-алтайских языков» (1996), которые явились научной базой для становления и развития университетского филологического образования. Будучи проректором университета (1957—1961), он принимал активное участие в разработке учебных планов по гуманитарным наукам, большое значение придавал организации научно-практических конференций, симпозиумов и семинаров. Под его руководством на филологическом факультете были созданы университетские курсы «Введение в урало-алтайское языкознание», «Введение в тюркологию», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «Историческая грамматика башкирского языка» и др. По инициативе проф. Дж.Г. Киекбаева в 1965 г. состоялась Всесоюзная межвузовская научная конференция «Вопросы методологии и методики лингвистических исследований», а в 1966 г. — первая масштабная республиканская конференция, посвященная проблемам преподавания родного языка и литературы в средней и высшей школе. Под руководством Дж.Г. Киекбаева были созданы качественно новые учебники: в 1964 г. учебник для 5–6 классов башкирских школ, который выдержал несколько изданий, и в 1968 г. — учебник по башкирскому языку для педагогических училищ.

Продолжая эти традиции, кафедра башкирского и общего языкознания систематически проводит общероссийские и республиканские научные и научно-практические конференции. Традиционными стали конференции на темы: «Актуальные проблемы изучения и преподавания родного языка и литературы», «Научное наследие профессора Дж.Г. Киекбаева», «Языковые и культурные контакты народов РБ в условиях двуязычия», «Профессор Н.К. Дмитриев и актуальные проблемы тюртологии» и др. Современное башкирское языкознание достигло больших успехов в исследовании актуальных проблем башкирского языка. Написаны фундаментальные работы по грамматическому строю, лексическому составу и фразеологии, а также диалектологии и лексикографии.

Систематическое изучение башкирского языка началось в 20-е гг. XX в. Выдающийся тюрколог с мировым именем, основоположник башкирского языкознания член-корр. АН СССР, акад. АПН РСФСР проф. Н.К. Дмитриев (1898–1954) тесно сотрудничал с членами кафедры башкирского языка. Его фундаментальный труд «Грамматика башкирского языка» [1948] является первой научной академической грамматикой в истории башкирского языкознания. В 1950 г. в Уфе монография была издана в переводе на башкирский язык (авторы перевода Дж.Г. Киекбаев и А.И. Харисов). В 2008 г. в связи со 110-летием Н.К. Дмитриева его книга «Башкорт теленең грамматикаһы» была переиздана (научн. ред. М.В. Зайнуллин). Эта книга стала настольной книгой каждого тюрколога. Не случайно, на основе принципов описания грамматического строя башкирского языка были созданы научные грамматики ряда тюркских языков.

Особое внимание ученого привлекала лексика башкирского языка в связи с лексикой других языков, в частности, русского, арабского и персидского. Его перу принадлежат такие статьи, как «Арабские элементы в башкирском языке», «Русско-башкирские языковые отношения», «О тюркских элементах русского словаря» и др.

Таким образом, Н.К. Дмитриев является основоположником теории языковых контактов в тюртологии. Он за свою яркую короткую жизнь успел подготовить огромное число кадров высокой квалификации по всем тюркским языкам. Учениками Н.К. Дмитриева являются такие видные башкирские филологи, как

Дж.Г. Киекбаев, А.И. Харисов, Т.М. Гарипов, А.А. Юлдашев, Н.Х. Ишбулатов, Х.Г. Юсупов и многие др.

В настоящее время на кафедре работают следующие преподаватели: д. филол. наук, проф., академик АН РБ М.В. Зайнуллин (заведующий кафедрой), д. филол. наук, проф., член-корр. АН РБ Г.Г. Сантбатталов, д. филол. наук, проф. М.Х. Ахтямов, д. филол. наук, проф. Э.Ф. Ишбердин, д. пед. наук, проф. Р.Г. Азнагулов, д. филол. наук, и.о. проф. Х.В. Султанбаева, канд. филол. наук, доценты В.Ш. Хакимова, Ф.С. Искужина, З.Ф. Шайхисламова, Р.Я. Хуснетдинова, Г.А. Исянгулова, Ф.Б. Саньяров, канд. филол. наук, старший преподаватель Р.Р. Янмурзина.

Научно-исследовательская деятельность коллектива кафедры ведется по шести направлениям, четыре из которых курирует проф. М.В. Зайнуллин.

1. Закономерности развития башкирского языка на современном этапе.
2. Сравнительно-сопоставительное изучение башкирского и восточных языков.
3. Языки народов РБ (функционирование и взаимодействие).
4. Язык. Культура. Общество. Концептосфера башкирского языка и основные концепты башкирской языковой картины мира.
5. Грамматический строй современного башкирского литературного языка.
6. Сопоставительное исследование башкирского и русского языков.

Проф. Г.Г. Сантбатталов работает на кафедре башкирского и общего языкознания с 1953 г., с 1974 г. — заведующий кафедрой башкирского языка, с 1977 г. — профессор. Основные его труды посвящены проблемам синтаксического строя башкирского языка. Он автор более 200 научных работ, соавтор «Грамматики современного башкирского литературного языка» (М., 1981). С 1999 г. по 2008 г. издано 4 тома его избранных работ по стилистике башкирского языка. Г.Г. Сантбатталову присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки БАССР» (1988), «Почетный работник высшего образования Российской Федерации» (1998), он лауреат премии имени проф. Дж.Г. Киекбаева (1995).

Большой вклад в развитие башкирского языкознания внес д. филол. наук, проф. Н.Х. Ишбулатов (1928–2006); он в 1968–1973 гг. и 1978–1988 гг. работал заведующим кафедрой. Его научные исследования посвящены диалектологии, фонетике, морфологии, лексикографии. За научные заслуги ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки БАССР» (1980).

Значительная научная работа по сравнительному изучению лексики и грамматики урало-алтайских языков, в т.ч. и башкирского языка, ведется проф. Э.Ф. Ишбердиным. Он автор таких фундаментальных работ, как «Названия животных и птиц в башкирских говорах» (Уфа, 1970), «Историческое развитие лексики башкирского языка» (М., 1986), «Термины земледелия в башкирском языке» (Уфа, 2002); он также соавтор монографий «История башкирского литературного языка» (Уфа, 1993) и др. Проф. Э.Ф. Ишбердин — заслуженный деятель науки РБ (1995).

На кафедре активно ведется составление словарей различных типов. Особое внимание уделяется учебным словарям. Среди лексикографов особых успехов добились проф. М.Х. Ахтямов и Р.Г. Азнагулов. Из-под пера проф. Ахтямова вышло более 10 словарей: «Башкорт теленен омонимдар һүзлегө» (1966; «Словарь омонимов башкирского языка»), «Башкорт теленен антонимдар һүзлегө» (1973; «Словарь антонимов башкирского языка»), «Башкорт теленен кире һүзлегө» (1999; «Обратный словарь башкирского языка»), грамматические сло-

вари. Он является соавтором «Башкорт теленең һүзлегә» («Словарь башкирского языка»), который в 1993 г. издан в двух томах в Москве. Одним из крупных достижений башкирской лексикографической науки стало издание его уникального труда «Башкорт халыҡ мәкалләре һәм әйтемдәре һүзлегә» (Өфө, 2008; «Словарь башкирских народных пословиц и поговорок»). Проф. М.Х. Ахтямов является автором и соавтором многих учебников и учебных пособий. Им написаны «Хәзерге башкорт теле» (1978—1980; «Современный башкирский язык»), «Хәзерге башкорт теле: Лексикология» (1986; «Современный башкирский язык: Лексикология»), «Хәзерге башкорт теле. Аффиксаль һүзьяһалыш» (1994; «Современный башкирский язык. Аффиксальное словообразование»), «Хәзерге башкорт теле. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия, грамматиканың төп төшөнсаләре, морфемика, морфонология, һүзьяһалыш» (Өфө, 2002; «Современный башкирский язык. Фонетика, графика, орфография, орфоэпия, основные понятия грамматики, морфемика, морфонология, словообразование»), «Хәзерге башкорт теле. Лексикология, фразеология, лексикография» (2002; «Современный башкирский язык. Лексикология, фразеология, лексикография») и др.

В Башкортостане единственным доктором наук по специальности «Методика преподавания родного языка» является д. пед. наук, проф. кафедры Р.Г. Азнагулов. За последние 5 лет им издано 8 монографий, более 20 учебных и учебно-методических пособий. Широко известны его работы «Диалект шарттарында башкорт телен уҡытыу методикаһы» (Өфө, 2006; «Методика преподавания башкирского языка в диалектных условиях»), «Уҡытыуы үстереүҙән методикаһына инеш» (Өфө, 2009; «Введение в методику развивающего обучения»), «Хәзерге дәрес. Унын төрҙәре һәм уҡарыу методикаһы үзенсаләктәре» (Өфө, 2009; «Современный урок. Его виды, особенности методики проведения»), «Башкорт телен уҡытыу методикаһы: норматив методика» (Өфө, 2009; «Методика преподавания башкирского языка: нормативная методика») и др.

Д. филол. наук, проф. кафедры Х.В. Султанбаева является автором учебника по башкирскому языку для средней школы. Ею изданы монографии «Побудительность как функционально-семантическая категория» (1999), «Служебные части речи в современном башкирском языке» (2002), «Система служебных частей речи» (2006).

Область научных интересов кандидата филол. наук, доц. В.Ш. Хакимовой — теоретические проблемы лексикологии, морфологии и сопоставительного изучения башкирского и русского языков; З.Ф. Шайхисламовой — проблемы исторической грамматики, топонимики и лингвокультурологии; Р.Л. Хуснетдиновой — различные аспекты синтаксической теории башкирского языка; Ф.С. Искужиной — исследование текста; Г.А. Исянгуловой — проблемы изучения и преподавания башкирского языка в русскоязычной аудитории; заместителем декана по учебной работе доц. Ф.Б. Саньяровым подготовлен учебно-методический комплекс «Практический курс башкирского языка» (2008) для студентов исторического факультета, издана монография «Эпос «Урал-батыр»: опыт лингвистического исследования» (2006). Ф.Б. Саньяров имеет почетное звание «Заслуженный учитель РБ» (1997), награжден значками «Отличник просвещения РСФСР» (1992), «Отличник образования РБ» (2003), «Учитель года РФ» (2004).

С 1989 г. заведующим кафедрой работает д. филол. наук, проф., академик АН РБ М.В. Зайнуллин. Основные его научные интересы сосредоточены в области теории языка, башкирского языкознания, тюркологии и сопоставительного изучения башкирского и русского языков. Он также активно занимается во-

просами социолингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики. Им опубликовано 12 монографий, учебников, более 400 статей. Под его научным руководством защищено 7 докторских, 25 кандидатских диссертаций.

Им написаны монографии: «Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка)» (Саратов, 1986), «О сущности и границах категории модальности» (Уфа, 2000), «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2002, 2005); он является одним из авторов фундаментального научного труда «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М., 1981), «Общие проблемы лингвокультурологии» (Уфа, 2007; в соавт. с проф. Л.М. Зайнуллиной), «Введение в теорию языка» (не изд.), под его научным руководством готовится коллективная монография в 3 томах «Хәзерге башкорт әзәби теленең грамматикаһы» («Грамматика современного башкирского литературного языка»; не изд.).

По рекомендации акад. РАН Р.Б. Рыбакова и при поддержке Президента и Правительства РБ на факультете приказом ректора БашГУ от 2 апреля 2008 г. «О создании кафедры восточных языков» открыта кафедра восточных языков (действует с 1 декабря 2008 г.). На кафедре работают высококвалифицированные специалисты В.И. Аллакаева (выпускница арабского отделения Ин-та стран Азии и Африки при МГУ), Абдулла Манян (специалист по персидскому языку), И.З. Гафаров (выпускник Ташкентского университета), проф. Э.Ф. Ишбердин (прошел стажировку в Анкаре) и др.

Обязанности заведующего кафедрой исполняет канд. филол. наук, доцент Г.Д. Ибрагимов, который окончил 2 вуза: БашГУ и Анкарский университет. Он — автор более 80 научных статей, принимал участие в работе международных научных конференций в Турции, Египте, Франции, Азербайджане и т.д. Г.Д. Ибрагимов — лауреат Государственной молодежной премии им. Ш. Бабича (2003), член Союза писателей РБ и РФ.

Г.Д. Ибрагимовым в переводе на турецкий язык издан ряд крупных произведений устного народного творчества и башкирской литературы: «Башкирский народный эпос «Урал батыр» (Анкара, 1996), «Национальный герой и поэт башкирского народа Салават Юлаев» (Анкара, 2004) и др.

В настоящее время преподаватели кафедры ведут работу над монографией «Языки народов РБ (взаимодействие и функционирование)». В данной монографии рассматриваются типологические и функциональные особенности языков народов РБ. В частности, описан статус языков, функционирующих на территории республики, исследованы особенности речевого поведения народов, проживающих в многонациональном сообществе. Предложена новая социолингвистическая модель развития языков народов РБ. Монография состоит из вводной части и 5 глав: «Тюркская семья языков», «Славянская группа языков», «Угро-финские языки», «Языки национальных диаспор», «Изучение иностранных языков в РБ» и заключения.

Преподаватели кафедры принимают активное участие в создании многотомной «Башкирской энциклопедии».

Важнейшей задачей башкирского теоретического языкознания является исследование проблемы «Язык. Культура. Общество». Сегодня наша страна остро нуждается в совершенствовании духовной культуры. Развитие, сохранение и возрождение языков, каждый из которых имеет непреходящую культурную ценность, становятся весьма актуальной задачей. Изучение взаимосвязи языка и культуры — относительно новое направление в башкирском языкознании. Основным понятием лингвокультурологии является концепт, выражающий глав-

ные признаки национальной ментальности, ибо в языке отражаются не только результаты познавательной деятельности людей, но и эмоции, особенности быта, традиции народа. В связи с этим весьма актуальными проблемами в башкирском языкознании являются такие проблемы, как «Концептосфера башкирского языка», «Национальная языковая картина мира», «Национальная языковая личность» и т.д.

Сопоставительное и сравнительное изучение неродственных и родственных языков имеет не только большое теоретическое, но и прикладное значение. Прежде всего необходимы исследования по сопоставительному изучению русского и башкирского языков, т.к. эти языки являются государственными и большинство населения пользуется ими свободно. Дальнейшее развитие двуязычия, высокий уровень преподавания языков непосредственно связаны с достижениями контрастивной лингвистики.

Значительная работа по исследованию этой проблемы ведется на нашей кафедре: в 2009 г. защищены две кандидатские диссертации по данному направлению (Д.Д. Хисамова, Л.Н. Аюпова), изданы монографии и учебные пособия проф. М.Х. Ахтямова, доцента В.Ш. Хахимовой и др.

Значительная работа на кафедре ведется также по реализации Закона «О языках народов РФ», уделяется большое внимание подготовке кадров: факультет готовит специалистов-филологов по следующим специальностям: 1. Башкирский язык и литература; 2. Башкирский язык и литература, русский язык и литература; 3. Башкирский язык и литература и английский язык; 4. Башкирский язык и литература и немецкий язык; 5. Башкирский язык и литература и арабский язык; 6. Башкирский язык и литература и турецкий язык; 7. Башкирский язык и литература и персидский язык. Преподавателями кафедры написаны на высоком научно-теоретическом уровне учебники и учебные пособия.

Как видно из изложенного выше, кафедра ведет интенсивную научно-исследовательскую работу по актуальным проблемам башкирского и тюркского языкознания.

Развитие современной лингвистической теории ставит перед языковедами кафедры башкирского и общего языкознания новые проблемы. Основная задача коллектива кафедры — исследование структуры и системы языков на основе новых подходов, широко используемых в современной функционально-семантической и когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и лингводидактике.

Zaynullin, M. V. Turkic Linguistics at the Bashkir State University: unsolved problems and research perspective

Summary. The article presents an overview of scientific research on the Bashkir language at the Chair of the Bashkir Language at the Bashkir State University.

Key words: scientific research, Bashkir.

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Гайнутдинова А.Ф. Татар теленең исемләшкән сүзләр сүзлегенә [Словарь субстантиватов татарского языка]. – Казань, 2011. – 172 с.

Данный лексикографический проект является первым опытом разработки и составления словаря субстантивированных единиц татарского языка, работа над которым осуществлялась автором в рамках разработки теории частеречной транспозиции (субстантивации) и соответствующей методики анализа словообразования по конверсии в татарском и русском языках. Он содержит переводы субстантивированных слов, толкования и иллюстративные текстовые примеры, которые в совокупности представляют ценный в научном отношении и интересный языковой материал и могут быть полезны лингвистам, прежде всего лексикографам, переводчикам, а также широкому кругу читателей.

В Словарь включены субстантивированные слова различных частей речи татарского языка: субстантивированные имена прилагательные, имена действия, причастия, имена числительные, местоимения, подражательные слова, междометия, модальные слова, частицы, наречия и союзы. Общее количество зафиксированных и описанных единиц насчитывает более 1500 словарных статей.

Своей работой А.Ф. Гайнутдинова решает ряд вопросов, считающихся в современной лексикографии спорными и не решенными до сих пор в теории и практике составления словарей однозначного решения. Например, ею зафиксированы очень тонкие, подвижные границы перехода отглагольных образований (причастия и имени действия), вспомогательных частей речи (послелогов, союзов) в имя существительное и др.

Несомненно, задача создания словаря субстантивированных слов, отражающего особенности конверсионного словообразования, является весьма актуальной; её практическая реализация на примере рецензируемого труда является свидетельством успешного решения указанной проблемы.

Завершая оценку словаря А.Ф. Гайнутдиновой, необходимо ещё раз подчеркнуть его значение для теоретической и практической лексикографии. Помимо своей собственно лексикографической ценности, представленный автором в словаре материал показателен в качестве иллюстрации тех процессов, которые активизируются на современном этапе в словообразовательной системе татарского языка.

А.А. Тимерханов

докт. филол. наук, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова АН РТ

Arguncan M., Yüksekaya G.S., Tabaklar Ö. Karahanlıca, Harezmce, Kıpçakça dersler. – İstanbul: Kesit yayınları, 2010. – 368 s.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что данная книга является учебным пособием, изданным в рамках серии «Исторические тюркские наречия». Главы о трех письменных литературных языках средневековья – караханидском, хорезмийском и кыпчакском, написаны в справочном духе по единой форме подачи материала. Вначале дается краткая историческая справка о тех народах или государственных образованиях, чьи имена названы эти языки, описывается культурная ситуация в регионе, где складывались и функционировали эти литературные языки.

Авторы указывают и письменные памятники, на материале которых строят свои описания: для караханидского языка – это «Кутадгу билиг», «Дивану лугат ит-турк», «Атабат уль-Хакаиқ», переводы Корана; для хорезмийского языка – «Мукаддимаг аль-Адаб», «Кысае уль-Албийя», «Мугни уль-Мурид», «Мухаббат-наме», «Нахдж уль-Фарадис», «Мирадж-наме», «Сирадж уль-Кулюб» и т.д.

Естественно, основной упор сделан на раскрытие языковых особенностей этих памятников. Детально описано графо-фонетическое своеобразие текстов, охарактеризованы грамматические категории и строение предложений. К изданию приложены фотокопии из источников как образцы каллиграфических и языковых особенностей, что делает более доказательными позиции авторов, каждый из которых писал свой очерк, исходя из собственных положений. Это можно показать на примере термина «хорезмийский литературный язык», вынесенного в заголовок книги. Если автор очерка проф. Гюlden Сагол Юксекая считает данный язык самостоятельным, то автор очерка о кыпчакском языке Озджан Табаклар употребляет термин «хорезмско-золотоордынский». Здесь следует вспомнить мнение А.Н. Самойловича, что именно благодаря образованию империи чингизидов возникла благоприятная обстановка для формирования в данное время единого тюркского литературного языка, поэтому возникает потребность более детального рассмотрения вопроса о статусе хорезмийского литературного языка.

Ф.С. Хакимзянов

докт. филол. наук, Ин-т филологии и искусств КФУ

Yılmaz M. Çuvaşçadaki Arapça ve Farsça Kelimeler. – İstanbul: Renk Matbaası: 2011. – 158 s.

Примерно с 1990 г. в Турции возник интерес к изучению чувашского языка, чему способствовало признание чувашского языка, наряду с якутским, самостоятельным языком, характеризующимся большими отличиями от других тюркских языков. Рассматриваемое исследование построено на основе выборки лексического материала в основном из лексикографических трудов В.Г. Егорова и М.Р. Федотова. Автор М. Йылмаз составил картотеку из 141 арабского и 107 персидских слов, 5 слов классифицированы как арабо-персидские.

Особо ценным в данной работе является обращение автора к урало-алтайскому материалу, он сопоставляет и комментирует примеры из разных языковых семей. В некоторых случаях приведены и русские лексемы.

Автор в своем исследовании иллюстративный материал дает на основе латинской графики, что, на наш взгляд, вызывает определенные неудобства при восприятии сравнительного материала. Однако, ради справедливости, следует отметить, что им сделана попытка передачи чувашских гласных путем использования добавочных знаков, а арабские и персидские слова переданы также и арабскими буквами.

В книге отдельная глава посвящена исследованию фонетического освоения арабских и персидских заимствований в современном чувашском языке.

Несколько омрачают картину типографские недостатки в виде замены некоторых специфических букв математическими фигурами.

В целом, данная книга является полезной, поскольку в ней воедино собраны арабо-персидские заимствования и рассмотрены в сравнительном плане в разных письменных источниках и языках.

Д.Ф. Хакимзянова

канд. филол. наук, Ин-т филологии и искусств КФУ

Taş İ. Kutadgu Biliğ'de Söz Yapımı [Словообразование в «Кутадгу билиг»]. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2009. – 276 s.

Яркий образец караханидского литературного языка, представленный в «Кутадгу билиг», привлекает внимание ученых не только с точки зрения своего лексического богатства, но и с точки зрения способов образования слов.

Как известно, в Турции сводный текст «Кутадгу билиг» был опубликован в 1947 г. Решидом Рахмат Аратом (Рахматуллиным), в 1959 г. он издал перевод памятника на турецкий язык. На основе издания Арата в 1983 г. Р. Данкофф осуществил английский перевод памятника (с уточнениями).

Турецкий ученый Ибрагим Таш, также опираясь на публикацию Р.Р. Арата, вначале составил алфавитный словарь «Кутадгу билиг», затем, выделив корни, сгруппировал словообразовательные аффиксы на функциональной основе. Таким образом получились блоки с аффиксами, образующими: 1) имена от имен, 2) глаголы от имен, 3) имена от глаголов, 4) глаголы от глаголов. В книге имеются приложения: алфавитный индекс слов, индекс, составленный по гнездовому принципу; они, несомненно, увеличивают ценность издания.

Структура самого исследования напоминает таковую в словаре. В главах с соответствующими названиями (например, «Образование слов», «Суффиксы, образующие имена от имен») в виде заглавного слова представлен морфологический показатель (например, {+A}). Опираясь на мнения авторов фундаментальных исследований по тюркологии, вначале И. Таш раскрывает значение каждого аффикса, затем приводит в алфавитном порядке слова, в которых данный показатель выступает в словообразовательной функции, например, слово *kêçe* 'вечер, ночь' (489, 1506: 1606...), *kêçe* (734), *kêçeki* (5996) и т.д. Данные словоформы, по мнению И. Таша, образованы от корневой морфемы **kêç* 'вечер, вечернее время'. Для подтверждения своего мнения автор

ссылаются на исследования М. Рясянена и других тюркологов, а также на наличие этой лексики в фонетических вариантах в разных тюркских языках.

Применив последовательно указанную методику, автор представил всё словарное богатство «Кутадгу билик» и тем самым пополнил тюркологию еще одним надежным разысканием по историческому словообразованию.

Öner M. Türkçe yazıları. – İstanbul: Kesit yayınları, 2011. – 480 s.

Книга турецкого ученого М. Онера состоит из двух крупных разделов: в первом сконцентрированы статьи о тех или иных грамматических проблемах, вторая же часть книги посвящена турецкой лексикологии и лексикографии. Следует отметить, что книга скомпонована из статей автора, вышедших в различные годы и тех или иных изданиях.

Ряд статей сборника посвящен описанию способов словообразования в турецком языке (в сравнении с таковыми в среднетюркских письменных памятниках), структуре слова и фразы, грамматикализации модальных слов, значению аффикса *-dan/-den* в турецком языке. В состав сборника входит краткая грамматика татарского языка и краткая грамматика башкирского языка и др.

В статьях, составивших второй раздел книги, предложен ряд этимологий (например, слов *“yarlıq”, “jardim”, “barış”, “or-tor-çor”*), представлено мнение автора о лексическом богатстве киргизского словаря К.К. Юлакина, об общих словах в современных кыпчакских языках, о словарях татарского, башкирского и казахского языков, о византийских и греческих заимствованиях в лексике турецкого языка и др.

Ф.С.Хакимзянов

докт.филол.наук, Ин-т филологии и искусств КФУ

Stachowski Marek. Etimoloji. – Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, 2011. – 118 s.

Этимология считается одной из важных и трудных областей языкознания, поэтому фундаментальных работ в этой области не так много. Рассматриваемая книга польского ученого М.Стаховского, на наш взгляд, станет настольной книгой для многих исследователей. Автор является одним из известных представителей польской тюркологии, который, кстати, написал эту книгу по-турецки. Он стал известен в Турции с 1977 г., после перевода и опубликования М. Олмезом его труда «Словообразование в долганском языке» (*Dołganische Wordbildung*) в 7-ом томе Ежегодника исследований по тюркским языкам. В новой книге автор использовал широкий спектр примеров из тюркских (шире – урало-алтайских) и индо-европейских языков и на их базе доходчиво объяснил суть этимологии как науки и её основные принципы.

Названия разделов книги в то же время демонстрируют и методологию этимологических изысканий, перечислим их: 1) представление об этимологии и ее особенности, 2) народная этимология, 3) заимствованные слова: критерии различия, 4) заимствованные слова: адаптация, 5) раскрытие и затемнение анализа, 6) правила оценки этимологий и т.д. В целом в работе 9 разделов.

Особенно интересные примеры автором раскрыты комплексно, с полным анализом слова. В конце работы приведены источники, сокращения и перечень лексем, использованных в качестве примеров с адресным указанием (например, *proszek* Leh. 7.4a, *proška* Rus. 7.4a, *prouška* Yak. 7.4a и т.д.). Это дает возможность заинтересованным лицам быстро находить нужный им материал. К тому же список источников составлен с учетом их легкодоступности.

В книге описываются те сложности и проблемы, с которыми приходится сталкиваться исследователю при рассмотрении заимствований. Они следующие: исторические критерии, фонетические критерии, объединенные историко-фонетические критерии, категориальные критерии, семантические критерии, филологические критерии, критерии безысходности.

На наш взгляд, автор с особой тщательностью освещает вопросы о заимствованной лексике. М. Стаховски отмечает, что вынесение суждений о заимствованиях не так просто, как кажется на первый взгляд, он делает упор на осмысление каждого фонетического процесса.

Несомненно, данный труд в известной мере заполняет пробелы в этимологических исследованиях в тюркологии.

М.Озшихин

д-р филологии, ун-т Коджатеппе, Турция

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ХРОНИКА

Международная тюркологическая конференция «Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков» (Казань)

21–24 октября 2011 г. в Казанском университете состоялась Международная тюркологическая конференция «Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков», посвященная памяти профессора Казанского университета, академика Д.Г. Тумашевой.

В первый день работы конференции ее участники возложили цветы на могилу доктора филологических наук, профессора, действительного члена Академии наук РТ, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан и Российской Федерации Диляры Гарифовны Тумашевой, похороненной на мусульманском кладбище г. Казани.

22 октября состоялось торжественное открытие конференции, в котором приняли участие Ильшат Гафуров – ректор Казанского (Приволжского) федерального университета, Зия Валеева – заместитель Премьер-министра РТ, Д.М. Насилов – профессор Института стран Азии и Африки МГУ, Дания Загидуллина – академик и главный научный секретарь Академии наук РТ, Луиза Самситова – декан факультета башкирской филологии БФПУ, Лейсан Абдулхакимова (Тумашева) – профессор КФУ. Вед заседание директор Института филологии и искусства КФУ доктор филологических наук, профессор Р.Р. Замалетдинов.

Ильшат Гафуров поздравил всех собравшихся с началом работы научного форума. «Конференция посвящена памяти очень яркой личности – Диляры Тумашевой. За существенный вклад в изучение родного языка она была удостоена множества наград, стала действительным членом Академии наук РТ. Ее ученики успешно работают во благо науки и продолжают тот великий труд, который вела Диляра Гарифовна в течение полувека. В республике живут представители самых разных тюркских народов, и, изучая языки, культуру, мы можем лучше понять друг друга, поэтому считаю, что актуальность конференции носит и политический характер».

Научная деятельность Диляры Тумашевой представляет собой весомую страницу в истории развития татарского языкознания и науки тюркологии в целом. С приветственным словом на конференции выступила Зия Валеева: «Мы возлагаем большие надежды на данную конференцию, потому что она призвана не только возвысить неоценимый вклад Диляры Гарифовны в науку, но и решать проблемы современности. Раньше мы и представить не могли, какими темпами будет идти процесс глобализации. Сегодня, наряду с проблемами экономики, промышленности, стоит и проблема сохранения родных языков. Думаю, будет целесообразно создать рабочую группу по разработке механизмов, отработке проблемных вопросов».

Родившаяся в Сибири и получившая высшее образование в Московском государственном университете, Диляра Гарифовна всю жизнь посвятила служению родному народу. Пятьдесят лет она трудилась в Казанском государственном университете. Изучая в течение нескольких десятилетий татарские диалекты Западной Сибири, воспитала целую плеяду диалектологов. Широкое признание получили ее исследования по современному татарскому литературному языку. Возглавляя в течение почти трех десятилетий кафедру татарского языка, затем кафедру восточных языков КГУ и будучи деканом историко-филологического факультета, Диляра Гарифовна внесла большой вклад в развитие гуманитарного образования в Казанском университете.

Работа шести секций конференции была сосредоточена вокруг вопросов следующей проблематики:

1. Научно-теоретическое наследие Д.Г. Тумашевой. Современные исследования по истории и диалектологии тюркских языков.
2. Актуальные проблемы тюркской лексикологии и лексикографии.
3. Исследование грамматической структуры современных тюркских языков.
4. Сравнительно-историческая тюркология и алтаистика.
5. Литература и культура тюркских народов: история и современность.
6. Состояние и перспективы обучения родным, в том числе тюркским языкам.

Участники Конференции отметили актуальность и значимость научного наследия Д.Г. Тумашевой для современного состояния изучения тюркских языков и диалектов, расширения диапазона исследований грамматической структуры, лексики и истории современных тюркских языков с привлечением новых достижений лингвистической науки.

В работе конференции участвовали известные ученые из Турции, Китая, Болгарии, Казахстана, Узбекистана, Азербайджана, Украины, а также Москвы, Башкортостана, Чувашии, Пермского края, Татарстана, Юменской области и др.

Материалы конференции были изданы в виде сборника «Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: Сб. материалов Международной тюркологической конференции, посвященной памяти профессора Казанского университета Д.Г. Тумашевой (21–24 октября 2011 г.) / под ред. Р.Р.Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2011. – 536 с.»,

Ф.Ш. Нуриева,

докт. филол. наук, Ин-т филологии и искусств КФУ

К 85-летию со дня рождения В.Х. Хакова. Выездная Региональная научно-практическая конференция студентов и аспирантов

17 сентября 2011 г. в селе Кильдураз Буинского района Республики Татарстан прошла выездная Региональная научно-практическая конференция студентов и аспирантов, посвященная 85-летию со дня рождения заслуженного профессора Казанского государственного университета Вахита Хозятовича Хакова. Данная конференция была организована кафедрой истории татарского языка и тюркского языкознания отделения татарской филологии Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета и проведена на родине ученого.

Для участия в конференции было принято 104 заявки, в т.ч. студентов, аспирантов, магистрантов Казанского федерального университета, Тобольской государственной социально-педагогической академии, Чувашского государственного университета, Удмуртского государственного университета, Башкирского государственного университета, Старлетамакской государственной педагогической академии, Альметьевского государственного института муниципальной службы, а также учащиеся и учителя общеобразовательных школ Буинского района РТ, гимназии № 19 г. Казани.

На пленарном заседании были заслушаны доклады доктора филологических наук, профессора кафедры современного татарского языка КФУ Ф.М. Хисамовой, доктора филологических наук, профессора факультета журналистики и социологии КФУ И.М. Низамова, доктора филологических наук, старшего научного сотрудника ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, профессора Ф.Г. Гариповой, аспирантки факультета татарской филологии КФУ Л.Н.Закировой, студентки 4 курса А.А.Батрахановой.

В ходе конференции работали секции: «Жизнь и научная деятельность В.Х.Хакова и значение его трудов для развития тюркологии», «Тюркские и финно-угорские языки», «Литература, история и культура тюркских и финно-угорских народов», «Актуальные проблемы стилистики». Всего на пленарном и секционных заседаниях конференции выступило 52 человек.

По результатам выступлений 16 лучших докладов были награждены грамотами и премиями имени заслуженного профессора Казанского университета Вахита Хозятовича Хакова.

Материалы конференции были изданы в виде сборника: Хаковские чтения-2011. Материалы региональной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной памяти заслуженного профессора Казанского государственного университета Вахита Хозятовича Хакова / Науч.ред. Ф.Ш. Нуриева; сост. Х.Х. Кузьмина, Л.Н. Закирова. – Казань: Ичлас, 2011. – 216 с.

Ф.С. Хакимзянов

докт.филол.наук, Ин-т филологии и искусств КФУ

ПРОТОКОЛ

Пленума РКТ – Годичного, 2012 года, собрания Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук Российской Академии наук совместно с редколлегией и редсоветом журнала «Российская тюркология», руководством Фонда поддержки тюркологических исследований и представителями исследовательских и образовательных тюркологических центров Российской Федерации

Москва, 3 февраля 2012г.

Присутствовали: *Кормушин И.В.* – председатель РКТ, Ин-т языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Насилов Д.М.* – зам. председателя РКТ, Ин-т стран Азии и Африки при МГУ, д.ф.н., проф.; *Дыбо А.В.* – зам. председателя РКТ, Ин-т языкознания РАН, д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН; *Экба З.Н.* – ученый секретарь РКТ, Ин-т языкознания РАН, к.ф.н.; *Алиев Ж.К.* – председатель землячества турков-месхетинцев «Ватан»; *Алишина Х.Ч.* – член РКТ, Тюменский госун-т, д.ф.н., проф.; *Алишеева Т.А.* – Ин-т востоковедения РАН, к.ф.н.; *Бичелдей К.Н.* – Федеральный ин-т развития образования, д.ф.н.; *Благова Г.Ф.* – член РКТ, Ин-т языкознания РАН, д.ф.н.; *Болатов Ю.Х.* – поэт, член Союза писателей России; *Борсаякова Т.Г.* – член РКТ, Хакасский госун-т им. Н.Ф.Катанова, д.ф.н., проф.; *Ганиев Ф.А.* – член РКТ, Ин-т языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, д.ф.н., проф., член-корр. АН РТ; *Глазиев А.А.* – Ин-т тюркологии, Москва; *Закиев М.З.* – член РКТ, Ин-т языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, д.ф.н., проф., академик АН РТ; *Кузнецов А.В.* – Чувашский гос. Ин-т гуманитарных наук, к.ф.н.; *Кыдласов И.Л.* – член РКТ, Ин-т археологии РАН, д.и.н.; *Латфуллина Л.Г.* – Московский гос. педагогический ун-т, к.ф.н.; *Миннуллин К.М.* – член РКТ, Ин-т языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, чл.-корр. АН РТ; *Мудрок О.А.* – член РКТ, Российский гос. гуманитарный ун-т, д.ф.н., проф.; *Натольнова Е.М.* – Ун- Озбегин, Турция, к.ф.н.; *Низамитдинов Х.И.* – АФН, Москва; *Невская И.А.* – член РКТ, Ин-т филологии СО РАН / ун-т г. Франкфурт, Германия, д.ф.н., проф.; *Новгородов И.Н.* – Северо-восточный федеральный ун-т, д.ф.н., проф.; *Нуриева Ф.Ш.* – член РКТ, Казанский госун-т, д.ф.н., проф.; *Осанова Е.А.* – Ин-т стран Азии и Африки МГУ, к.ф.н.; *Попова Н.И.* – Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д.ф.н., проф.; *Рассадин*

В.И. - член РКТ, Калмыцкий госун-т, д.ф.н., проф.; *Рыкин П.О.* - член РКТ, Ин-т лингвистических исследований РАН, к.и.н.; *Савельев А.* - Ин-т языкознания РАН, аспирант; *Сарбашева С.Б.* - член РКТ, Горно-Алтайский госун-т, к.ф.н., доц.; *Сметцов П.А.* - член РКТ, Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, д.ф.н., проф.; *Телицин Н.Н.* - Санкт-Петербургский госун-т, восточный факультет, к.ф.н., доц.; *Туусужекова В.Н.* - член РКТ, Хакасский НИИ языка, литературы и истории, д.и.н., проф.; *Тыбыкова Л.Н.* - член РКТ, Горно-Алтайский госун-т, к.ф.н., доц.; *Чеченов А.А.* - член РКТ, Ин-т языкознания РАН, д.ф.н., проф.; *Щека Ю.В.* - член РКТ, Ин-т стран Азии и Африки МГУ, д.ф.н., проф.

Заседание открыл председатель РКТ *И.В.Кормушин*. Он представил присутствующих на заседании участников годовичного собрания.

Была принята следующая повестка дня:

1. Доклад Бюро РКТ о текущей работе и перспективах деятельности Комитета на 2012-2013 гг. - докладчик председатель РКТ, д.ф.н. *И.В.Кормушин*
2. Об издании журнала «Российская тюркология» - докладчик зам. председателя РКТ, главный редактор РТ, д.ф.н. *Д.М.Насилов*
3. О перспективах крупных исследований по тюркским языкам России - докладчик зам. председателя РКТ, зав. Отделом урало-алтайских языков ИЯз РАН, д.ф.н. чл.-корр. РАН *А.В.Дыбо*
4. Содоклады о работе региональных тюркологических центров - докладчики с мест.
5. О тюркологических конференциях в 2012-2013 гг.
6. Разное.

Слушали 1. Доклад Бюро РКТ о текущей работе и перспективах деятельности Комитета на 2012-2013 гг. - докладчик председатель РКТ, д.ф.н. *И.В.Кормушин* - полный текст доклада *И.В.Кормушина* размещен на сайте www.turcologia.org и публикуется в журнале «Российская тюркология», № 3 (6).

Слушали 2. Об издании журнала «Российская тюркология» - докладчик зам. председателя РКТ, главный редактор РТ, д.ф.н. *Д.М.Насилов*

За прошедший период была проделана определенная работа для того, чтобы журнал стал ВАКовским. Удалось выйти на тираж 200 экземпляров. Печать перевели из Казани в Москву, что должно значительно ускорить и облегчить работу редколлегии. Журнал постепенно выходит на международный уровень, есть авторы из Узбекистана, Казахстана и других республик постсоветского пространства. Хотелось бы иметь больше статей из Турции и других европейских стран. Мы заинтересованы в статьях академического плана, с тем, чтобы повысить научную значимость журнала. Призываю подписываться через Роспечать, стоимость одного экземпляра - 350 руб. Можем ли мы публиковать статьи на европейских языках?

Вопросы и обсуждение

В прениях по докладу выступили: *А.В.Дыбо, И.В.Кормушин, Х.Ч.Алмашина, Е.А.Оганова, Т.А.Аникиева, И.А.Невская*

А.В.Дыбо: С одной стороны, правильно было бы печатать статьи на русском и тюркских языках, но ВАК требует включения английского языка как рабочего. Это важно, в первую очередь, для того, чтобы войти в международные каталоги. Хорошо было бы включить в качестве рабочего языка и немецкий, который для тюркологов даже более актуален, чем английский.

Д.М.Насилов: Международный каталог требует не только использования английского языка как рабочего, но и приложения к каждой статье резюме на английском языке.

И.В.Кормушин: Мы задумывали журнал в первую очередь для того, чтобы привлечь зарубежных ученых печататься на русском языке. Нам важно, чтобы было поступление научных идей, которые распространялись бы на территории России, с тем, чтобы

помочь отечественному читателю. Так что зарубежные ученые могли бы выступать через журнал «Российская тюркология», адаптируя свои выступления для нашего читателя. Приоритет будет отдаваться статьям на русском языке, но с обязательным резюме на английском.

А.В.Дыбо: А как Вы относитесь к переводам, например, классических работ по тюркологии, с немецкого языка?

И.В.Кормушин: Я считаю, что более рационально было бы опубликовать такие труды в виде сборников, наподобие «Зарубежной тюркологии». Но сама идея переводов зарубежных трудов правильна.

Д.М.Насилов: Есть ли предложения и замечания по оформлению и макетированию? Другие вопросы, касающиеся деятельности журнала?

Х.Ч.Алишина: Хотелось бы видеть в журнале рубрику по защите новых диссертаций. Приглашаю ученых принять участие в предстоящих в Казани

5-х Тумашевских чтениях. Что касается журнала, то предлагаю ввести в редколлегию от Татарстана Замалетдинова Залифа Рифкатовича как активного и перспективного ученого.

Д.М.Насилов: Призываю присылать в редакцию информацию о вышедших книгах, мы стараемся ее отразить. Представляю Вам молодого ученого Елену Оганову, которая отвечает в журнале за литературоведческое и культурологическое направления. Давайте попросим Елену Александровну и Татьяну Александровну сказать несколько слов о деятельности редколлегии.

Е.А.Оганова и Т.А.Амихеева: Призываем активно подписываться на наш журнал, на сегодняшний день через Роспечать подписаны всего 8 адресатов. Тюркологическое сообщество столкнулось с отсутствием единого информационного поля, которые нам необходимо создать, и просим всех поддержать эту идею. В глобальной сети Интернет образовано закрытое сообщество «Тюркология», в котором могут зарегистрироваться наши ученые. Целью создания такого сообщества является распространение информации об ученых, представление их трудов (перечень монографий и статей), желающие могут выкладывать также и тексты своих работ. Кроме того, предполагается обмен новостями в текущем режиме (информация о конференциях, защитах и т.д.) Можно сделать ссылки на другие тематические сайты.

И.А.Невская: Хотелось бы в каждом номере иметь информацию о подписке на журнал.

Слушали 3: О перспективах крупных исследований по тюркским языкам России – докладчик зам. председателя РКТ, зав. Отделом урало-алтайских языков ИЯЗ РАН, д.ф.н. чл.-корр. РАН А.В.Дыбо.

На сегодняшний день наиболее важной задачей отечественной тюркологии я бы обозначила участие в большой коллективной работе по созданию корпусов языков народов России, которая ведется на базе Ин-тов ОИФН РАН под общим руководством академика В.В. Иванова, члена-корреспондента В.А. Плунгяна и моим. Большая проблема имеется со звуконосителями. Почти доделан автоматический морфологический анализатор, что позволит иметь грамматические тексты. Предусмотрено глоссирование. Аналогичная работа была проделана по шорскому языку, но она приостановлена. Есть проект по народам Севера, диалекты языков Поволжья, есть корпус для башкирского языка, но для работы над диалектами надо объединяться.

Новые грамматики необходимы по ряду языков в связи с тем, что меняется языковая ситуация, а также появляются новые возможности фиксации языкового материала. С составлением глоссированных корпусов эта задача становится более легко выполнимой.

Для первичного описания достаточно было бы около 50 тысяч фраз из различных языковых жанров – эпос, газета, роман, разговорный язык и т.д.

Вопросы и обсуждение.

В прениях по докладу выступили: *И.В.Кормушин, И.А.Невская, Д.М.Насилов.*

И.В.Кормушин: Означает ли создание корпуса необходимость создания новых грамматик?

И.А.Невская: В Германии, например, давно перешли на исследования на базе корпусов. Поэтому для России проект по созданию электронных корпусов считаю очень современным и перспективным.

А.В.Дыбо: Да, кроме проекта по созданию корпусов мы планируем создание Полного этимологического словаря тюркских языков. В его основу будет положен словарь Севортяна плюс этимологические словари отдельных языков.

Д.М.Насилов: Эта задача автоматически ставит перед нами проблему подготовки кадров. Нам нужны молодые ученые, которые включились бы в такую работу.

Слушали 4: Содоклады и выступления членов РКТ – руководителей региональных тюркологических структур о работе на местах.

Содоклад В.Н.Туусековой: Представляю вашему вниманию издание двух номеров журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая». Первый номер посвящен истории, второй – филологии. Тираж – 500 экземпляров. Презентация журнала пройдет 8 февраля.

В прошлом году отмечали 20-летие республики, прошли мероприятия, в том числе международные конференции. Ежегодно выставляем на сайте труды ученых нашего Ин-та. За год издается до 20 научных монографий.

В этом году исполняется 150 лет великому нашему ученому Н.Ф.Катанову, в связи с этим в Хакасии 2012 год объявлен годом Катанова. Планируется поездка ряда наших сотрудников в Стамбул для работы с библиотекой Катанова. Другая группа ученых направится в Казань для совместной работы с коллегами из Татарстана. Кроме того, ведется работа над созданием монографии «История российской тюркологии», это совместная работа хакасских и татарских тюркологов.

Планируется публикация переписки Н.Ф.Катанова, материалы находятся в национальном архиве в Казани. Планируется переиздание его дореволюционных работ, так как труды Катанова по Сибири и Восточному Туркестану издавались только в Берлине в 1943–44 гг.

Кроме того, я являюсь членом геральдической комиссии, которая утвердила государственную медаль им. Н.Ф.Катанова за выдающийся вклад в научные исследования по общей тюркологии, а также в области истории и современного состояния языков, литератур, этнографии, истории и археологии народов Саяно-Алтая. Предлагаю выдвинуть кандидатов на награждение.

Вопросы к докладчику:

Г.Ф.Благова: Планируется ли издание материалов экспедиций? Кроме того, сохранилось письмо Мелиоранского, которое интересно было бы найти и опубликовать.

В.Н.Туусекова: Да, для этого планируется поездка в Казань для работы в архиве, так как большая часть экспедиционных материалов не опубликована.

Приглашаю всех присутствующих принять участие в Международной конференции, посвященной Н.И.Катанову, которая будет проходить 16–19 мая.

Содоклад Т.Г.Борсояковой: Начало нашего сегодняшнего собрания обнадеживающее. В 21 веке необходимо укреплять информационное пространство, что будет привлекать молодых ученых.

Ситуация в Хакасии не проста. На ее примере можно наблюдать ситуацию с языками малых народов в целом в России. Хакасский государственный университет подвергся структурному реформированию. Объединены три структуры – филологический факультет, факультет иностранных языков и Ин-т саяно-алтайской тюркологии. На все филологические направления выделено 60 бюджетных мест. Объединены научные лаборатории нашего Ин-та и университета. Остро стоит вопрос подготовки научных кадров. За 16-летнюю историю Ин-та не произошло ни одной докторской защиты. Отделение хакасской филологии испытывает проблему с набором – бюджетная группа должна состоять не менее чем из 25 студентов. Необходимо омолаживать научные кадры, усилить подготовку магистров и аспирантов. Поставлена цель организовать «встроенное обучение», т.е. наладить обмен между студентами из других университетов.

К юбилею Н.Ф.Катанова был создан и представлен прекрасный фильм «Судьба инородца». Полноценно оценить вклад человека можно, только зная исходные условия его жизни. Жизнь и деятельность Катанова – хороший воспитательный пример для современной молодежи. В связи с юбилейным годом наш университет выступил с инициативой проведения международного конгресса «Наследие Н.Ф.Катанова».

Соавклад П.А.Слепцова: В 2008г. Якутский Ин-т гуманитарных исследований был объединен с Ин-том малочисленных народов Севера, теперь все проблемы решаем совместными усилиями. Другие четыре Ин-та объединил в себе Северо-восточный государственный университет.

Новое направление в якутском языкознании: создаем Указатель литературы по якутскому языку. Планируется создание функциональной грамматики якутского языка. Ведется работа над многотомным большим толковым словарем на русском и якутском языках. Еще один наиболее значимый проект – «Язык якутского эпоса».

Выступление Н.И. Поповой: О планируемых конференциях в Якутии в 2012г. По финансовым соображениям три предполагаемых конференции объединены в одну, которая состоится в октябре.

Выступление М.З.Закеева: В РКТ работают в основном языковеды. Все они очень достойные люди, но как бы нам привлечь к нашей работе литераторов и историков? В регионах тоже много говорится об этом, но положение не меняется.

В Татарстане 2012 год объявлен годом Г. Тукая, планируется проведение научных конференций в Татарстане и в Турции.

После распада Советского Союза тюркологическая наука сильно ослабла, но в последние годы в таких республиках, как Казахстан и Туркменистан, положение улучшается. Серьезные исследования на сегодняшний день ведутся и в Татарстане. Ведущей организацией является Ин-т языка, литературы и искусства, большую помощь оказывает нам и Академия наук Татарстана.

И.В.Кормушин: Наш комитет – национальный, который имеет целью общение с зарубежными коллегами. Мы стремимся иметь подушку независимости в виде нашего Фонда, о котором мы сегодня еще поговорим. Наша задача – идти по пути независимости от государственного бюджета.

Выступление Ф.Ш.Нуриевой: Татарские ученые являются членами различных комитетов и комиссий, работая во благо наших языков. 1 сентября 2011 г. Казанский университет и пять факультетов педагогического Ин-та были объединены в Отдел филологии и искусств в составе Федерального университета. Наша кафедра открывает докторантуру по языкам и литературе. В Казани за истекший период были проведены конференции, посвященные Д.Г. Тумашевой, В.В. Радлову, 21 марта впервые планируется проведение виртуальной конференции.

Выступление А.А. Глашева: Год назад силами бизнесменов и предпринимателей, неравнодушных к судьбе тюркологической науки, был создан Фонд поддержки тюркологических исследований. Фонд является юридическим лицом, некоммерческой, негосударственной организацией, находящейся в тесном сотрудничестве с РКТ. Основной задачей, стоящей перед Фондом, является поддержка интересных научных проектов. У тюркологов появится свой орган, который будет оказывать финансовую помощь, прежде всего, в публикации научных трудов, а также финансировать поездки на научные конференции и проведение научных мероприятий (конгрессов, конференций и др.)

Выступление Х.Ч.Алишиной: В продолжение темы предыдущего выступления, в Татарстане имеется большой опыт жертвования на благотворительность. Надо сказать, что это очень характерно вообще для тюркских народов.

Среди недавно вышедших изданий хочется отметить и поблагодарить авторов сборника «Диалекты тюркских языков» за этот прекрасный труд, в котором собраны замечательные статьи.

Обращаю ваше внимание на то, что среди нас нет тюркологов – туркмен, азербайджанцев, казахов, узбеков, и мы практически не владем информацией о том, что происходит в научной жизни тех республик, где проживают эти народы. Кроме того,

здесь уже отмечалось, что помимо языковедов, в нашем комитете должны быть представлены и литераторы, и историки, и этнографы, и фольклористы.

Представляю вам прекрасный сборник «Тумашевские чтения», изданный ТюмГУ по материалам очередной конференции. В Тюменском университете остро стоит вопрос о создании лаборатории по изучению диалектов сибирских татар. Здесь вот уже 20 лет работает Отдел татарского языка и литературы.

Выступление Т.М.Хаджиевой: Много лет работаю в Ин-те мировой литературы. Исследуя эпос тюркских народов, нахожу очень много параллелей с алтайской, кавказской мифологией, нарским эпосом. Издаваемая в Советском Союзе серия «Эпос народов СССР», сейчас продолжается выпускаться под названием «Эпос народов Европы и Азии». В эту серию включены эпосы всех тюркских народов, они переводятся на турецкий язык и издаются в Турции. В эпических произведениях тюркских народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии находятся параллели с эпосами хакасов, тувинцев и шорцев. Призываю к профессиональному сотрудничеству фольклористов всех регионов.

В заключение призываю ученых посетить научную библиотеку в Хельсинки, в которой очень много интересных, не известных широкому кругу читателей, материалов.

Туужекова В.Н.: У нас в республике тоже имеется неплохой рукописный фонд.

Содоклад В.И.Рассадина: Большую часть своей научной деятельности я посвятил взаимодействию тюркских и монгольских языков. Основные мои труды посвящены исследованию тофаларского языка, практически никому не известному до 1963 г. Были упоминания о нем в работах Н.Ф. Катанова и Кастрена, но не было единого мнения, является ли он отдельным языком, или каким-то диалектом, подвергшимся монгольскому влиянию.

Тогда я решил применить прием «включенного наблюдения»: на протяжении 35 лет я проживал среди носителей языка и собрал богатый материал. Имея достаточно много сведений по грамматике и фольклору по просьбе местных жителей я создал письменность и букварь тофаларского языка, с 1989 г. ввел обучение в школе. Таким образом тофаларский язык обрел письменность. Сейчас ведется работа над словарем тофаларского языка, задумано написание грамматики. В результате своих научных изысканий я опроверг версию о том, что тофаларский язык является диалектом тувинского: фонетика этих двух языков принципиально разная, а лексика не сходится даже наполовину.

Другое направление моей научной деятельности – изучение языка сойотов, малочисленного народа, занимающегося оленеводством. Это тюркский народ, который долгое время ошибочно считался частью бурятского. Сейчас продолжаю работать над Сойотско-бурятско-русским словарем. Книга о сойотах вышла на английском языке в Венгрии. Последнее время, благодаря усилиям правительства Бурятии, сойоты восстанавливают свой традиционный промысел и образ жизни. Сойоты занесены в Красную книгу народов РФ (численность около 2 тыс. чел.)

Кроме того, в Калмыкии проживает значительное число турков-месхетинцев, которые в свое время были вытеснены сначала из Средней Азии, потом из Краснодарского края. Многие из них уехали в Америку, а часть людей переселилась в Калмыкию, где проживает по сей день, занимаясь в основном земледелием. Последние несколько лет я собираю материал по языку турков-месхетинцев, предварительно приняв кириллицу за письменную основу. Составлен словарь примерно на 1,5 тысячи слов, он также включает в себя иллюстративный материал в сопоставлении с калмыцким языком. Опубликовал статью «Звуковой строй турецко-месхетинского языка», в которой пришел к выводу о том, что по фонетике этот язык близок к эрзурумскому диалекту турецкого языка. В ближайших планах составление букваря турецко-месхетинского языка на кириллице, который должен показать своеобразие этого языка и отличие его от турецкого литературного языка.

Готовится к изданию монография с предварительным названием «В поисках тюркско-монгольского праязыка», которая включает в себя материалы по словообразованию, формообразованию, лексике и словоизменению знаменательных частей речи.

Выступление А.В.Кузнецова: Начиная с 1994 г. наша организация носит название «Чувашский государственный университет гуманитарных наук». В 2010 г. мы провели IV тюркологическую конференцию на тему «Чувашский язык и этнос в истории Евразийской цивилизации». Наиболее значительным проектом, над которым работает сегодня наш небольшой коллектив, является подготовка Большого чувашско-русского и русско-чувашского словаря.

Выступление И.Н.Новгородова: Основное направление моей научной деятельности - это изучение якутско-тунгусских языковых связей, с привлечением работ зарубежных авторов. В результате своих научных изысканий я пришел к следующим выводам:

1. Никакого тунгусского субстрата в якутском языке нет.
2. Доказано прямое генетическое родство звенков и звенгов.
3. Якуты и финны имеют общий генотип.

Несмотря на значительные достижения в якутском языкознании, остается много нерешенных вопросов. Например, до сих пор нет точного ответа, является ли долганский язык самостоятельным языком или диалектом. На сегодняшний день достаточно хорошо известна история якутов до 14 века, более ранний период подлежит изучению. Ин-т гуманитарных исследований готовит к изданию «Этимологический словарь якутского языка», ведется активная работа по изучению якутских диалектов.

Выступление С.Б.Сарбашевой: В этом году нашему отделению выделено 12 бюджетных мест. На протяжении вот уже пяти лет проводится Всероссийская студенческая олимпиада. налажен обмен со студентами из Казахстана.

За 2011 год были опубликованы следующие наиболее значимые работы: «Социолингвистические исследования», «Толковый словарь алтайского языка (буква А)», «Теоретические вопросы алтайской грамматики», «Языки и литературы народов Горного Алтая».

Выступление И.А.Невской и Л.Н.Тыбыковой: Мы представим новое издание, результат многолетней работы «Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая», который включает в себя историю создания и описание 90 рунических надписей. В Каталоге представлена и новая нумерация памятников – по году их нахождения.

Несмотря на то, что проделана огромная экспедиционная и исследовательская работа, предстоит еще решить немало задач. Открытыми остаются вопросы хронологии, впереди нас ждет сравнительно-историческое исследование и перевод материалов на английский язык с тем, чтобы о наших достижениях мог узнать зарубежный читатель.

Выступление Л.И.Чебодаевой: Изучение и возрождение хакасского языка – основная задача, которая стоит сегодня перед нами. Сегодня мы сталкиваемся с тем, что имеем достаточно много литературы по хакасскому языку, но некого учить. Сложная ситуация не только с родным, но и с русским языком в национальной школе.

Содоклад М.В.Бавуу-Сюрюн о работе подразделения РКТ в Туве (зачитан председателем РКТ И.В.Кормушиным)

Выступление Х.И.Низамитдинова: рассказал о своей поездке и выступлении на конгрессе «Докириллическая славянская письменность».

Выступление Н.Н.Телицина: об истории создания Восточного факультета СПбГУ; о работе кафедры тюркской филологии; информация о новой монографии по восточным литературам.

Выступление П.О.Рыкина: презентация книги «Турские стелы XV века» (авторы В.Ц.Головачев, А.Л.Ивлиев, А.М.Певнов, П.О.Рыкин).

Слушали 6: члена РКТ, д.и.н., проф. В.Н.Тусузекову, о представлении к награждению Медалью Н.Ф.Катанова ряда ведущих тюркологов России.

Выступили: д.ф.н., проф. А.А.Чеченов, д.ф.н., проф. Ф.Ш.Нуриева, д.ф.н., проф., академик Якутской академии наук П.А.Слетцов, д.ф.н., проф., академик АН РТ М.З.Закиев.

Постановили: учитывая выдающийся вклад в научные исследования по общей тюркологии, а также в области истории и современного состояния языков, литератур, этнографии, истории и археологии народов Саяно-Алтая членов РКТ:

- д.ф.н., проф. Кормушина Игоря Валентиновича,
- д.и.н., Кызласова Игоря Леонидовича,
- д.ф.н., проф. Насилова Дмитрия Михайловича,
- д.ф.н., проф., чл-корр. РАН Дыбо Анну Владимировну,
- д.ф.н., проф. Расадина Валентина Ивановича --

выдвинуть в качестве кандидатов на награждение Медалью имени Н.Ф.Катанова.

В принятой в заключение Резолюции пленума РКТ в постановляющей части отмечено следующее:

1. Считать приоритетными направлениями на ближайшую и средне-срочную перспективу развитие корпусной лингвистики по тюркским языкам России как часть большого исследования, проводимого под руководством Отделения Историко-филологических наук РАН. Необходимо наладить планомерную организацию коллективов по сбору и глоссированию оригинальных текстов разных жанров на тюркских языках, что явится в недалеком будущем основой для составления грамматик нового поколения.

Организовать и провести в 2012–14 гг. серию конференций и коллоквиумов по проблематике корпусной лингвистики, а также – в отдельных республиках – по вопросам совершенствования систем национальных алфавитов на кириллической основе.

2. Продолжить работу по выводу издаваемого Комитетом журнала «Российская тюркология» в число рецензируемых ВАКовских изданий. Добиваться расширения подписки. Нарастивать участие иностранных ученых, считая приоритетной задачей представление их научных позиций русскоговорящим тюркологам на русском языке.

3. Сосредоточить усилия членов РКТ на привлечении спонсоров к наполнению кассы вновь созданного Фонда поддержки тюркологических исследований. Обратиться к руководству вузов и научно-исследовательских Ин-тов с кафедрами и отделами тюркологического профиля внести посильный финансовый вклад в бюджет ФПИ.

Протокол составлен и подготовлен к печати
Ученым секретарем РКТ к.ф.н. Эмба З.Н.

PERSONALIA

АЛИЙ АХМАТОВИЧ ЧЕЧЕНОВ

(К 60-летию ученого)

Алий Ахматович Чеченов родился 25 мая 1952 г. в с. Дон-Арих Чуйского района бывшей Киргизской ССР. После 1957 г., в связи с восстановлением государственности балкарцев и карачаевцев и возвращением прежнего названия республики – Кабардино-Балкария, семья вернулась на историческую родину.

В 1975 г. А.А. Чеченов заканчивает историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета (КБГУ) по специальности «филолог, преподаватель балкарского языка и литературы и русского языка и литературы». В этом же году он поступает в аспирантуру Института языкознания РАН, в отдел тюркских и монгольских языков. С 1978 г., после окончания аспирантуры, начинает работать в отделе урало-алтайских языков ИЯ РАН младшим научным сотрудником (1978–1986), старшим научным (1986–1997), а затем и ведущим научным сотрудником (с 1997). Ученую степень кандидата филологических наук получил защитив диссертацию «Язык "Codex Sumanicus" и его отношение к западнокыпчакским языкам» (ИЯ АН СССР, 1992). Это исследование было опубликовано в виде монографии «Язык памятника "Codex Sumanicus" (14 в.) в ареальном освещении: Методологические материалы» (М., 1978).

Докторскую диссертацию «Историческая фонетика карачаево-балкарского языка» ученый защищает в ИЯ РАН в 1996 г. В 1999 г. ему присваивают звание профессора.

А.А. Чеченов является признанным специалистом в области исторической грамматики и лексикологии тюркских языков, истории духовной культуры тюркских народов, средневековой истории Кавказа и Предкавказья. Им опубликовано более 150 научных трудов, в том числе и ряд монографических исследований. Среди них можно назвать следующие.

В 1996 г. опубликована монография «Историческая фонетика карачаево-балкарского языка». В этой работе А.А. Чеченов стремился показать воздействие внутри- и внешнеязыковых факторов на историческое развитие фонетической системы карачаево-балкарского языка после его выделения из кыпчакского праязыка, то есть проследить отражение в карачаево-балкарском языке и его диалектах фонетических явлений, унаследованных от исходного пратюркского и кумано-кыпчакского языка-основы, и путем сравнения с близкородственными тюркскими языками выявить основные тенденции развития этих явлений в современном карачаево-балкарском языке.

Автор своей работой еще раз продемонстрировал, что фонетическая система карачаево-балкарского языка мало чем отличается от фонетической системы ближайшего своего предка – кумано-кыпчакского языка, унаследовавшего соответствующую систему фонем от общекыпчакского языка и – через его посредство – от протюркского языка-основы. Так, система вокализма современного карачаево-балкарского языка последовательно отражает систему вокализма кумано-кыпчакского, общекыпчакского и пратюркского диахронических состояний. Существенных исторических изменений в системе вокализма карачаево-балкарского языка не было, что, в свою очередь, свидетельствует о

сравнительно позднем его выделении и обособлении в самостоятельный язык. Иначе говоря, доли исторических корреляций в фонетической системе карачаево-балкарского языка весьма и весьма незначительны и фонетические изменения, чередования и сдвиги не имеют глубокой исторической перспективы. Система консонантизма карачаево-балкарского языка, в отличие от системы вокализма, не составляет строго симметрической системы и не обладает такой прочной устойчивостью: консонантизм в определенной мере предстает относительно открытым и подверженным инновациям. Поэтому здесь при реконструкции вычленяется пласт проникновений из внесистемных языков, причем влияние последних затронуло и систему исконных согласных, в результате чего, например, в малкарском диалекте появились фонетические сдвиги типа: $\xi > c$, $\zeta > z$, $q > x$, $p > f$ и др. Существенно расширили консонантную гамму карачаево-балкарского языка заимствования из кавказских, иранских (осетинского), персидского, арабского, русского и других языков. Однако следует подчеркнуть, что система консонантизма общекипчакского языка-основы при этом сохранилась в общенациональном карачаево-балкарском языке.

В результате проведенного комплексного исследования автор приходит к следующим выводам. Абсолютным временем распада кумано-кыпчакского языка-основы на карачаево-балкарский, кумыкский, карaimский и крымско-татарский следует признать период крушения Золотой Орды. Формирование собственно карачаево-балкарского народно-разговорного языка и его диалектной системы происходило уже в постзолотоордынский период непосредственно в предгорьях и отрогах Центрального Кавказа под непосредственным влиянием собственно кавказского и алано-осетинского субстрата.

В монографии «Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев» (М., 1996) освещаются вопросы становления и развития карачаево-балкарского общенационального языка и его диалектной системы в тесной связи с ходом формирования и дальнейшего исторического развития карачаево-балкарского народа. В работе широко используются историко-лингвистические данные древнебулгарских, средневековых печенекско-огузских, кыпчакско-половецких и кыпчакско-огузских памятников языка в их соотношении и сравнении с диалектными данными карачаево-балкарского литературного и народно-разговорного языка. Здесь также уделяется внимание соотношению фонетических данных близкородственных кумано-кыпчакских языков: кумыкского, карaimского, крымско-татарского, и канглыско-кыпчакских языков: казахского, каракалпакского, ногайского, а также урало-поволжских кыпчакских языков: татарского и башкирского языков. Рассматривая лингвогенез карачаевцев и балкарцев, А.А. Чеченов считает, что, в конечном итоге, лингвистические истоки современных карачаевцев и балкарцев через общекипчакское состояние восходят к прототюркской арханке, однако обособление собственно карачаевцев и балкарцев из западнокыпчакского (кумано-половецкого) массива произошло только в позднем средневековье. Поэтому нет серьезных оснований говорить о непосредственной преемственности между древними булгарами и современными карачаевцами и балкарцами. Однако вместе с тем нельзя исключать и наличие определенного древнебулгарского субстрата в современном карачаево-балкарском языке, который, по специфическим булгаро-чувашским фонетическим признакам, достаточно легко выявляется на уровне лексики. Основу современного карачаево-балкарского языка в Юго-Восточную Европу занесли в середине XI века кыпчакские племена (куманы – в западных, половцы – в русских источниках) – общие предки карачаевцев, балкарцев, кумыков, карaimов и крымских татар.

Всесторонне проанализированный в данных монографиях А.А. Чеченова разнородный фактический материал по фонетическим и комбинаторно-ассимилятивным изменениям гласных и согласных карачаево-балкарского языка и его диалектов позволил автору осветить кардинальные аспекты генезиса, ареально-территориального и диалектного членения, а также диахронических контактов карачаево-балкарского языка.

В коллективном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология» (М., 1988) А.А. Чеченовым написан раздел «Словообразование имен су-

ществительных), в котором рассмотрены основные наиболее продуктивные общетюркские словообразовательные аффиксы.

В другом томе этой сравнительно-исторической грамматики – «Региональные реконструкции» (М., 2002), в разделе о кыпчакской группе тюркских языков А.А. Чеченову принадлежит глава о реконструкции вокализма. Основанием для реконструкции системы вокализма пра-кыпчакского языка-основы послужили главным образом материалы 10 современных кыпчакских языков с их диалектами — кумыкского, карачаево-балкарского, караимского, северных диалектов крымскотатарского, ногайского, каракалпакского, казахского, татарского, башкирского и барабинского, автором привлечены также материалы киргизского и, реже, южных диалектов алтайского языка, репрезентативный эмпирический материал из известных письменных памятников кыпчакских языков — куманско-половецкого («Codex Samaritanus»), мамлюкско-кыпчакского и армянско-кыпчакского. Проведенный анализ регулярных и спорадических корреляций пра-кыпчакских гласных звуков первого слога в абсолютном начале слова и в медиальной позиции в языках средневековых письменных памятников кыпчакского круга и в современных кыпчакских языках и диалектах, осуществленный на обширном репрезентативном эмпирическом материале, позволил выявить основные закономерности регулярных, позиционных и обусловленных иноязычным влиянием качественных и количественных изменений, имевших место в истории вокализма кыпчакских языков.

Труды А.А. Чеченова по истории карачаево-балкарского языка заложили фундамент для дальнейших монографических исследований по всем уровням этого языка на основе компаративистских методов.

Разработанная ученым периодизация истории карачаево-балкарского языка, а также стратификация содержащихся в нем иноязычных субстратных, суперстратных, адстратных и инстратных явлений и фактов стала основой для дальнейших сравнительно-исторических исследований и позволила избежать в дальнейшем панхронизма в исторических штудиях по этому языку.

Кыпчакская проблема была и остается одной из важнейших в исследованиях этноязыкового прошлого многих тюркоязычных народов, а также юга Древней Руси. Однако кыпчакские языки и не столь многочисленные памятники кыпчакских языков, оставшиеся нам в наследство от предшествующих эпох, изучены крайне неравномерно и в целом недостаточно. Работы А.А. Чеченова, опирающиеся на достижения современной тюркской компаративистики, вносят вклад и в решение указанных этнолингвистических проблем.

Научную работу А.А. Чеченов сочетает с активной научно-организационной деятельностью. В течение многих лет он работал ученым секретарем диссертационного совета по языкам народов РФ при ИЯ РАН. Большое внимание ученый уделяет деятельности Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, укреплению внутривосточных и международных научных связей тюркологов. Свидетельством признания научных и организационных заслуг является присуждение А.А. Чеченову Союзом турецких писателей почетного звания «Человек года» (1992); он лауреат премии Абдель Азиза Сауда аль Бабтина (Кувейт, 1997) и Заслуженный деятель науки Чувашской Республики (2002).

Коллеги-тюркологи, поздравляя юбиляра, желают ему крепкого здоровья и долгих лет активной творческой деятельности на благо российской тюркологии.

*М.Е. Алексеев,
А.В. Дыбо,
И.В. Кормушин,
Д.М. Насилов*

ЭЛЬВИРА АЛЕКСАНДРОВНА ГРУНИНА (К 85-летию ученого)

В ноябре 2011 г. исполнилось 85 лет со дня рождения и 55 лет педагогической и научной деятельности одного из ведущих отечественных тюркологов – доктора филологических наук, заслуженного профессора Московского университета Э.А. Груниной. Ее работы широко известны российским востоковедам; они получили также высокую оценку в зарубежной литературе, где отмечается как актуальность проблематики ее исследований, так и их методологическое новаторство в решении проблем исторической грамматики тюркских языков. Э.А. Грунина является видным представителем московской тюркологической школы, вся активная педагогическая и научная деятельность юбиляра более полувека протекает на кафедре тюркской филологии Московского университета.

Эльвира Александровна Грунина родилась 26 ноября 1926 г. в Москве в семье служащего.

В 1949 г. она закончила курс Восточного отделения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова с квалификацией «филолог-тюрколог» и там же осталась в аспирантуре. В 1952 г., после окончания аспирантуры, Эльвира Александровна начала преподавать на кафедре тюркских языков филофака. Первые годы ее преподавательской деятельности были связаны с узбекским языком, по которому она обеспечивала все программные курсы: теоретическая грамматика узбекского языка, историческая грамматика узбекского языка, история узбекского литературного языка (с чтением памятников), узбекская диалектология, сопоставительная грамматика русского и узбекского языков.

Начиная с 1956 г., уже на кафедре тюркской филологии Института стран Азии и Африки при МГУ, ее интересы (в соответствии с планами ИСАА) сосредоточились на турецком языке. В 1983–95 гг. Э. А. Грунина заведовала кафедрой тюркской филологии ИСАА.

За 55 лет преподавательской работы Эльвира Александровна обеспечила сохранение и развитие необходимого круга общих тюркологических дисциплин, введенных еще Н.К. Дмитриевым.

Тюрколог широкого профиля, она способствовала возрождению прерванной традиции османистики московской востоковедческой школы, поставив постоянное преподавание на кафедре османско-турецкого языка, продолжающееся доныне и охватывающее в настоящее время не только студентов-филологов, но и историков.

Лекционным курсам Эльвиры Александровны свойственны широта и глубина охвата языкового материала, его максимальная концентрация и ясность изложения, обеспеченная обилием иллюстративного материала и фундаментальностью научной базы.

Свою научную деятельность Э. А. начала как синтаксист. Ее первой монографической научной работой была кандидатская диссертация «Сложноподчиненное предложение в современном узбекском литературном языке». Несколько позже основные части этого исследования были опубликованы в обобщающем коллективном труде «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», инициатором и научным руководителем которого был Н. К. Дмитриев. В разделе этого труда, озаглавленном «Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке» обсуждались спорные вопросы о критериях квалификации придаточного предложения в тюркских языках – вопросы, которым в те годы уделялось повышенное внимание в теоретической

грамматике тюркских языков и которые вызвали тогда обширную полемику среди тюркологов.

Занимаясь турецким языком, Э.А. Грунина обратилась к изучению исторического развития морфологических категорий этого языка. Прежде всего, в центре внимания ученого оказались категория глагола в аспекте грамматической теории. Фундаментальное исследование «Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении)» было защищено в 1975 г. как докторская диссертация. В этом труде прослежена история становления категории (начиная с ранних периодов формирования турецкого языка на территории Малой Азии), а также показана историческая преемственность грамматических форм от предшествующего периода существования огузских племенных языков и их контактирования с другими группами древних тюркских диалектов.

Использование приемов функционально-семантического изучения языковых фактов в диахронической перспективе позволило Э.А. Груниной обратиться также к проблеме функционального развития других категорий глагола, в частности категорий наклонения и залога в истории турецкого и других языков.

В своей научной деятельности Э. А. тесно сотрудничает с коллективом тюркологов Института языкознания РАН. Она является одним из рецензентов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (Морфология), 1989» и «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (Лексика), 2001», созданных в ИЯз РАН. Вместе с Э.Р. Тенишевым она выступала рецензентом «Этимологического словаря тюркских языков» – два выпуска на буквы «К» и «Қ» (1997 и 2000), тома на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» (2003).

Сотрудничество с Институтом языкознания особенно активизировалось в последнее десятилетие, когда в Секторе тюркских и монгольских языков разрабатывалась близкая Э.А. Груниной тематика. Так, в пятом томе «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (Региональные реконструкции)» ею написан большой раздел «Огузская группа (глагол)». Э.А. Грунина, как ведущий специалист по турецкому языку, взяла на себя написание большого раздела о диалектах турецкого языка в коллективной работе «Диалекты тюркских языков», составляющей часть фундаментальных «Основ тюркского языкознания», пока еще не законченных.

На необходимость изучения турецких диалектов в их полном объеме в середине 30-х гг. указывал еще А. Н. Самойлович. Тогда он возлагал на Н. К. Дмитриева «обязанность организовать как следует изучение в СССР анатолийско-турецкого языка во всем его обширном объеме». В ту пору эти планы не могли быть осуществлены. Через 70 лет эту ответственнейшую задачу приняла на себя Э.А. Грунина, верная ученица и продолжатель дела Николая Константиновича. Ею впервые для русского читателя было дано в упомянутой работе представление о диалектном пространстве современной Турции.

Юбилар в своих исследованиях стремиться увязать языковое состояние некоторых островных турецких говоров с теми этноисторическими условиями, в которых они существуют, а также осветить вопрос о кавказском субстрате в отдельных говорах.

Э.А. Грунина является автором ряда замечательных учебных пособий, долгие годы активно используемых в учебном процессе. К ним относятся уникальное «Пособие по переводу с русского языка на турецкий» (ротапринт) и «Учебное пособие по османско-турецкому языку».

Выступая за всемерное развитие общей и сравнительной тюркологии в отечественных вузах, Э. А. долгие годы работала над подготовкой уникального учебника второго тюркского языка, имея целью обоснование необходимости фундаментального тюркологического образования. Одним из ее ярких творческих достижений как ученого-исследователя, так и преподавателя-практика явился учебник «Туркменский язык», насыщенный богатым лексическим и грамматическим материалом, точными фонетическими и лексикологическими наблюдениями, интересными текстами и продуманными упражнениями. Такой учебник стабильно обеспечивает изучение еще одного из огузских языков в ИСАА МГУ. Новое исправленное и дополненное издание вышло в свет в 2011 г. под названием «Учебник туркменского языка для стран СНГ» (в 2-х частях), общественная презентация которого состоялась на юбилейном заседании в честь ученого в Восточном отделе ГПБ.

Своими учебниками Э. А. продолжила традицию научного фронтального изучения туркменского языка, заложенную российскими учеными А.Н. Самойловичем и А.П. Пошеуевским.

В настоящее время Э.А. Грунина продолжает работать на кафедре тюркской филологии ИСАА в качестве профессора-консультанта. Она оставила за собой чтение спецкурсов по турецкой диалектологии и османским памятникам, т. е. спецкурсов, необходимых для подготовки специалистов по той и другой квалификации.

Э.А. Грунина регулярно участвует в научных тюркологических конференциях, в том числе и международных.

По инициативе Э.А. Груниной – с целью восполнить утраченную интенсивность научного общения тюркологов – на кафедре тюркской филологии в ИСАА МГУ с 1993 г. проводятся ежегодные «Дмитриевские чтения» и публикуются их материалы в виде выпусков «Вопросов тюркской филологии». В чтениях систематически участвуют тюркологи Москвы, а также представители других тюркологических центров России и ближайшего зарубежья.

Много внимания Э.А. Грунина уделяла установлению и развитию научных контактов, читала лекции в Ташкентском и Казанском госуниверситетах.

За вклад в изучение тюркских языков Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu) Э.А. Груниной присвоено звание члена-корреспондента (20.10.2000 г.). Заслуженный профессор МГУ, она представлена своими достижениями в почетной книге «Московский университет в женских лицах (биографический словарь)» [Московский университет 2004: 385–386].

Свою трудовую жизнь юбиляр делит на две половины – педагогическую и научную, – отдавая предпочтение последней и сожалея, однако, о том, что сделано в ней «всё же мало».

Эльвира Александровна снискала и теплые слова, и добрую память в сердцах всех тех, кто у нее учился, – ее называют «преподаватель-легенда». Она умеет привить своим ученикам любовь к тюркологической науке, ее традициям и к тем, кто эту науку создал.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Э.А. ГРУНИНОЙ

Грунина Э.А. Сложноподчиненное предложение в современном узбекском литературном языке / Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1952.

Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 3. Синтаксис. – М., 1961. – С. 135–163.

Грунина Э.А. Соотношение форм настоящего и будущего времени по памятникам турецкого языка XIII–XVI вв. // Вопросы тюркской филологии. – М., 1966. – С. 74–106.

Грунина Э.А. Форма времени на *-a / -e* по памятникам турецкого языка // Тюркологический сборник. М., 1966. – С. 28–36.

Грунина Э.А. Вопрос о норме в изучении истории турецкого языка // Вестник МГУ. Востоковедение, 1970, 1. – С. 60–66.

Грунина Э.А. К вопросу о письменной традиции в анатолийских памятниках XIII–XIV вв. // Советская тюркология. 1971, 4. – С. 98–104.

Грунина Э.А. Указательные местоимения в истории турецкого языка // Структура и история тюркских языков. – М., 1971. – С. 223–237.

Грунина Э.А. Формы перфекта в тюркских языках юго-западной группы // Вестник МГУ. Серия 14. Востоковедение. 1974, 2. – С. 58–67.

Грунина Э.А. Индикатив в турецком языке (в сравнительно-историческом освещении) / Дис. ... докт. филол. наук. – М., 1975.

Грунина Э.А. О форме настоящего-будущего *-р* в тюркских языках // Тюркологические исследования. – М., 1976. – С. 94–111.

Грунина Э.А. К истории семантического развития перфекта *-miş* // Советская тюркология. 1976, 1. – С. 12–26.

Грунина Э.А. О языке ранних турецких хроник // Средневековый Восток: История. Культура. Источниковедение. М., 1980. – С. 112–119.

- Грунина Э.А.* Пособие по переводу с русского языка на турецкий (роталпринт). М., 1985.
- Грунина Э.А.* О курсе истории языка // Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе. Материалы конференции. Чебоксары, 1986. – С. 17–26.
- Грунина Э.А.* О синтаксическом времени // *Turcologica*. К 80-летию акад. А. Н. Кононова. – Л., 1986. – С. 85–95.
- Грунина Э.А.* К теории тюркского залога // Советская тюркология. 1987, 2. – С. 3–15.
- Грунина Э.А.* Учебное пособие по османско-турецкому языку. – М., 1988.
- Грунина Э.А.* Историческая грамматика турецкого языка. – М., 1991.
- Грунина Э.А.* У истоков // Вопросы тюркской филологии. Вып. 2. Вестник Шелкового пути. – М., 1993. – С. 47–51.
- Грунина Э.А.* К истории тюркского залога: Рефлексив, пассив // Вопросы тюркской филологии. Вып. 2. Вестник Шелкового пути. – М., 1993. – С. 16–37.
- Грунина Э.А.* К истории тюркской претемпоральной системы // *Symbolae Turcologicae. Festschrift in honour of Lars Johanson*. Vol. 6. Stockholm, 1996. – S. 109–117.
- Грунина Э.А.* К вопросу о possessивной парадигме спряжения // 90 лет Н. А. Баскакову: Н. А. Баскакову от коллег и учеников. – М., 1996. – С. 68–72.
- Грунина Э.А.* О «смешанном» характере языка письменных памятников, или проблема *alga-bolga* // Вопросы тюркской филологии. Вып. 3. Материалы Дмитриевских чтений. – М., 1997. – С. 12–21.
- Грунина Э.А.* Огузский язык X–XI вв. // Языки мира: Тюркские языки. – М., 1997. – С. 81–89.
- Грунина Э.А.* Об одной архаичной форме глагольной системы турецкого языка // Вопросы тюркской филологии. Вып. 4. Материалы Дмитриевских чтений. – М., 2000. – С. 35–46.
- Грунина Э.А.* Огузская группа: Глагол // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. *Тенишев Э.Р.* – М., 2002. – С. 157–215.
- Грунина Э.А., Поцелуевский Е.А., Благова Г.Ф.* Александр Петрович Поцелуевский (1894–1948) // Восток. Orient. 2004, 5. – С. 122–135.
- Грунина Э.А.* Туркменский язык. – М., 2005.
- Грунина Э.А.* К вопросу о диалектной картине современной Турани (говоря терекеме) // Вопросы тюркской филологии. Вып. 8. Материалы Дмитриевских чтений. М., 2009. – С. 86–123.
- Грунина Э.А.* К истории формирования анатолийских турецких говоров // Сравнительно-историческое языкознание: Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции: К юбилею чл.-корр. РАН А.В. Дыбо. М., 2009. – С. 153–155.
- Грунина Э.А.* Турецкий язык // Диалекты тюркских языков. – М., 2010. – С. 385–489.
- Грунина Э.А.* Учебник туркменского языка для стран СНГ. – М.: Вост. лит., 2010. – 287 с.
- Грунина Э.А., Пенжисен М.П.* Учебник туркменского языка для стран СНГ. Тексты и комментарии. – М.: Вост. лит., 2011. – 183 с.
- Gruntina E.A.* Anadolu Ağız Tipleri üzerine // *Turkish Studies: International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*. 2010, 5(3). – P. 1350–1361.

*Г.Ф. Благова,
Д.М. Насинов,
Ю.В. Щека*

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА БОРОЛИНА (К 85-летию ученого)

28 марта 2012 г. исполнилось 85 лет талантливому педагогу и ученому, одному из ведущих отечественных тюркологов, литературоведу, фольклористу, переводчику Ирине Васильевне Боролиной.

И.В. Боролина закончила восточное отделение филологического факультета МГУ в 1948 г. В 1951 г. она после окончания аспирантуры начала преподавать на кафедре тюркской филологии этого факультета, где читала лекции по узбекской литературе, а с 1956 г., когда кафедра тюркской филологии перешла в Институт восточных языков МГУ (ныне ИСАА МГУ), в круг ее научных интересов вошла турецкая литература и фольклор.

И.В. Боролина внесла значительный вклад в отечественную тюркологию, продолжая и развивая традиции классической тюркской филологии, как ученица Н.К. Дмитриева. Она посвятила свыше 50 лет своей профессиональной деятельности изучению тюркских литератур и фольклора, исследованию генезиса многих фольклорных и литературных жанров, закономерностей их развития, оказав заметное влияние на формирование основ турецкого литературоведения и фольклористики в том виде, в котором они существуют в настоящее время. В частности, эти традиции продолжают и сегодня действительно заявлять о себе во всей системе литературоведческого цикла на кафедре тюркской филологии ИСАА.

И.В. Боролиной принадлежит более 80 публикаций в академических и университетских изданиях в нашей стране и за рубежом, охватывающих круг проблем широкого профиля и получивших высокую оценку специалистов. При всем многообразии тематики труды И. В. Боролиной можно объединить в следующие объемные блоки: история средневековой и новой турецкой литературы, исследование закономерностей ее развития в аспекте историко-литературной типологии; генезис, эволюция и взаимодействие жанров турецкого фольклора; современная узбекская литература, которая стала первой любовью И. В. Боролиной, посвятившей творчеству известного узбекского писателя Абдуллы Каххара кандидатскую диссертацию и многочисленные статьи. В круг научных интересов И.В. Боролиной входит также межлитературные контакты, прослеживаемые, прежде всего на материале русской и тюркской литератур; история отечественной тюркологии в лице ее лучших представителей – В.А. Гордлевского и Н.К. Дмитриева; вопросы теории художественного перевода и др. Многие из проблем турецкого и тюркского литературоведения и фольклора, рассмотренные И.В. Боролиной, явились новым словом не только в отечественной, но и в мировой тюркологии.

Особое место в научных изысканиях И. В. Боролиной занимает изучение турецкого фольклора, выявление специфики его отдельных жанров, их генезиса и эволюции, исследование проблем взаимодействия фольклора и литературы. Этим вопросам посвящен целый ряд статей ученого.

Из недавних работ И.В.Боролиной весьма значительной с научно-методической точки зрения является рассчитанное на студентов-тюркологов учебное пособие «Турецкая ашыкская поэзия» (2010), представляющее собой тексты турецких певцов-ашыков, снабженные подробными комментариями и примечаниями. Выход в свет данного пособия реализовал ее давнюю мечту. Нас не покидает надежда, что И.В.Боролина найдет в себе силы осуществить и еще один проект – составить аналогичное учебное пособие по творчеству турецких меддахов.

Турецкая средневековая, новая и новейшая литература – еще одна обширная область научных интересов И.В. Боролиной. Рассматривая проблемы развития турецкой литературы в ракурсе историко-литературной типологии, И.В. Боролина сосредотачивает свое внимание на типах литературных связей, выявляя принципы построения культурных контактов как в условиях древнего типа литературного развития, так и средневекового. Характер внутрирегиональных и межрегиональных связей Ирина Васильевна выявляет на основе обширного материала, иллюстрирующего постепенное обогащение художественной системы тюркских литератур.

Несмотря на широкую проблематику в научном багаже И.В.Боролиной нет ни одной «проходной» статьи: каждая ее работа – результат подчас многолетнего труда, образец постоянной филигранной работы со словом, стилем. Работы И.В. Боролиной отличает высокая исследовательская культура, тщательная фиксация работ предшественников, скрупулезность в выявлении их интерпретаций, подлинное искусство комментирования. Все ее исследования написаны на высочайшем уровне, что определяется глубиной постановки проблемы, ее теоретической оснасткой, четко продуманной композицией, всесторонним охватом освещаемых проблем, включением их в широкий историко-культурный контекст.

Наиболее значимые научные труды И. В. Боролиной вошли в сборник ее статей «Тюркские литературы и фольклор. Статьи» (М.: ИСАА, 2004), издание которого ознаменовало пятидесятилетие научной и педагогической деятельности ученого, – «золотой юбилей» союза науки и исследователя.

И.В. Боролина является замечательным переводчиком, познакомившим российского читателя с лучшими образцами турецкого фольклора, средневековой и новой турецкой литературы.

Масштаб научных интересов И.В.Боролиной отражается и в ее преподавательской деятельности. В течение пятидесяти лет она читала курсы лекций по общему литературоведению, турецкой средневековой, новой и новейшей турецкой литературе, по турецкому и тюркскому фольклору, по узбекской литературе, вела практические занятия по узбекскому языку, разработала многочисленные разнообразные по тематике спецкурсы и спецсеминары, охватывающие наиболее актуальные теоретические проблемы современного литературоведения и тюркологии, многие из которых (напр., теория художественного перевода, турецкая драматургия XIX в., современная турецкая ювелира и др.) преподаются на кафедре тюркской филологии до сих пор.

Руководство МГУ, высоко оценивая научный и педагогический вклад И.В. Боролиной в укрепление славных традиций отечественного университетского образования, присвоило ей звание «Почетный преподаватель МГУ».

Ирина Васильевна решила окончить свою академическую карьеру в 2003 г. – решение, о котором мы, сотрудники кафедры тюркской филологии, до сих пор сожалеем и с которым, несмотря на все доводы разума, не можем смириться. Однако несмотря на завершение своей педагогической деятельности, она продолжает поддерживать своих многочисленных учеников, аспирантов, единомышленников, которым ей удалось привить неистребимую любовь к Востоку, к его неподражаемой словесности. Ее дом, где всегда царит атмосфера доброжелательности, хлебосольства и искренней заинтересованности в жизни каждого проходящего, притягивает к себе, служит своеобразным местом встреч для выпускников ИСАА разных поколений. Жизненная философия, умение общаться с людьми и выстраивать с ними дружеские отношения «на века» – тот бесценный багаж, который передает нам наш учитель и друг.

Нас переполняет чувство благодарности этому прекрасному ученому и замечательному человеку за тот интеллектуальный и эмоциональный труд, который она вложила и продолжает вкладывать в своих учеников. Коллеги, ученики от всего сердца поздравляют Ирину Васильевну Боролину с юбилеем, желают ей здоровья, оптимизма и реализации всех планов!

*Оганова Е.А.,
Щека Ю.В.*

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА УТУРГАУРИ (К 85-летию ученого)

14 февраля 2012 г. исполнилось 85 лет известному отечественному тюркологу, доктору филологических наук Светлане Николаевне Утургаури.

Светлана Николаевна – коренная москвичка. Ее детство и юность прошли в большой старинной московской квартире, в Богословском переулке, которую ещё до революции приобрел её отец Николай Кихнадзе, но которая позже была «уплотнена» советской властью. Именно здесь, в среде московской интеллигенции грузинского происхождения, были заложены черты будущего учёного – интеллигентность, начитанность, которые вкупе с неиссякаемым интересом к Востоку и определили весь дальнейший жизненный путь Светланы Николаевны.

Первые шаги на поприще востоковедной науки Светлана Николаевна сделала ещё в 1945–50-х гг. в Московском институте востоковедения (МИВ) под руководством любимых преподавателей, корифеев-тюркологов – В.А. Гордлевского и М.С. Михайлова. В начале 1960-х гг. она поступила в аспирантуру Института востоковедения АН (ИВАН), где в 1965 г. ею была защищена кандидатская диссертация «Творчество Орхана Кемаль-новеллиста». Позднее, в 1986 г., будучи уже заведующей сектором литератур Ближнего и Среднего Востока Отдела литератур народов Азии, она защитила докторскую диссертацию «Современная турецкая проза. Основные тенденции развития». В ИВ РАН Светлана Николаевна успешно работает до сих пор, являясь ведущим специалистом в области литературы современной Турции.

С.Н. Утургаури – автор четырёх книг по теоретическим проблемам турецкой словесности второй половины XX в.: «Турецкая проза 60–70-х годов. Основные тенденции развития» (1982), «О турецкой литературе» (1989, на турецком языке), «Орхан Кемаль. Горькая жизнь счастливого человека» (1994), «Забвению неподвластно» (2004). Избрав главным объектом изучения турецкую прозу 1960–70-х гг., Светлана Николаевна осветила доминирующие тенденции литературного процесса (в первую очередь в жанре романа) в его опосредованных связях с общественно-политической жизнью страны. Она ввела в научный оборот значительный корпус прозаических турецких произведений и имён их авторов, а также понятий из реалистической и модернистской парадигм. Эти работы, а также целый ряд научных статей в ведущих отечественных и зарубежных журналах стали для последующего поколения тюркологов путеводной нитью, позволяющей чётко и надёжно ориентироваться не только в литературе рассматриваемых ею десятилетий, но и в безбрежном потоке литературных явлений и фактов наших дней.

С.Н. Утургаури вела и продолжает вести активную работу по укреплению российско-турецких культурных связей. Впервые приехав в Турцию 1974–75 гг. по линии ЮНЕСКО, Светлана Николаевна становится постоянным участником советско(российских)-турецких научных конференций, «круглых столов», конгрессов. Многолетняя искренняя дружба связывает её с турецкими литературоведами и критиками (Берна Моран, Фетхи Наджи, Ахмед Октай и др.), а также с выдающимися писателями, классиками турецкой литературы (Орхан Кемаль, Яшар Кемаль, Азиз Несин, Самим Коджагёз, Бекир Йылдыз, Лейла Эрбил и др., многих из которых уже нет в живых).

В последнее время научные интересы С.Н. Утургаури вышли далеко за рамки литературоведческой тематики, охватив широкий спектр исторических и политических проблем Турецкой республики. В 2009 г. С.Н. Утургаури совместно с сотрудником ИВ РАН Н.Ю. Ульяченко подготовили монографию «Тургут Озал – премьер и президент Турции», в которой прослеживается политическая судьба и биография крупнейшего политика и экономиста современной Турции на сложном, нестабильном поле идейно-политических баталий кемалистской республики конца XX в.

Кроме того Светлана Николаевна завершила книгу очерков «"Белые русские" на Босфоре. 1918–1929», посвящённую драматической судьбе многих тысяч русских эмигрантов, не принявших власти большевиков на своей родине и бежавших от «красного террора» в Турцию. И хотя проблема русских беженцев не нова для отечественной историографии, но в данной книге под пером востоковеда-турколога она исследуется в совершенно новом ключе. С.Н. Утургаури удаётся показать трагедию гражданских беженцев-россиян, экстраполированную на переломный период исторического развития Турции – переход от монархической империи к буржуазно-республиканскому правлению.

С.Н. Утургаури известна и как опытный воспитатель молодых научных кадров. Под её руководством была защищена не одна кандидатская диссертация. Следует отметить и отношение Светланы Николаевны к работам коллег-туркологов: высоко оценивая их труды, она часто выступает и со справедливыми замечаниями. Её критика убедительна и обычно принимается авторами. В свою очередь, Светлана Николаевна любит работать с опытными редакторами, прислушиваясь к их компетентному мнению.

Коллеги туркологи сердечно поздравляют Светлану Николаевну с юбилеем и от всей души желают ей крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов в работе.

М.М. Репенкова

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОЦЕЛУЕВСКИЙ

(К 80-летию ученого)

Евгений Александрович Поцелуевский принадлежит к поколению вузовской тюркологии, которое выросло в стенах МГУ им. М.В. Ломоносова в дореформенный период отечественного востоковедения (1943–1956 гг.). Он прошел школу члена-корр. Николая Константиновича Дмитриева (1898–1954 гг.), который на первый план выдвинул фундаментальность университетского образования в соединении с языковой базой совокупности тюркских языков (вплоть до бесписьменных), приобщение тюркологии к теоретическим направлениям общей лингвистики. Это поколение плодотворно проявило себя как в науке, так и в прикладной работе в языкознании.

Евгений Александрович Поцелуевский родился 25 сентября 1931 г. в городе Ашхабаде. Он вырос в семье основателя современного туркменского языкознания Александра Петровича Поцелуевского, трагически погибшего в ашхабадском землетрясении 1948 г., – в год поступления Евгения Александровича в МГУ на восточное отделение (кафедра тюркской филологии) филологического факультета.

По окончании университетского курса в 1954 г. он был оставлен в аспирантуре. Учитывая языковую оснащенность аспиранта, его руководитель Н. К. Дмитриев предложил тему диссертации, разработка которой требовала в большей степени осмысления и обобщения значительного объема тюркологической литературы и в значительно меньшей степени – исследования живого конкретного языкового материала (а его было собрано немало уже и в студенческие годы).

Безвременная кончина Николая Константиновича (22 декабря 1954 г.) радикально изменила казавшиеся ясными планы Е. А. Поцелуевского. Над вузовской тюркологией нависла реформа прагматизации востоковедного образования. В неразберихе первых пореформенных лет на кафедре тюркской филологии под сомнение ставилась сама специфика кафедры – тюркская филология. В результате Евгений Александрович оказался вовлеченным в сферу лингвистического редактирования в издательствах.

Однако природная склонность молодого ученого к научному анализу обратила его интересы к общелингвистической проблематике. Начиная с ранних его статей 1962 г. (и позже) его разработки привлекали внимание не только тюркологов, но и специалистов по общему языкознанию.

В качестве предмета для диссертационного исследования Е. А. Поцелуевский выбрал трехчленную определительную конструкцию (обычно с причастием в ее составе) типа *менинг акан китабым* 'книга, которую я взял / купил'. Об объекте своего исследования в книге «Тюркский трехчлен» (М., 1967) он написал: «Эта конструкция замечена очень давно (иначе и быть не могло), но как особое синтаксическое построение она по существу не регистрировалась». И не исследовалась в должной мере, – добавим мы. Е. А. Поцелуевский восполнил этот пробел в описании тюркского синтаксиса. Он обосновал принципиальную трехчленность конструкции при реальности ее возможного воплощения в двухсловном построении – когда в качестве непосредственных составляющих выступают не только словоформы, но и отдельные аффиксы. На основе такого подхода он расширил границы объекта исследования и рассмотрел в качестве молификации основной структуры безличные определительные конструкции пяти типов.

Работа Е. А. Поцелуевского, с одной стороны, опирается на идеи теории непосредственных составляющих, т. е. ищет опору не в морфологии, а в синтаксисе. С другой стороны, центром анализа становится один тип конструкции – определительной, но рассматриваемой в сопоставлении с другими определительными конструкциями.

Работу отличает тщательность освещения возможных подходов к проблеме, убедительная постановка вопроса, стремление определить место исходной трехчленной конструкции анализа (*менинг окаян китаб*) среди сходных конструкций в других классификационных группах тюркских языков. Представляется, что это одно из лучших исследований вообще по проблеме глагольно-именных конструкций в тюркских языках. Книга Е. А. Поцелуевского с таким удачным, на наш взгляд, названием занимает особое место в его исследовательской работе.

С декабря 1969 г. Е. А. Поцелуевский работает в Секторе тюркских языков Института языкознания АН. Он сразу был включен в группу Э. В. Севортяна по составлению «Этимологического словаря тюркских языков» (далее сокращенно ЭСТЯ), начиная с работы над вторым томом [ЭСТЯ 1978] (буква «Б»). В его обязанности, как и остальных членов группы, входило накопление фактического материала для очередного тома: «Выборка материала для статей производилась <...> Л. С. Левитской, Л. Г. Офросимовой-Серовой, Е. А. Поцелуевским и Э. В. Севортяном» [ЭСТЯ 1978 «Б» Предисловие: 4]. Почти за три десятилетия работы в группе Э. В. Севортяна–Л. С. Левитской он внес свою (пусть обезличенную) лепту в составление ЭСТЯ. См. аналогичные упоминания в [ЭСТЯ 1980 «В», «Г», «Д» От редактора: 3; ЭСТЯ 1989 «Ж», «Ж», «Й» Предисловие: 3; ЭСТЯ 1997 «К», «К»: 3; ЭСТЯ 2000 «К»: 3; ЭСТЯ 2003 «Л», «М», «Н», «П», «С»: 3, 124–126].

Коллеги Евгения Александровича уверяют, что он прирожденный технар, хотя и обладает незаурядными лингвистическими способностями, тяготеет к лингвистической теории. Но заниматься он предпочитал тем, что его интересовало, а интересовали его не только тюркские языки. Показательны в этом смысле его работы, опирающиеся, в основном, на материалы русского языка: «Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними» (1974: 229–247), «Сравнительная степень и свободное употребление прилагательных» (1977: 62–71).

Первая работа имеет целиком общелингвистический характер. В ней была пересмотрена идея Н. К. Дмитриева об идеальной норме как определяющей в степенях качества. Была выработана система понятий, в соответствии с которой рассматривалось семантическое пространство сравнения. Понятие нормы было увязано с точкой отсчета меры качества, непосредственно связанной с семантикой слова. Механизм взаимодействия степеней качества был рассмотрен с математической скрупулезностью. Для тюркологии эта работа Е. А. Поцелуевского была абсолютно новым словом.

Во второй работе рассматривается проблема «свободного» употребления качественно-оценочных прилагательных, т. е. такого, в основе которого лежит непосредственное сопоставление сравниваемых предметов.

Результаты приложения общих положений к материалу туркменского языка изложены Е. А. Поцелуевским в статье «Сравнительная степень и аффикс *-рак*» [1976: 181–194]. В этой статье автор стремится пересмотреть некоторые устоявшиеся и противоречивые представления в тюркологии.

Впоследствии Евгений Александрович принял участие в оснащении примечаниями перевода такого важного и сложного памятника письменности, как «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари; его перевод в свое время был осуществлен А. Р. Рустамовым [*Махмуд аз Кашгарӣ. Диван лугат ат турк* (Свод тюркских слов). В 3-х т. / Пер. с араб. А. Р. Рустамова под ред. И. В. Кормушина, прим. И. В. Кормушина, Е. А. Поцелуевского, А. Р. Рустамова. Т. 1. – М., 2010].

В годы работы в Институте языкознания АН СССР (РАН) оказался востребованным редакторский опыт Е. А. Поцелуевского и организаторские способности: он много лет работал научным редактором в нескольких научных издательствах Москвы, дольше всего в Издательстве восточной литературы. Работа в издательствах позволила приобрести новые полезные практические навыки.

Редактор он не обыкновенный, творческий. Евгений Александрович с его широким кругозором и глубокой эрудированностью, с готовностью и умением щедро употребить все свои знания на исправление и совершенствование редактируемого текста – большая удача для авторов фундаментальных трудов, которые готовились сектором тюркских языков и Институтом языкознания в целом.

Будучи членом редколлегии издания «Языки мира. Тюркские языки» (М., 1977) и ученым секретарем Научного совета «Языки мира», Е. А. Поцелуевский осуществлял «научную проверку и редактирование материалов тома» [Языки мира 1997, Предисловие: 6]. Для этого издания им были подготовлены очерки «Боджурди язык» [Языки мира 1997: 216–224], «Сонкорско-тюркский язык» [там же: 354–357], «Хорасано-тюркский язык» [там же: 476–480] (по материалам публикаций С. Фажи, Г. Дёрфера).

Е. А. Поцелуевский – член редколлегии и ответственный секретарь издания «Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия в трех томах» (М., 1997; 2001; 2005). В этом издании Е. А. Поцелуевский выступал (вместе с Э. Р. Тенишевым) также в качестве ответственного редактора по тюркским языкам (редактировал и готовил к печати статьи по тюркским языкам).

Е. А. Поцелуевский отредактировал и подготовил к печати три тома «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков»: «Лексика» (М., 1997; 50 п. л.), «Региональные реконструкции» (М., 2002; 48 п. л.), «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» (М., 2006; 57 п. л.).

Довелось наблюдать воочию работу Е. А. Поцелуевского над другим секторским заданием. Благодаря своим организаторским и редакторским талантам член редколлегии Поцелуевский спас от небытия своевременно не подготовленное к печати юбилейное издание «Николай Константинович Дмитриев. К 100-летию со дня рождения» [Дмитриев 2001].

Своей многолетней самоотверженной работой Евгений Александрович буквально возродил к новой жизни «Диалекты тюркских языков». Инициатива создания этого труда принадлежит Елизавете Ивановне Убрятовой, тогдашнему заведующему Сектором тюркских языков. Под ее руководством рукопись этого труда собиралась в 1967–72 гг. С учетом выявившихся с тех пор многочисленных проблем тюркологических диалектных описаний Е. А. Поцелуевский, а впоследствии и А. В. Дыбо вынуждены были «взять на себя задачу значительной доработки статей. В ряде случаев удалось получить обновленные версии статей от авторов; эту работу выполняли коллеги или ученики авторов, продолжавшие

их работу в диалектологии конкретных тюркских языков» [Диалекты 2010: 6]. В части случаев доработку статей пришлось производить силами самих издателей (Е. А. Поцелуевский, А. В. Дыбо) и пользоваться при этом в основном опубликованными диалектологическими материалами [там же: 6]. Все такие случаи отмечены в комментариях к текстам статей, см., например, [там же: 83–84, 87–94, 97, 99, 104–107; 262; 284]; заново написана статья Э. А. Груниной «Диалекты турецкого языка. Образцы диалектных материалов». Аналогичная работа произведена над теми статьями, которые готовятся к изданию в следующем томе. Живые свидетели многолетней работы Е. А. Поцелуевского, а впоследствии и А. В. Дыбо, – Э. А. Грунина, А. В. Шеймович, Г. Ф. Благова и др.

В 80-е годы Е. А. Поцелуевский был активнейшим членом редколлегии журнала «Советская тюркология», неоднократно выезжал в командировки в Баку для работы с редакционным портфелем и другими рабочими моментами. В те же годы он исполнял обязанности ученого секретаря специализированного Совета по защите диссертаций по языкам народов СССР; в разное время состоял ученым секретарем Сектора тюркских языков.

Е. А. Поцелуевский принимал активное участие в научных конференциях. Вот темы его некоторых выступлений: Об изучении синтаксических фразеологизмов – Алма-Ата, 1976; Экстракативное значение – семантическая примета служебных слов в алтайских языках – Ташкент, 1986; Свойства тюркских причастий и их синтаксические функции – Ашхабад, 1985; Об одном синтаксическом построении в языке «Словаря» Махмуда Кашгарского – Фрунзе, 1988; Сложные предложения интегрированной структуры в русском языке – Новосибирск, 1988.

И, наконец, нельзя не сказать о сотрудничестве Е. А. Поцелуевского с фольклористами. В 1971 г. в качестве издательского редактора он редактировал том серии «Эпос народов Евразии» – «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романтический эпос». Памятуя об удачном сотрудничестве с Е. А. Поцелуевским, руководство сектора эпоса Института мировой литературы пригласило его участвовать в подготовке очередного тома «Гёр-оглы. Туркменский героический эпос» (1983, изд-во «Восточная литература»); в этом томе Е. А. Поцелуевский выступает как соавтор перевода (совместно с Б. А. Каррыевым) и одновременно как ответственный редактор всего издания. Е. А. Поцелуевский является одним из ответственных редакторов (совместно с С. С. Кирабаевым) еще одного тома серии – «Козы-Корпеш и Баян-Суду. Казахский романтический эпос (2003).

Как член редколлегии Евгений Александрович участвовал в подготовке к печати «Избранных трудов» А. П. Поцелуевского, своего отца (наряду с Б.Ч. Чарыяровым и С. Куреновы (Ашхабад: «Ылым», 1975).

Коллеги и друзья-тюркологами, отмечая юбилей Евгения Александровича, высоко ценят его вклад в изучение синтаксиса и неоценимый труд в создании фундаментальных работ нашей науки.

ЛИТЕРАТУРА

Поцелуевский Е. А. Определительные сочетания типа *турар уй* // Труды Ин-та языкознания АН ТуркССР. Вып. IV. – Ашхабад: Изд. АН ТССР, 1962. – С. 140–147.

Поцелуевский Е. А. К вопросу о соотношении безличного и пассивного значений аффикса страдательного залога *-и-* в туркменском языке. // Там же. – С. 125–139.

Поцелуевский Е. А. Трехчленная определительная конструкция в туркменском языке и ее модификации // Исследования по синтаксису тюркских языков. – М., 1962. – С. 189–218.

Поцелуевский Е. А. Тюркский трехчлен. – М., 1967. – 136 с.

Поцелуевский Е. А. Нулевая степень качества и описание значений качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними // Проблемы семантики. – М.: Наука, 1974. – С. 229–247.

Поцелуевский Е. А. Сравнительная степень и аффикс *-рак* // Тюркологические исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 181–193.

Поцелуевский Е. А. Сравнительная степень и свободное употребление прилагательных // Вопросы языкознания. 1977, 5. – С. 62–71.

Поцелуевский Е. А. Болжнурди язык // Языки мира. Тюркские языки. – М., 1997. – С. 216–224.

Поцелуевский Е. А. Сонкорско-тюркский язык // Там же. – М., 1997. – С. 354–357.

Поцелуевский Е. А. Хорасано-тюркский язык // Там же. – М., 1997. – С. 476–480.

Диалекты тюркских языков. – М., 2010.

Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения. – М., 2001.

Пиотровский Р. Г. Сходства и несходства между родственными языками в широком контексте теории и практики // Будагов Р. А. Сходства и несходства между родственными языками: Романский лингвистический материал. 2-е изд., доп. – М., 2004.

Языки мира: Тюркские языки. – М., 1997.

Г. Ф. Благова,
Э. А. Грушина

ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ ДОБРОДОМОВ (К 75-летию ученого)

В ноябре 2010 г. научная общественность отметила семидесятипятилетний юбилей известный русиста и востоковеда Игоря Георгиевича Добродомова.

Творческий путь ученого начался на филологическом факультете МГУ. Филологический факультет Московского университета имени М.В. Ломоносова в 50-е годы прошлого века представлял собой удивительный очаг российской научной и образовательной культуры. Это были годы, когда по узким коридорам филфака в старом здании МГУ на Моховой улице хаживала научная элита языковедения и литературоведения. Вспомним только В.В. Виноградова, А.А. Реформатского, Р.А. Будагова, Е.М. Галкину-Федорук, П.С. Кузнецова, В.К. Чичагова, О.С. Акманову, С.Б. и С.И. Бернштейнов, А.Н. Попова, С.М. Бонди, Н.К. Гудзия, В.Ф. Ражигу, А.Н. и А.Г. Соколовых, Р.М. Самарина, А.В. Кокорева, Г.Н. Поспелова, В.И. Кулешова, Н.И. Либана и десятки других ярких ученых и не менее выдающихся педагогов.

В сентябре 1953 г. в удивительную среду студенчества Московского университета и творческую атмосферу филфака тех лет вместе с более чем 350 сокурсниками вливается Игорь Георгиевич Добродомов.

В этом году окончена десятилетка в с. Золотухино Курской области, учебные успехи отмечены серебряной медалью, и теперь И.Г. студент русского отделения филфака, живет в знаменитом студенческом общежитии МГУ на Стромьинке (на 1 курсе в комнате на 14 человек). Нельзя не признать, что учиться на филфаке непросто: каждый день лекции и почти каждую неделю семинары по языку или литературе, политпредметам, занятия по иностранному языку и постоянное чтение литературных источников: фольклор, древнерусская и русская классическая литература, западная литература. Русисты изучают латынь, старославянский, древнерусский языки, современный русский, двалектологию (и по каждому практические занятия с чтением и анализом текстов, запоминанием десятков парадигм и пр.).

И.Г. с первого курса выбирает специализацию по языку (все студенты филфака избирали либо эту специализацию или литературоведение) и все курсовые работы и диплом он пишет по русскому языковедению. И здесь И.Г. становится на научную стезю, с которой он не сворачивает всю свою творческую жизнь. Занимаясь в семинарах В.К. Чичагова по старославянскому языку и П.С. Кузнецова по древнерусскому языку, слушая их спецкурсы, И.Г. набирается знаний, накапливает опыт лингвистического анализа письменных памятников, изучает историческую фонетику русского и других славянских языков. Так к окончанию университетского курса Добродомов вырастает в квалифицированного специалиста по истории русского языка, именно его древнейшего периода.

Среди однокурсников И.Г. в свое время не слыл эрудитом, но близкие его друзья знали, сколько времени он проводит в Ленинке и в Историчке, сидя над

словарями и древними текстами, как досконально он занимается курсовой темой, основательно штудируя не только языковые тексты, но и исторические источники, чтобы охватить всё, что связано с темой. Его всегда интересовали вопросы «Как?» и «Почему?» и «Что вокруг этого?». И всякий, кто сейчас общается с И.Г. – особенно по учебным или научным вопросам – согласится, что такие вопросы он постоянно задает собеседнику или просит студента (аспиранта) ответить на них.

И.Г. в этом случае являет собой замечательный пример для наших студентов и магистрантов, когда студенческая юношеская увлеченность и трудолюбие становятся основой, интеллектуальным фундаментом академически эрудированного современного ученого. И.Г. вышел из стен университета сложившимся специалистом – историком русского языка, который продолжал совершенствовать свои знания даже будучи оторванным в то время от столичных библиотек.

Советская система обязательного распределения выпускников вузов коснулась и завершивших в 1958 г. курс филфака студентов, разбросавши их по всей стране. Таким образом И.Г., парень из Курского села, оказался учителем русского и немецкого языков в Уюкской средней школе в Джамбулской области Казахской ССР, которая находилась в небольшом поселке, в 120 км от областного центра, в степях Казахстана. Это было наше время, когда мы отправлялись работать после вуза, куда нас направляли, туда, где не было учительских кадров, и выпускники МГУ разъезжались по всей стране, по всем республикам, по городам и селам. И ехали в незнакомые места, не думая, где будем жить и сколько получать.

Помимо обогащения жизненным опытом, И.Г. в Уюке нашел себе новое призвание. Он увлекся казахским языком, и это увлечение сыграло огромную роль в его дальнейшей научной деятельности. Тюркизмы, слова тюркского происхождения, вошедшие в русский язык в разные периоды его исторического развития, – вот увлекательная и новая тема для исследования. И вот уже более 50 лет И.Г. как крупинку за крупинкой вычленяет из лексического тела русского языка тюркизм за тюркизмом, обнаруживая их в старых и новых словарях, в фольклоре, в художественных произведениях, в диалектах и жаргонах – везде, куда проникает пытливая мысль исследователя, обладающего удивительным «нюхом» на чужеродное вкрапление в родной язык. Почти пять сотен изящных миниатюр написано им о таких словах, и за каждой из них стоит кропотливая работа над лингвистическими и историческими источниками, позволяющая подвести под исследуемую лексику фонетические, морфологические, семантические и социолингвистические обоснования.

Но это теперь, а после Уюка была аспирантура в Институте русского языка РАН. В 1960 г. И.Г., отработав законные 2 года, приезжает снова в Москву и поступает в аспирантуру к известному фонетисту и диалектологу Р.И. Аванесову. После некоторых колебаний темой диссертационного исследования избирается «История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»)». Кандидатскую диссертацию И.Г. успешно защитил в 1966 г. В 1964 г. И.Г. приходит на работу в Московский пединститут им. Ленина, на кафедру языкознания, в качестве ассистента. Этой кафедре он остается верен до сегодняшнего дня, т.е. вот уже почти полвека.

Очевидно, что для работы над кандидатской диссертацией автору пришлось обрабатывать не только большой славянский лексический материал, но много внимания уделять совершенствованию своих знаний по лексике тюркских языков.

Выявление тюркского лексического вклада в русском языке было начато еще в первой половине XVIII в. трудами ученого-энциклопедиста В.Н. Татищева, который немало усилий приложил для обнаружения тюркского источника многих русских слов в нарицательном и топонимическом словарях, но наблюдения В.Н. Татищева оказались рассеянными по разным его сочинениям. Многие последующие поколения ученых (лингвистов, этнографов, географов, историков) значительно

обогатили познания о тюркском пласте русской лексики, но эти работы были также рассеяны по разным малодоступным изданиям, так что понадобились специальные обзоры литературы о тюркизмах русского языка. Критическими обзорами литературы о тюркизмах русского языка, как правило, начинались почти все более или менее значительные исследования в этой отрасли русской исторической лексикологии и этимологии. Часто разыскания о тюркских элементах русской лексики оформлялись в виде словарей, однако лексикографический «облик» подобных исследований был лишь более или менее удобной формой подачи исследуемого лексического материала и не сопрягался с попыткой дать исчерпывающий перечень тюркизмов русского языка, а также с полнотой сведений по истории и этимологии соответствующих слов. Подобные сведения обычно концентрировались в общих этимологических словарях русского языка, где, однако, тюркизмы оказывались разпыленными в массе основной русской и гетерогенной лексики. Большинство попыток лексикографической трактовки сведений о тюркской лексике русского языка, как правило, не оформлялись в самостоятельное исследование (монографически), а составляли часть каких-то более общих изданий (статьи в журналах и сборниках).

Как известно, этимологические исследования почти всегда вызывают дискуссию, классическим примером которой может служить известная этимологическая дуэль П. М. Мелиоранского и Ф. Е. Корша по поводу тюркизмов в «Слове о полку Игореве». Своей диссертационной работой И.Г. включился в эту трудоёмкую и, скажем, часто неблагоприятную отрасль исторической лексикологии русского языка.

В то же время занятия этой темой показали, что в изучении древнейших тюркских заимствований существуют заметные пробелы, вызванные слабым освоением соответствующего лексического материала в тюркских языках, особенно их общего древнего пласта, несомненно, входившего в древности и в славянские языки в качестве заимствований. Наиболее ранние тюрко-русские контакты относятся к болгарскому периоду развития тюркских языков. Именно поэтому И.Г. обращается к болгарскому языку, к его наследнику – чувашскому языку, к другим поволжским языкам, оставившим свой след в истории восточнославянских языков, а также в венгерском языке. Так И.Г. становится знатоком исторической фонетики чувашского языка, признанным среди чувашеведов.

Из этих исследований вырастает тема докторской диссертации «Проблемы изучения болгарских элементов в славянских языках». Защита диссертации состоялась в 1974 г., став ярким событием в как в тюркологии, так и в русистике. В науку в полном объеме вернулась тематика, обоснованная работами П.М. Мелиоранского и Ф.Е. Корша, Н.К. Дмитриева. Не мешает напомнить, что к этому времени И.Г. становится известным среди тюркологов специалистом в области тюркской исторической лексикологии, а защите предшествовало уже более 120 публикаций по указанной тематике. Именитые оппоненты акад. А.Н. Кононов, чл.-корр. О.Н. Трубочев и д.ф.н. А.С. Львов по достоинству высоко оценили диссертационное исследование И.Г. Добродомова.

Обширные тюркологические знания И.Г. позволили ему принять участие в новаторской работе российских тюркологов – написании «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (в 6 томах, под ред. чл.-корр. Э.Р. Темишева). В лексическом томе этой серии И.Г. принадлежит раздел «Ландшафт», в котором рассмотрена общетюркская географическая терминология, характеризующая ландшафт мест первоначального обитания тюрков, в своей совокупности позволяющая подойти к решению вопроса о прародине тюркского этноса. В другом томе, где впервые в мировой тюркологии рассматривается картина мира пратюркского этноса по данным языка, И.Г. написал разделы «Окружающая географическая среда» и «Типы поселений. Историческая эволюция».

Такая объемная исследовательская деятельность ученого, плодом которой на сегодняшний день являются более 500 публикаций преимущественно историко-этимологического плана, обеспечена удивительной работоспособностью И.Г., который каждую минуту, свободную от вузовской деятельности — лекций, семинаров, консультаций, руководства кафедрой, председательства в диссертационном совете, заседаний университетских научных советов, а также от участия в работе комиссий в разных академических и научных учреждениях, проводит над книгами в библиотеках, изучая памятники, старые тексты, научные статьи в раритетных изданиях и пр. И.Г. обладает удивительной библиографической памятью и доскональным знанием исторических событий и их участников.

Именно из таких занятий, надо думать, вырос необычный для И.Г. герменевтический труд «Лексика и фразеология "Евгения Онегина"», написанный совместно с И.А. Пильщиковым. Цель этой интересной работы — прояснить хотя бы часть «темных мест» «Евгения Онегина», трудность интерпретации которых связана со спецификой словоупотребления и своеобразием поэтического языка пушкинской поры. Авторы характеризуют редкие или устаревшие слова и обороты, которые были хорошо известны Пушкину и его современникам, но сегодня либо совсем забыты, либо понимаются превратно, их особенно интересуют иноязычные, «иноплеменные» и заимствованные слова, а также имена собственные — как те, что приобретают значение нарицательных, так и те, которые поэт употребляет ради их экспрессивного ореола.

Требовательный учитель, наставник студентов и аспирантов, щедро делящийся своими знаниями, принципиальный и вездливый рецензент, возмутитель научного спокойствия своими оригинальными взглядами и выводами, простой в общении, постоянно ищущий новое в забытом старом, просто хороший человек — таким мы знаем И.Г. Добродомова в дни его славного юбилея. И таким мы хотим его видеть еще долгие и долгие годы.

Д.М. Насилов

МАРАТ ВАЛИЕВИЧ ЗАЙНУЛЛИН

(К 75-летию ученого)

В 2011 г. была широко отмечена научно-педагогическая деятельность зав. кафедрой башкирского и общего языкознания, декана факультета башкирской филологии и журналистики Башкирского государственного университета, доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан Зайнуллина Марата Валиевича.

М.В. Зайнуллин в 1959 г. окончил с отличием историко-филологический факультет БашГУ по специальности «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы, башкирского языка и литературы». В том же году поступил в аспирантуру университета. В 1963 г. успешно защитил кандидатскую, а в 1988 году – докторскую диссертацию.

Основные научные интересы профессора М.В. Зайнуллина сосредоточены в области теории языка, башкирского языкознания, тюркологии и сопоставительного изучения башкирского и русского языков. Он также активно занимается вопросами социолингвистики, лингвокультурологии, лингводидактики. Им опубликовано 12 книг, более 450 статей.

Значительный вклад он внес в подготовку научных и научно-педагогических кадров. Под его научным руководством защищены 7 докторских, 25 кандидатских диссертаций. В настоящее время под его научным руководством 10 аспирантов, 4 докторанта и 8 соискателей работают над диссертациями.

Профессор М.В. Зайнуллин плодотворно занимается изучением функционально-семантических категорий на материале башкирского и других тюркских языков.

В работах М.В. Зайнуллина исследованы такие функционально-семантические категории, как темпоральность, персональность, аспектуальность и модальность. В своих научных изысканиях он приходит к выводу о том, что функционально-семантический метод дает возможность адекватно описать языковую систему. На основе принципа функционального анализа им написаны монографии «Современный башкирский литературный язык. Морфология» (Уфа, 2005), «О сущности и границах категории модальности» (Уфа, 2000. – 291 с.), «Функционально-семантическая категория модальности (на материале башкирского языка)» (Саратов, 1986. – 122с.). Данная монография посвящена определению лингвистического статуса модальности как функционально-семантической категории. В монографии выявлены и классифицированы семантические типы модальных отношений.

В последние годы проф. М.В. Зайнуллин активно занимается исследованием проблем лингвокогнитивистики, в частности лингвокультурологии. В новой работе «Общие проблемы лингвокультурологии» (Уфа, 2007. – 205 с., соавтор Л.М. Зайнуллина) подробно рассмотрены такие ключевые понятия, как концептуализация, концептуальная картина мира, концептосфера, языковая картина мира, эмоциональные специфика языковой картины, культурные концепты русского, английского и башкирского языков, родной язык и национальная картина мира, эмоциональные концепты башкирского языка и др.

Он также является соавтором фундаментального научного труда «Грамматика современного башкирского литературного языка» (М.: Наука, 1981. – 495 с.).

Он завершил работу над монографией «Введение в теорию языка». Под его руководством успешно ведется исследование по госпрограммам «Языки народов Республики Башкортостан», «Башкирский язык в системе восточной культуры».

Профессором М.В. Зайнуллиным разработаны и читаются теоретические университетские курсы «Теория языка», «Введение в языковедение», «Морфология башкирского языка», спецкурсы «Новые научные направления в зарубежном языковедении», «Лингвокультурология», «Основные принципы современного языковедения» и др.

Профессор М.В. Зайнуллин является председателем Совета по присуждению ученой степени доктора филологических наук в БашГУ, который функционирует с 1979 г. За 28 лет работы здесь защищено более 180 кандидатских и докторских диссертаций.

Ученый регулярно выступает на многих международных, всероссийских научных конференциях (Москва, Санкт-Петербург, Киев, Алма-Ата, Ташкент, Бишкек, Казань, Челябинск, Оренбург, Турция и др.). Только в последнее время он принял участие в работе следующих конференций: «Язык и общество на пороге нового тысячелетия. Итоги и перспективы» (Москва, 2001), «Язык, общество и культура» (Москва, 2005), «Тюркология накануне XXI века: достижения, состояние, перспективы» (Уфа, 2005), «Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций» (Майкоп, 2005), «Современные проблемы науки и образования» (Москва, 2005), «Урал-Алтай: через века в будущее» (Уфа, 2005), V Всероссийской съезд востоковедов – «Восток в исторических судьбах народов России» (Уфа, 2006) «Сохранение и развитие науки языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» (Казань, 2006), «Язык, культура, общество» (Москва, 2007), «Гуманитарные науки в Башкортостане. История и современность» (Уфа, 2007), Международная алтаистическая конференция «Казань и алтайская цивилизация» (ПИАК). (Казань, 2007), «Бинингвизм как явление межкультурной коммуникации: реалии и перспективы» (Казань, 2007), «Культурный и языковой шовинизм в РБ» (Уфа, 2008) и др.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность и активная общественная работа отмечена Почетными грамотами Правительства Государственного Собрания-Курултай Республики Башкортостан, Министерства образования и науки Российской Федерации, Министерства образования Республики Башкортостан.

В 1970 г. профессор М.В. Зайнуллин награжден медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». В 1988 г. ему присуждена 2-ая премия Государственного Комитета СССР по народному образованию. Он также обладатель гранта Института «Открытое общество» (фонд Сороса) за исследование «Башкирский язык. Энциклопедия». За плодотворную научно-педагогическую деятельность в 1991 г. Указом Президента РБ присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан». В 1995 г. он награжден «Почетный грамотой РБ». В 1998 г. присуждено звание «Почетный работник высшего профессионального образования России», он – отличник высшей школы СССР и т.д.

Профессор М.В. Зайнуллин успешно сочетает научную деятельность с общественной работой. Он является членом редколлегии многотомной энциклопедии «Башкортостан» и ряда научных журналов республики. Он долгие годы работал членом и заместителем председателя Головного совета по филологическим наукам при Госкомитете по высшему образованию РФ. Он – член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН, Всемирной Ассоциации тюркологов и др.

Профессор М.В. Зайнуллин, создавший свою научную школу, среди научной общественности пользуется заслуженным авторитетом. Его фундаментальные работы признаны не только в республике Башкортостан, но и за ее пределами.

*А.Г. Мустафин,
Ф.Б. Саяров,
А.Г. Шайхулов*

АНДРАШ РОНА-ТАШ (К 80-летию ученого)

Андраш Рона-Таш родился 30 декабря 1931 г. в городе Будапеште в семье служащих.

Отец его был врачом, мать – доктором экономических наук (погибла во время фашистской оккупации Венгрии). Уже во время учебы в гимназии у будущего ученого возникает интерес к изучению иностранных языков, истории и культуры других народов. Больше всего юношу увлекают своей таинственностью восточные языки.

В 1950–1955 гг. А. Рона-Таш обучается на финно-угорском отделении Будапештского университета, где он углубляется в историю, археологию, этнологию, историю искусств и восточные языки. Первоначальные юношеские увлечения Востоком получают вполне отчетливые контуры и научные перспективы в эти студенческие годы. Уже на студенческой скамье под руководством выдающихся венгерских ориенталистов Дьюлы Немета (1890–1976) и Лайоша Лигети (1902–1987) Андраш начинает серьезно заниматься тюркологией, алтаистикой и приступает к углубленному изучению чувашского языка.

Рона-Таш защищает магистерскую диссертацию по тибетологии и получает затем должность научного сотрудника в университете.

В 1957–58 гг. он направляется в лингвострографическую экспедицию в Монголию, результатом которой стали две монографии: «Даргинский диалект» (Будапешт, 1961), «По следам кочевников. Монголия глазами этнографа» (Будапешт, 1964; Москва, 1964).

В 1964 г. ученый защищает кандидатскую диссертацию на тему «Тибето-монголика» (изд. Гаага-Будапешт, 1966). В том же году в Гааге выходит его монография «Тибетские лексические заимствования в монгольском языке и развитие архаичных тибетских диалектов». Дальнейшая научная деятельность А. Рона-Таша связана главным образом с исследованием ранней истории венгров, которая самым тесным образом переплетается с судьбами восточных народов, в том числе исторических предков чувашей, тема «Hungaro-Turcica» становится проходной в его исследованиях.

Творчество А. Рона-Таша как востоковеда широкого профиля отличает новаторское решение многих теоретических и методологических проблем сравнительно-исторического языкознания в целом и компаративной алтаистики в частности. Им проведены ценные исследования по теоретическим проблемам общего языкознания, алтаистики, тюркологии и чувашеведения, особенно по истории болгаро-чувашского языка и его связей с венгерским языком. В 1965, 1973, 1978, 1988 гг. А. Рона-Таш совершал продолжительные научные командировки в Чувашию и Среднее Поволжье.

В 1968 г. А. Рона-Таш начинает работать в Сегедском университете им. Аттилы Йожефа. В 1971 г. он защищает докторскую диссертацию на тему «Родство алтайских языков. Теоретическое обоснование родства языков и чувашско-монгольские языковые связи» (частично опубликована в виде отдельных статей и извлечений). Основные идеи и теоретические положения диссертации нашли развернутое изложение в фундаментальной монографии «Языковое родство» (1978). С приходом А. Рона-Таша в Сегедский ун-т здесь широким фронтом разворачиваются исследования по алтаистике, древней истории венгров, истории и этимологии чувашского и других тюркских и финно-угорских языков.

Кафедрой алтаистики А. Рона-Таш заведовал с 1968 по 1990 г., а в 1990–1992 гг. он работал ректором Сегедского университета.

Ученый известен также как организатор международных востоковедческих исследований. В 1982–1989 гг. он возглавлял Международную ассоциацию тибетологических исследований, в 1994–2001 гг. был президентом Всевенгерского комитета по аккредитации, в 1994 г. – вице-президентом Урало-алтайского общества (Хельсинки).

В 1995 г. Рона-Таш избран действительным членом Венгерской академии наук, в 1996 г. – иностранным действительным членом Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, в 2001 г. – почетным членом Турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu, Анкара), в 1999–2001 гг. он член руководящего комитета Международной сети агентств по гарантии качества высшего образования (INQAANE). А. Рона-Таш в разные годы читал лекции в Боннском, Венском, Упсальском, Чувашском университетах. Он является действительным членом Постоянного комитета Европейской конференции ректоров.

А. Рона-Таш является лауреатом премий им. Кёрёши Чома, Альберта Сандёрди, Гумбольдта. Научные достижения и активная общественная деятельность Андраша Рона-Таша отмечена многими престижными премиями, он является членом ряда международных и венгерских научных обществ, редакций авторитетных журналов. С 1996 г. он является главным редактором журнала «Acta Orientalia» Венгерской академии наук.

Выдающийся вклад академика Андраша Рона-Таша в мировую гуманитарную науку отмечен многими высшими государственными наградами. В 2003 г. он был награжден Офицерским Крестом Ордена Венгерской Республики за гражданские заслуги; в 2007 г. удостоен высокой государственной награды Турецкой Республики.

Исключительным авторитетом пользуется А. Рона-Таш у своих коллег-востоковедов самого разного профиля: финно-угроведов, тюркологов, монголистов, индоевропейцев, тибетологов, вообще компаративистов. Андраш Рона-Таш весь свой яркий талант, всю свою исконную энергию исследователя, всего себя посвящает изучению языка и культуры огузов-оногузов-булгар-чувашей.

Абсолютное большинство его научных работ, хотя и выступают внешне как тюркологические или финно-угроведческие, по широте охвата конкретного эмпирического материала, глубине историзму анализа, масштабности исследуемой проблематики, безупречной фундаментальности поднимаются до уровня фундаментальных работ общего языкознания.

К сфере общей тюркологии относятся его труды: «Введение в тюркологию» (Сегед, 1991; на англ. яз.), «Язык и история. Исследования по сравнительной алтаистике» (Сегед, 1986), «Этногенез и основание государства» (1988), «Венгерский народ эпохи обретения родины» (Будапешт, 1996), «Западно-древнетюркский язык» (1998), «Венгры и Европа в раннее Средневековье: Введение в раннюю венгерскую историю» (Будапешт, 1999; на англ. яз.), «Краткая пражстория венгров. Ранняя история венгров до образования государственности» (2007) и, разработанный совместно с А. Бертой капитальный труд «Западный древнетюркский язык. Тюркские заимствования в венгерском языке» (Висбаден, 2011).

Ряд работ А. Рона-Таша посвящен исследованию места тюркских языков в алтайской семье, системы рунических письменностей западных тюркских народов, венгерской (секейской) руноподобной письменности, изучению специфических особенностей различных древних тюркских языков, этнонима хазар, башкирской этнонимии сравнительно с венгерской, истории тюркских и финно-угорских аффрикат, ранних тюркско-самодийских и тюркско-тохарских контактов и т.д.

К проблематике болгарских эпиграфических памятников относятся труды: «Волжско-болгарская надпись 1307 года»; «Руническая надпись в Куйбашевской области», «Этноним мадьяр на волжско-болгарской эпитафии 1311 г.», «Одно болгаро-тюркское предложение 1307 года». В них раскрываются отдельные грани теории болгаро-чувашской этноязыковой преемственности. Это положение в последний раз было подтверждено в совместной работе А. Рона-Таша и археолога И. Фодора в монографии «Болгарская эпиграфика: Волжские болгаро-тюркские эпитафии», Сегед, в 1973). Кстати, эта книга открывает основанную А. Рона-Ташем серию «Урало-алтайские исследования».

А. Рона-Таш совместно с чувашским языковедом В.И. Сергеевым подготовил учебник «Введение в изучение чувашского языка» (Будапешт, 1978) и краткую грамматику чувашского языка (Будапешт, 1987).

В серии «Урало-алтайские исследования» А. Рона-Ташем было осуществлено репринтное переиздание «Чувашско-венгерско-немецкого словаря» Х. Пвасонена (1974) и знаменитого труда XVIII в. «Северная и восточная части Европы и Азии...» Ф.-И. Табберта-Страденберга (1975).

Принципиально важные в научно-теоретическом и методологическом отношениях статьи А. Рона-Таша, посвященные истории чувашского, тюркских и уральских языков, а также

труды по алтаистике и рунологии были объединены в сборник «Язык и история: Статьи по компаративной алтаистике» (изд. в 25-м т. «Урало-алтайских исследований», Сегед, 1986).

Древние чуваше-венгерские языковые связи нашли отражение в таких работах, как «Несколько замечаний о венгерских названиях деревень» (2004), «Венгерское слово тюркского происхождения, пришедшее из Индии: *bors* 'перец'» (2005), «Этимологические заметки о венгерском *gyaru* 'шерсть'» (2006), «Трудные этимологии: венгерское (*gen* 'да')» (2008) и др.

При непосредственном участии Рона-Таша был осуществлен поэтический перевод бессмертной поэмы «Нарспи» классика чувашской литературы Константина Иванова на венгерский язык. Автором стихотворного перевода стала известная мадьярская поэтесса Анна Беде. Поэма была издана при содействии А. Рона-Таша отдельной книгой в Эгере в 1977 г. В том же году по его инициативе был осуществлен перевод на венгерский язык собрания чувашских народных сказок. А Рона-Таш написал также ряд статей о чувашской литературе для многотомной венгерской «Энциклопедии мировой литературы».

Среди других работ по тюркологии и алтаистике следует упомянуть: «Некоторые проблемы праторкского языка» (1970), «К истории чувашских ауслатных гуттуральных смычных звуков» (1971), «О чувашских финальных гуттуральных согласных» (1971), «Среднемонгольские лексические заимствования в чувашском» (1971–1974), «Булгаро-тюркские заимствования протопермской эпохи в пермских языках» (1972), «Было ли известно строю праалтаицам?» (1973), «Об одном заимствованном среднемонгольском слове в марийском» (1974), «Некоторые проблемы уральского вокализма с алтаистической точки зрения» (1975), «Алтайская теория и среднемонгольские заимствования чувашского языка» (1975), «Некоторые волжско-булгарские заимствования в волжско-калчакских языках» (1976), «Об одном агрикультурном термине в языках Поволжья» (1976), «Теоретические и методологические вопросы этимологии в тюркологии» (1976), «Характер венгерско-булгаро-тюркских контактов» (1977), «Три волжско-калчакские этимологии» (1977), «Протопермские и удмуртские заимствования в чувашском» (1980), «К истории тюркских и финно-угорских аффрикат» (1982), «Периодизация и источники истории чувашского языка» (1980, 1982), «Алтайская теория и история среднемонгольских заимствований в чувашском языке» (1987), «Основные звукозменения в истории чувашского языка» (1987), «Тюркское влияние на уральские языки» (1988), «Лайош Лигети и тюркские связи венгерского языка» (1987–1988), «Реконструкция и этнолингвистические данные» (1988), «Волжско-булгарско-венгерские связи» (1994), «Тюркское влияние на венгерский язык» (1977), «Венгерский язык как источник истории тюркских языков» (1998), «Реконструкция прототюркского и генетический вопрос» (1998), «*Vil* – восточнотюркский титул тюркского происхождения» (1998), «Обретение родины и формирование народов в средневековой Евразии» (1999), «Чувашский язык и историческая морфология» (1999) и др.

Особое место среди фундаментальных трудов занимает двухтомное капитальное научное исследование А. Рона-Таша и А. Берты «West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian» (Висбаден, 2011), подводнящее итоги многолетних занятий по проблеме «Hungaro-Turcica».

Библиография научных публикаций Андраша Рона-Таша насчитывает более 450 названий. С полным их перечнем можно познакомиться в биографической книге «В нём душа Востока и разум Запада», написанной чувашским ученым-лингвистом проф. Н.И. Егоровым; в ней представлен также анализ основных работ Рона-Таша [Егоров, 2011].

Труды крупнейшего венгерского востоковеда академика Андраша Рона-Таша подвинули на новую высоту и финно-угроведение, и тюркологию вместе с алтаистикой, они являют собой новый этап сравнительно-исторического изучения западной группы древнетюркских наречий.

ЛИТЕРАТУРА

Егоров Н.И. В нём душа Востока и разум Запада: К 80-летию со дня рождения академика Андраша Рона-Таша. – Чебоксары, ЧГИГН, 2011. – 96 с. (Библиография трудов А. Рона-Таша: С. 68–90).

Н.И. Егоров,
Д.М. Насилов

ЛАРС ЮХАНСОН (К 75-летию ученого)

В 2011 г. известный шведский тюрколог Ларс Юхансон (Lars Johanson) отметил свой 75-летний юбилей.

Вот основные вехи научного пути Ларса Юхансона.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ УЧЕНОГО

- 8.3.1936 – родился в городе Кёпинг, Швеция
 1956–59 – Обучался германистике, скандинавистике, славистике, тюркологии, сравнительно-историческому языкознанию и восточной филологии в Упсале, Стокгольме и Вене
 1963 – Полевые исследования в Турции
 1965–72 – преподавал тюркологию и языкознание в Упсале и Стокгольме
 1966 – защитил кандидатскую диссертацию в Упсале, тема: «Исследования по синтаксису глагола османского языка» (Studien zur reichstürkischen Verbsyntax)
 1967 – Исследовательские стажировки в Институте востоковедения и ориенталистики в Лондонском (School of Oriental and African Studies, London) и в Стамбульском университетах
 1971 – защита докторской диссертации в Упсале, тема диссертации: «Аспект в турецком языке. Предварительные исследования для описания аспективной системы турецкого языка» (Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems)
 1971 – доцент в Университете г. Упсала
 1972 – доцент на кафедре языкознания Университета г. Умеа (Universität Umeå)
 1973 – подтверждение докторской степени в г. Майнце, с тех пор профессор по тюркологии в г. Майнце, Германия
 1973–80 – преподавание тюркологии в г. Упсале, исследователь при Шведском Совете по Гуманитарным наукам (Forschungsstelle am Schwedischen Humanistischen Forschungsrat)
 1975–79 – многочисленные исследовательские поездки (стажировки) по тюркоязычным республикам Советского Союза
 с 1978 – избран членом-корреспондентом, Türk Dil Kurumu, Анкара
 1979–80 – временно исполнял обязанности профессора тюркологии во Франкфурте
 1981 – временно исполнял обязанности профессора тюркологии в Майнце
 с 1982 – профессор тюркологии в Майнце
 1984 – исследовательская поездка (стажировка) в Синьцзян по приглашению Китайской академии общественных наук
 с 1985 – издатель серии «Turcologica»
 с 1995 – один из издателей журнала «Orientalia Suecana»
 с 1996 – главный редактор журнала «Turkic Languages»
 1997–98 – приглашенный профессор Токийского университета иностранных языков
 1998 – исследовательская стипендия Türk Dil Kurumu
 1999 – избрание почетным доктором Университета г. Сегед, Венгрия (József Attila-

Universität in Szeged, Ungarn)

2001 – выход на пенсию

2001 – приглашенный исследователь Шведской Коллегии фундаментальных исследований по социальным наукам (Swedish Collegium for Advanced Studies in Social Sciences), Упсала

2001 – приглашенный профессор в Университете г. Мельбурна, Австралия (La Trobe University, Melbourne, Australien)

2002 – исследователь при Институте эволюционной антропологии имени Макса Планка, г. Лейпциг, Германия (Max Planck-Institut für Evolutionäre Anthropologie, Leipzig)

2003–04 – приглашенный профессор Боспорского Университета, Стамбул (Bosporus University, Istanbul)

2005 – избран почетным членом Центрально-Евразийского исследовательского общества (Central Eurasian Studies Society (CESS))

2005–06 – приглашенный исследователь Шведской Коллегии фундаментальных исследований по социальным наукам (Swedish Collegium for Advanced Studies in Social Sciences), Упсала

2006 – приглашенный исследователь Университета г. Киото (Universität Kyoto)

2006 – приглашенный исследователь при АН Республики Якутия

с 2008 – приглашенный профессор (на 5 лет) в Центральном Университете национальных меньшинств в Пекине, Китай (Central University of Nationalities, Beijing)

2008 – приглашенный профессор по алтанстике в Университете г. Сегед (Universität Szeged)

2008 – награжден Орденом за Заслуги перед Турецкой Республикой (Türkiye Cumhuriyeti Liyakat Nişanı)

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Л. ЮХАНСОНА

1971. *Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Studia Turcica Upsaliensia 1. Uppsala: Almqvist & Wiksell.

1973. Sprachbau und Inhaltssyntax am Beispiel des Türkischen. *Orientalia Suecana* 22, 82-106.

1974. Zur Syntax der alttürkischen Kausativa. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Suppl. II*, 529-540.

1975. 75. Some remarks on Turkic 'hypotaxis'. *Ural-Altische Jahrbücher* 47, 104-118. [Also in: Décsy, Gyula [ed.]. *Eurasia Nostratica*. Wiesbaden 1977.]

1975. Aktionalphrase und Verlaufsordnung. *Studia Neophilologica* 47, 120-150.

1975. Das tschuwaschische Aoristhema. *Orientalia Suecana* 23-24, 106-158.

1976. Zum Präsens der nordwestlichen und mittelasiatischen Türksprachen. *Acta Orientalia* 37/1976, 57-74.

1977. Zur Theorie der 'Aktionalität'. *Studia Neophilologica* 49, 119-128.

1977. Bestimmtheit und Mitteilungsperspektive im türkischen Satz. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, Suppl. III*, 2, 1186-1203.

1977. Die Ersetzung der türkischen -t-Kausativa. *Orientalia Suecana* 25-26/1976-1977, 106-133.

1979. *Alt-türkisch als 'dissimilierende Sprache'*. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse, 1979: 3. Wiesbaden: Steiner.

1979. Die westoghusische Labialharmonie. *Orientalia Suecana* 27-28, 63-107.

1979. Nejtural'naja stadija v razvitii affiksial'nogo vokalizma v tureckom i azerbajdzanskom jazykax. *Sovetskaja Tjurkologija* 1979: 6, 57-61.

1981. *Pluralsuffixe im Südwesttürkischen*. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz, Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse, 1981: 9. Wiesbaden: Steiner.

1986. Zur Konsonantenstärke im Türkischen. *Orientalia Suecana* 33-35, 195-209.

1987. Opredelelnost' i aktual'noe clenenie v tureckom jazyke. In: Barulin, A. N. (eds.) *Novoe v zarubeznoj lingvistike 19. Problemy sovremennoj tjurkologii*. Moskva: Progress. 398-425.
1988. On the renewal and reinterpretation of 'instrumental' gerunds in Turkic. *Oriens* 31. 136-153.
1989. Aorist and present tense in West Oghuz Turkic. *Journal of Turkish Studies* 13. 99-105.
1990. Zur Postterminalität türkischer syndetischer Gerundien. *Ural-Altäische Jahrbücher N. F.* 9. 137-151.
1990. Subjektlose Sätze im Türkischen. In: Brendemoen, Bernt (ed.) *Altaica Osloensia*. Oslo: Universitetsforlaget. 193-218.
1990. Historische Grammatik. In: György Hazai (ed.) *Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft 1*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 74-98.
1990. Studien zur türkeitürkischen Grammatik. In: György Hazai (ed.) *Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft 1*. Budapest: Akadémiai Kiadó. 146-278.
1991. Linguistische Beiträge zur Gesamtjurkologie. *Bibliotheca Orientalis Hungarica* 37. Budapest: Akadémiai Kiadó.
1993. Typen türkischer Kausalsatzverbindungen. *Journal of Turkology (Szeged)* 2. 213-267.
1994. Funktion, Kompetenz und Etymon. Bemerkungen zu einer ost-alttürkischen Wortbildungslehre. *Central Asiatic Journal* 38. 160-178.
1995. Mehrdeutigkeit in der türkischen Verbalkomposition. In: Erdal, Marcel & Tezcan, Semih (eds.) *Delák Bitig. Sprachstudien für Gerhard Doerfer zum 75. Geburtstag*. (Turcologica 23.) Wiesbaden: Harrassowitz. 81-101.
1996. On Bulgarian and Turkic indirectives. In: Boretzky, Norbert & Enninger, Werner & Stolz, Thomas (eds.) *Areale, Kontakte, Dialekte. Sprache und ihre Dynamik in mehrsprachigen Situationen*. (Bochum-Essener Beiträge zur Sprachwandelorschung 24.) Bochum: Brockmeyer. 84-94.
1996. Altaische Postterminalia. *Acta Orientalia Hungarica* 49. 257-276.
1998. The structure of Turkic. In: Johanson, Lars & Csató, Éva A. (eds.) *The Turkic languages*. London: Routledge. 30-66.
1998. The history of Turkic. In: Johanson, Lars & Csató, Éva A. (eds.) *The Turkic languages*. London: Routledge. 81-125.
1999. Zur Wiedergabe weiterführender Relativsätze im Türkischen. In: Johanson, Lars & Rehbein, Jochen (eds.) *Türkisch und Deutsch im Vergleich*. 128-137.
1999. Typological notes on aspect and actionality in Kipchak Turkic. In: Abraham, Werner & Kulikov, Leonid (eds.) *Tense-aspect, transitivity and causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov*. (Studies in Language Companion series 50.) Amsterdam & Philadelphia: Benjamins. 171-184.
2000. Turkic indirectives. In: Johanson, Lars & Utas, Bo (eds.) *Evidentials. Turkic, Iranian and neighbouring languages*. Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 61-87.
2000. Linguistic convergence in the Volga area. In: Gilbers, Dicky & Nerbonne, John & Schaeken, Jos (eds.) *Languages in contact*. (Studies in Slavic and General linguistics 28.) Amsterdam & Atlanta: Rodopi. 165-178.
2001. On three dimensions of aspectual terminality. In: Bisang, Walter (ed.) *Aspects of typology and universals*. (Studia Typologica 1.) Berlin: Akademie Verlag. 53-62.
2001. Vom Alttürkischen zu den modernen Türksprachen. In: Haspelmath, Martin & König, Ekkehard. Oesterreicher, Wulf & Raible, Wolfgang (eds.) *Language typology and language universals 2:2*. Walter de Gruyter: Berlin & New York. 1718-1742.
2002. *Structural factors in Turkic language contacts*. [With an introduction by Bernard Comrie.] London: Curzon.
2003. Evidentiality in Turkic. In: Aikhenvald, Alexandra Y. & Dixon, R[obert] M. W. (eds.) *Studies in evidentiality*. (Typological Studies in Language 54.) Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. 273-290.
2003. Old Uyghur, Eastern Turki, Modern Uyghur. *Orientalia Suecana* 51-52. 257-266.

2004. Turkish in Trabzon. *Turkic Languages* 7. 275-296. 2004. On the contribution of viewpoint markers to taxis. In: Volodln, A. P. (ed.) *Tipologičeskie obosnovanija v grammatike. K 70-letiju professora V. S. Xrakovskogo*. Moskva: Znak. 191-200.

2004. On Turkic transformativizers and nontransformativizers. *Turkic Languages* 8. 180-190.

2005. Turkic language contacts in a typology of code interaction. In: Boeschoten, Hendrik & Johanson, Lars (eds.) *Turkic language contacts*. Wiesbaden: Harrassowitz. 4-26.

2005. Adjectives and nouns in South Siberian and other Turkic languages. In: Erdal, Marcel & Nevskaya, Irina (eds.) *Turkic in South Siberia*. (Turcologica 60.) Harrassowitz: Wiesbaden.

2006. Indirective sentence types. *Turkic Languages* 10. 72-87.

2006. Historical, cultural and linguistic aspects of Turkic-Iranian contiguity. In: Johanson, Lars & Bulut, Christiane (eds.) *Turkic-Iranian contact areas. Historical and linguistic aspects*. Wiesbaden: Harrassowitz. 1-14.

2006. On the roles of Turkic in the Caucasus area. In: McMahon, April & Matras, Yaron & Vincent, Nigel (eds.) *Linguistic areas*. London: Palgrave Macmillan. 160-181.

2006. Turkic language contacts in a typology of code interaction. In: Boeschoten, Hendrik & Johanson, Lars (eds.) *Turkic languages in contact*. (Turcologica 61.) Wiesbaden: Harrassowitz. 4-26.

2008. Case and contact linguistics. In: Malchukov, Andrej & Spencer, Andrew (eds.) *The Oxford handbook of case*. Oxford University Press. 494-501.

2009. Modals in Turkic. In: Hansen, Bjoern & de Haan, Ferdinand (eds.) *Modals in the languages of Europe. A reference work*. (Empirical Approaches to Language Typology 44.) Berlin & New York: Mouton de Gruyter. 487-510.

2012. Dissolving multilingual empires in the history of Europe: The Ottoman empire. In: Kortmann, Bernd & van der Auwera, Johan (eds.) *History of European languages*. (Field of Linguistics 5.) Mouton de Gruyter.

2012. Grammaticalization in Turkic languages. In: Narrog, Heiko & Heine, Bernd (eds.) *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press. 752-761.

И.А. Невская,
Д.М. Насилов

ДЖАЛИЛЬ ГИНИЯТОВИЧ КИЕКБАЕВ

(К 100-летию со дня рождения)

25 октября 2011 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного ученого-тюрколога и языковеда-алтаииста, педагога и общественного деятеля, доктора филологических наук, профессора Джалиля Гиниятовича Киекбаева (1911–1968).

Дж.Г. Киекбаев (*Жалил Гиният улы Кейекбаев*) родился 25 октября 1911 г. в дер. Каран-Елга Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (ныне Гафурийский район Республики Башкортостан) в крестьянской семье. В 1920–1926 гг. он обучался в Сантбабинской начальной школе, в 1926–1930 гг. учился в Макаровской восьмилетней средней школе, в 1930–1932 гг. он учащийся Башкирского педтехникума (г.Уфа). В 1932 г. Дж.Г. Киекбаев поступает на отделение германской филологии Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков, которое успешно оканчивает в 1937 г. и начинает работать учителем Рошальской средней школы Московской области. С 1938 г. по 1945 г. он работает в различных учреждениях в Башкирии, преподает в вузах, в 1942–1943 гг. директорствует в роли Сантбабинской средней школе, в 1943–1944 гг. является главным редактором Башкирского книжного издательства. В 1945–1946 гг. обучается в аспирантуре Института языкознания в Москве.

После успешной защиты в 1948 г. под руководством чл.-корр. АН Н.К. Дмитриева кандидатской диссертации на тему: «Орфоэпия башкирского литературного языка» Дж.Г. Киекбаев начинает работать в Башкирском государственном педагогическом институте им. Н.А. Тимирязева. С 1951 г. и до конца своей жизни он заведует кафедрой башкирского языкознания (с 1957 г. уже в БашГУ).

В 1960 г. в Институте языкознания Дж.Г. Киекбаев защищает докторскую диссертацию на тему: «Фонетика башкирского языка (Опыт описательного и сравнительно-исторического исследования)». В 1961 г. становится профессором.

Первый этап научно-исследовательской деятельности Дж.Г. Киекбаева был посвящен проблеме орфоэпии башкирского языка, столь важной в период языкового строительства в Башкирской АССР, которое было начато еще с 20-х гг. XX в. Тогда Советом Народных Комиссаров БашАССР перед учеными-языковедами была поставлена задача – выработать и установить стабильные нормы литературного произношения. Поэтому исследование Дж.Г. Киекбаева было востребовано всей системой школьного образования, театра и радио. Кроме этого автором здесь же решались многие вопросы фонетики и фонологии, акцентологии и интонации. В 1964 г. работа «Башкирское литературное произношение» была издана на башкирском языке.

Второй этап научно-исследовательской деятельности Дж.Г. Киекбаева посвящен изучению природы сингармонизма как древнейшего общеалтайского наследия. Основная часть его докторского исследования в 1958 г. была издана на башкирском языке как монография «Фонетика башкирского языка (опыт описательного и сравнительно-исторического исследования)». В этом труде на большом фактическом материале были детально проанализированы все типы тюркского сингармонизма и на основе сингармонических параллелей они были показаны как

единое общеалтайское явление. Эта работа внесла значительный вклад в изучение проблем исторической фонетики тюркских языков.

Третий этап научно-исследовательской деятельности проф. Дж.Г. Киекбаева восходит к началу 60-х гг. и связан с изучением теоретических оснований исторической грамматики урало-алтайских языков. По данной проблеме он публикует целый ряд научных статей в ведущих научных журналах и сборниках, участвует в работе различных конференций, симпозиумов и семинаров. Основные результаты его исследований были уже посмертно опубликованы в двух монографиях: «Введение в урало-алтайское языкознание» (Уфа, 1972), «Основы исторической грамматики урало-алтайских языков» (Уфа, 1996). Ученый в них разрабатывает теорию определенности-неопределенности, которая как категория грамматическая характерна не только для индоевропейских языков, как ранее считалось, но и для урало-алтайских языков (в т.ч. и для башкирского). Автору удалось выявить и систематизировать средства выражения определенности-неопределенности в урало-алтайских языках, квалифицировав их как фонетические, морфологические, лексические и синтаксические.

До изысканий Дж.Г. Киекбаева в алтаистике доминировала теория о том, что все грамматические аффиксы произошли только от самостоятельных слов (Г.И. Рамстедт, Н.К. Дмитриев, Э.В. Севортян). Дж.Г. Киекбаеву впервые в истории отечественной урало-алтаистики удалось показать, что сложные аффиксы возникали путем сращения древнейших простых аффиксов с тем же значением: например, аффикс мн. числа *-лар* (*адна-лар* 'яблоки') распадается на два древнейших общеалтайских аффикса мн. числа *-з* и *-р*, при этом между ними функционирует широкий гласный *-а-* как показатель неопределенной множественности. В этих работах автор приводит также дополнительные доказательства о генетическом и типологическом родстве уральских и алтайских языков, опираясь при этом на данные их морфологии.

Особым направлением научно-исследовательской деятельности Дж.Г. Киекбаева является лексикология родного языка: в 1966 г. увидел свет его вузовский учебник «Лексика и фразеология современного башкирского языка» (Киекбаев Ж. Г. Хәзерге башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы: Уҡыу кулланмаһы. – Өфө: Башк. кит. нәшр., 1966. – С.108.). В книге рассмотрены проблемы формирования башкирского литературного языка, вопросы стилистики, диалектологии, основ терминологии и лексикографии. Новаторским подходом автора в этой работе следует считать исследование отраслевой лексики башкирского языка путем выделения многочисленных тематических групп. Так, им описано 11 тематических групп заимствований из русского языка (названия строений, посуды, продуктов питания и т.д.). Кроме этого выделены еще 6 тематических групп профессиональной лексики (животноводство – 165 единиц, пчеловодство – 42 единицы, лесное хозяйство – 56 слов, охота – 31 слово), земледелие – 72 единицы, обработка холста – 34 единицы). В дальнейшем эти новаторские исследования Дж.Г. Киекбаева были продолжены и творчески углублены языковедами Э.Ф. Ишбердиным, Н.Х. Максютовой (1932–2004), С.Ф. Миржановой (1924–2000), М.Х. Ахтямовым, У.Ф. Надергуловым (1937–1997), М.И. Багаутдиновой, Г.Н. Ягафаровой. Усилиями этих ученых были выявлены хронологические рамки формирования лексики башкирского языка.

Дж.Г. Киекбаевым написано также большое количество статей по проблемам диалектологии, стилистики, культуры речи и топонимики башкирского языка. Всего он является автором более чем двухсот работ, среди которых девять монографий, учебники, программы, статьи.

Ученый много сделал для развития высшего образования в республике: он является автором программ курсов «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» (Уфа, 1967), «Введение в урало-алтайское языкознание» (Уфа, 1967), «Сравнительная грамматика тюркских языков» (Уфа, 1967).

Проф. Дж.Г. Киекбаев оказывал существенную научно-методическую помощь учителям башкирского языка и литературы, являлся автором учебников, учебных пособий и программ для школ и педагогических училищ.

Он также известен как переводчик художественных произведений с немецкого и венгерского языков, поэт, писатель, публицист. В 1944 г. он был принят в Союз писателей СССР. Дж.Г. Киекбаеву суждено было стать первым переводчиком с немецкого на башкирский язык произведений Гете, Гейне, Эриха Вайнерта, Вилли Бределя, Фридриха Вольфа, братьев Гримм. В годы Великой Отечественной войны им написаны очерки («Зубай Утягулов». – Уфа, 1944; 1985), кубанры (Уфа, 1944; 1966) и др.), а также издан поэтический сборник «Фронтовые стихи» (Уфа, 1944). Его исторический роман «Родные и знакомые» выдержал три издания (1975; 1991; 2011) и был переведен на русский язык в 1986 г.

За годы научной деятельности им подготовлено 10 кандидатов наук.

Дж. Г. Киекбаев вел большую общественную работу, являлся членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, членом редколлегии республиканского журнала «Учитель Башкирии», председателем учебно-методической комиссии при Министерстве просвещения БАССР, избирался депутатом Верховного Совета БАССР.

За большие заслуги в области науки и образования он был удостоен орденов Ленина (1967) и «Знак Почета» (1961), ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР» (1967).

Дж. Г. Киекбаев скоропостижно скончался 19 марта 1968 г. в возрасте 57 лет.

В Башкортостане не забывают Джалиля Гиниятовича Киекбаева: раз в пять лет в БашГУ проводятся международные конференции по актуальным проблемам урало-алтаистики, которые собирают представителей не только из Российской Федерации, но и стран СНГ. Решением Ученого совета ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» установлены именные стипендии имени Дж.Г. Киекбаева для студентов-отличников факультета башкирской филологии и журналистики. На факультете уже тридцать лет успешно функционирует Мемориальный кабинет имени Дж.Г. Киекбаева, успевший преизрядиться за это время в один из известных на всю республику и сопредельные регионы центров по изучению и преподаванию башкирского языка.

Во втором по значению городе Башкортостана – в Стерлитамаке, на базе гимназии №3 им. Джалиля Киекбаева ежегодно проходит республиканская научно-практическая конференция «Киекбаевские чтения». Чтут память видного ученого и на его родине – в Гафурийском районе Республики Башкортостан. С 1969 г. Сантбабинская средняя школа носит его имя, там открыт Мемориального музея ученого, а с осени 1991 г. он переведен в отдельное здание в д. Каран-Елга и стал филиалом Национального музея Республики Башкортостан.

В 1991 г. в связи с 80-летием знаменитого земляка исполком Гафурийского районного Совета народных депутатов учредил ежегодную премию им. Джалиля Киекбаева. За указанный период ее удостоились ученые, писатели, художники, работники культуры и просвещения, внесшие большой вклад в увековечение памяти выдающегося языковеда-педагога и писателя¹; среди них немало и представителей отечественной тюркологической науки (М.З. Закиев, Г.Г. Сантбатталов, М.В. Зайнуллин, Г.С. Кунафин, Р.Х. Халикова, А.М. Сулейманов, А.М. Азнабаев).

27 октября 2011 г. в ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» состоялась Международная научно-практическая конференция «Профессор Джалиль Гиниятович Киекбаев и его вклад в развитие урало-алтайской и тюркской филологии»². Юбилейные конференции прошли также в г. Стерлитамаке³ и на родине ученого. К 100-летию юбилею Дж.Г. Киекбаева увидело свет третье издание на башкирском языке книги воспоминаний о нем акад. АН РТ М.З. Закиева «Вдохновенная песня»⁴.

К юбилейной дате также была издана и полная версия библиографии ученого, включающая опубликованные труды и произведения с 1940 по 2011 г.⁵, а также была выпущена книга проф. Г.С. Кунафина «Джалиль Киекбаев. Жизнь и творчество»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лауреаты премии имени Джалиля Киекбаева / Ред. и сост. Г.С. Кунафин. – Уфа: РИО БашГУ, 2011. – 60 с.

² Профессор Джалиль Гиниятович Киекбаев и его вклад в развитие урало-алтайской и тюркской филологии: Матер. Межд. научн.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рождения Дж.Г. Киекбаева (г. Уфа, 27 октября 2011 г.) / Отв. ред. М.В. Зайнуллин. – Уфа: Изд-во «Диалог», 2011. – 524 с.

³ Республиканские Киекбаевские чтения: Сб. материалов респ. науч.-практ. конф. «VI Киекбаевские чтения», посв. 100-летию со дня рождения ... Джалиля Киекбаева, г. Стерлитамак, 11 ноября 2011 г. / отв. ред. М.В.Зайнуллин. – Стерлитамак, 2011. – 393 с.

⁴ *Зөкеев М.З.* Дәртле йыр. Башкорт тел ғалимы һәм язмышыны Жәлил Киекбаев тураһында иҫтәлектор. – Өфө: БДУ, 2011. – 144 с.

⁵ Ученый и писатель Джалиль Гиниятович Киекбаев: Биобиблиография. – Уфа: РИО БашГУ, 2011. – 128 с., фото, библиогр.

⁶ *Кунафин Г.С.* Жәлил Киекбаев. Тормошо һәм ижады: монография. – Өфө: Китап, 2012. – 248 с.

Ю.В. Псячин,
Г.Г. Кагарманов

НЕКРОЛОГ

ФЛЁРА САДРИЕВНА САФИУЛЛИНА
(1938–2011)

6 декабря 2011 г. на 73 году жизни после продолжительной болезни скончалась доктор филологических наук, профессор кафедры теории перевода и речевой коммуникации ИФИ КФУ, заслуженный преподаватель Казанского университета Флёра Садриевна Сафиуллина.

Ф. С. Сафиуллина родилась 24 мая 1938 г. в семье служащих. После окончания Ново-Чурилинской средней школы ТАССР в 1955 г. поступила на отделение татарского языка и литературы историко-филологического факультета Казанского государственного университета и в 1960 г. окончила его с отличием. И далее ее судьба связана с этим вузом.

Ф. С. Сафиуллина была одним из наиболее известных ученых-филологов Казанского университета. Научная деятельность Ф. С. Сафиуллиной связана с проблемами синтаксиса, лексикологии, лексикографии, лингвометодики. Она читала лекционные курсы «Введение в языковедение», «Современный татарский язык (фонетика, лексикология, синтаксис)». По этим курсам ею написаны вузовские учебники и учебные пособия. Она трижды была удостоена звания лауреата Казанского государственного университета за три монографии: «Порядок слов в татарском языке» (1974); «Татарский язык. Самоучитель» (1990); «Развитие синтаксического строя татарского языка в советский период» (1992).

Она является автором или соавтором около 500 публикаций, среди них более 100 монографий, учебников для вузов и школ, самых различных словарей, а также научные и научно-методические статьи. Ф. С. Сафиуллина впервые в татарском языковедении и в тюркологии исследовала синтаксис татарской разговорной речи, диалектный синтаксис и стилистику текста, сопоставительный синтаксис русского и татарского языков.

В марте 1992 г. в связи с открытием новой кафедры «Татарский язык в иноязычной аудитории» Ф. С. Сафиуллина стала ее первой заведующей.

Под ее руководством разработаны программы, учебные пособия для обучения татарскому языку как неродному. Кафедра стала центром обучения татарскому языку не только в Татарстане, но и за его пределами. Ф. С. Сафиуллина является научным руководителем аспирантов и молодых учёных, создала свою научную школу.

За большие заслуги в развитии татарского языковедения и за плодотворную научную деятельность она была избрана действительным членом Международной Тюркской академии (1997). За большие заслуги в подготовке научных и педагогических кадров, активную методическую и общественную деятельность она награждена Почетной Грамотой Республики Татарстан

(1998); ей присвоено почетное звание «Заслуженный учитель Республики Татарстан» (1993); Ф. С. Сафиуллина стала «Женщиной года — 2000» по РТ в номинации «Терпение и труд к славе ведут». В 2001 г. ей была вручена премия имени Каюма Насыря за разработку учебно-методических пособий, оригинальных научных трудов в области национального образования.

Она обладатель серебряного браслета журнала «Сююмбике» (2001). В 2004 г. была удостоена почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан».

Ф.С. Сафиуллина плодотворно трудилась в Государственной Комиссии по реализации татарского языка в Республике Татарстан; многие годы была членом редколлегии республиканских журналов «Ялкын», «Мәгариф», «Сююмбике».

Для нас Флёра Садряевна навсегда останется не только талантливым ученым и одаренным педагогом, но и компетентным вставником, отзывчивым коллегой, прекрасным рассказчиком поучительных историй из собственной богатой жизненной практики.

*Ученики, коллеги,
Институт филологии и истории
Казанского федерального университета*

 pdfelement

НАШИ АВТОРЫ

Акын Джунейт, д-р филологии, университет Коджатеппе, г.Афйон, Турция.

Аникеева Татьяна Александровна, канд. филол. наук, научн. сотр. Института востоковедения РАН, Москва. E-mail: tatiana.anikeeva@gmail.com, anikeeva@ivran.ru

Ганиев Фуат Ашрафович, док. филол. наук, проф., чл.-корр. АН Республики Татарстан, Институт языка, литературы и искусства АН РТ. E-mail: ganiev@hitv.ru

Добродомов Игорь Георгиевич, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой общего языкознания Московского государственного педагогического университета.

Dobrovits Mihály, PhD, University of Miskolc, Hungary Research Center for Central Asian Studies, Hungarian Academy, Budapest, Hungary.

Дробышев Юлий Иванович, канд. ист. наук, научн. сотр. Института востоковедения РАН, Москва. E-mail: altanus@mail.ru

Джуракузиев Нодирбек Имомкузиевич, асп. Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент. E-mail: nodirbek_82@mail.ru

Зайнуллин Марат Валиевич, докт. филол. наук, проф., акад. АН Республики Башкортостан, декан ф-та башкирской филологии и журналистики, зав. кафедрой башкирского и общего языкознания БашГУ.

Закирова Луиза Н., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань.

Кляшторный Сергей Григорьевич, канд. ист. наук, зав. Отделом Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург. E-mail: klyashtor2004@mail.ru

Кормушин Игорь Валентинович, докт. филол. наук, проф., гл. научн. сотр. Института языкознания РАН (г. Москва), председатель Российского комитета тюркологов при ОФИН, РАН. E-mail: igorkormushin@yandex.ru

Кульбаева Динара, исследователь Ташкентского областного государственного педагогического института.

Мамедова Хаят, асп., Бакинский госуниверситет, Баку.

Напольнова Елена Марковна, доцент, Özyegin Üniversitesi, Istanbul.

Нафасова Вазира, Каршинский государственный университет.

Невская Ирина Анатольевна, докт. филол. наук, проф., гл. научн. сотр. Института филологии СО РАН, г. Новосибирск. E-mail: nevskaia@em.uni-frankfurt.de

Нуриева Фануза Шакуровна, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой, Ин-т филологии и искусств, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань. E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Оганова Елена Оганова, канд. филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: OVAS@yandex.ru

Озшахин М., д-р филологии, ун-т Коджатеппе, Турция.

Передняя Александра Дмитриевна, асп. кафедры тюркской филологии Восточного факультета СПбГУ. E-mail: alexisse@yandex.ru

Рассадин Валентин Иванович, докт. филол. наук, проф., Калмыцкий государственный университет, Элиста. E-mail: rassadin17@mail.ru

Репенкова Мирия Михайловна, докт. филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В.Ломоносова.

Соегов Мурадгелди, докт. филол. наук, проф., акад. АН Туркменистана, гл. научн. сотр. Национального института рукописей АНТ, Ашхабад. E-mail: msoyegov@gmail.com

Тимерханов А.А., докт. филол. наук, ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова АН РТ

Хакимзянова Д.Ф., канд. филол. наук, Ин-т филологии и искусств КФУ

Хакимзянов Фарид Сабирзянович, докт. филол. наук, проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань. E-mail: khakim @ list.ru

Шаламай О.А., Кузбасская государственная педагогическая академия, Новокузнецк. E-mail: olgashalamay@yandex.ru

Яковлев Виктор Михайлович, Ассоциация востоковедов РАН, Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Кормушин И.В. (Москва). Отчет о деятельности Российского Комитета тюркологов в 2011 г. 3

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Рассадин В.И. (Элиста). О фонетических системах тофаларского и тувинского языков 7

Шаламай О.А. (Новокузнецк). Индирективные глагольные формы в шорском языке 13

Наташнова Е.М. (Стамбул). Временные представления в рамках турецкой языковой картины мира 23

Добраданов И.Г. (Москва). Об одном призрачном слове у В.И. Даля 35

Передня А.О. (Санкт-Петербург). К вопросу о выделении инструментального падежа и показателя *-(y)л* в древнетюркском языке 42

Добрович М. (Сегед). Текстологическая структура и политическое послание в древнетюркских рунических памятниках (замечания о формировании монархии в Центральной Азии, II) 47

Кормушин И.В. (Москва). О соотношении текстологических и исторических подходов к датированию надписи в честь Тоньюкука 52

Кляшторный С. Г. (Санкт-Петербург). Наскальная руническая надпись из урочища Коитубек (Восточный Казахстан). Новое прочтение 64

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Репенкова М.М. (Москва). Турецкий литературный постмодернизм: Способы воплощения множественности истины 67

Дробышев Ю.И. (Москва). Кто научил монголов поклоняться небу? 77

Джуракулиев Н.И. (Ташкент). Представления древних тюрков о мироздании 91

Аникеева Т.А. (Москва). История узбекской литературы: Проект программы учебного курса 96

Яковлев В.М. (Москва). *Наадам* и похожие празднества у алтайских народов в эпосе и в традиции 107

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

Кузбаева Д. (Ташкент). Вербальные средства, выражающие концепт «желание» в узбекском языке 114

Нафасова Вазира (Карши). Паронимы в узбекском языке и их обогащение иноязычными лексемами 118

<i>Мамедова Хайи</i> (Баку). О романе Яшара Кемали «Легенда о Бинбогалар»	122
<i>Закирова Л.Н.</i> (Казань). Материалы о В.В. Радлове в документах Национального архива Республики Татарстан	125
<i>Соколов М.</i> (Ашхабад). К 120-летию выхода в свет первого издания пособия П.П. Шимкевича по языку закаспийских туркмен	131
<i>Ганиев Ф.А.</i> (Казань). Татарское языкознание в ИЯЛИИ за последние 20 лет	138
<i>Зайнуллин М.В.</i> (Уфа). Тюркская лингвистика в БашГУ: Актуальные проблемы перспективы исследований	141

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

<i>Тимерханов А.А.</i> (Казань). Гайнутдинова А.Ф. Татар теленен исемләшкән сүзләр сүзлегә [Словарь субстантиватов татарск. языка]. – Казань, 2011. – 172 с. ...	147
<i>Хакимзянов Ф.Х.</i> (Казань). Arguncan M., Yüksekaya G.S., Tabaklar Ö. Karahanlıca, Harezmiye, Kırçakça dersler. – İstanbul: Kesit yayınlari, 2010. – 368 s. ...	148
<i>Хакимзянова Д.Ф.</i> (Казань). Yılmaz M. Çuvaşçadaki ararça ve farsça kelimeler. – İstanbul: Renk matbaası: 2011. – 158 s.	148
<i>Хакимзянов Ф.Х.</i> (Казань). Taş I. Kutadgu bilig’de söz yapımı [Словообразование в «Кутадгу билиг»]. – Ankara: Türk dil kurumu, 2009. – 276 s.	149
<i>Хакимзянов Ф.Х.</i> (Казань). Öner M. Türkçe yazıları. – İstanbul: Kesit yayınlari, 2011. – 480 s.	150
<i>Озташтин М.</i> (Турция). Stachowski Marek. Etimoloji. – Ankara: Türk kültürünü araştırma enstitüsü yayınlari, 2011. – 118 s.	150
<i>Алкин Д.</i> (Турция). Boz E. Türkiye Türkçesi (Bicimsel ve Anlamsal İşlevli) Biçimbilgisi (Tasnif Denemesi). – Ankara: Gazi Yayınevi, 2012.....	151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ, ХРОНИКА

<i>Нуриева Ф.Ш.</i> Международная тюркологическая конференция «Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков» (Казань)	152
<i>Хакимзянов Ф.С.</i> К 85-летию со дня рождения В.Х. Хакова. Выездная Региональная научно-практическая конференция студентов и аспирантов	153
Протокол Пленума РКТ – Годичного, 2012 года, собрания Российского комитета тюркологов	154

PERSONALIA

Алий Ахматович Чеченов	162
Эльвира Александровна Грунина	165
Ирина Васильевна Боролина	169
Светлана Николаевна Утургаури	171
Евгений Александрович Поцелуевский	173
Игорь Георгиевич Добродомов	177
Марат Валиевич Зайнуллин	181
Андреш Рона-Таш	183
Ларе Юхансон	186
Джалиль Гиниятович Киекбаев	190

Некролог

Флёра Садриевна Сафиуллина (1938–2011)	194
Наши авторы	196
Содержание	198

CONTENTS

Structure and history of Language

<i>Kormushin, I.V.</i> (Moscow). About current activity of the Russian committee of turkologists per annum 2011	3
<i>Rassadin, Valentin I.</i> (Elista). Tofa and Tuvan phonetic systems	7
<i>Shalamay, O.A.</i> (Novokuznetsk). Indirective verb forms in Shor	13
<i>Napol' nova, Yelena M.</i> (Istanbul). Time in the Turkish world views	23
<i>Dobrodromov, Igor G.</i> (Moscow). One ghost-word listed in Dahl's dictionary	35
<i>Perednya, A.D.</i> (St. Petersburg). Should we distinguish the instrumental case formed by the affix <i>-(y)n</i> in Old Turkic?	42
<i>Dobrovits, M.</i> (Szeged). Textological Structure and Political Message in the Old Turkic Runic Inscriptions (an essay on the formation of the monarchy in Inner Asia, part 1)	47
<i>Kormushin, Igor V.</i> (Moscow). On correlation of textual and historical approaches to dating the Tonyukuk inscription	52
<i>Klyashornyy, S. G.</i> (St. Petersburg). A Runic Inscription on a stone in Koytubek (Eastern Kazakhstan)	64

Literary critics, Folklore studies, Cultural science

<i>Repenkova, Mariya M.</i> (Moscow). Postmodernism in the Turkish literature: ways to depict relativity of truth	67
<i>Drobyshev, Yu.I.</i> (Moscow). Who taught Mongols to worship the Heaven?	77
<i>Jurakuziyev, N.I.</i> (Tashkent). Worldviews of ancient Turks	91
<i>Anikeyeva, T.A.</i> (Moscow). History of the Uzbek literature: project of a syllabus	96
<i>Yakovlev, Victor M.</i> (Moscow). <i>Naadam</i> and similar festivities of Altaic peoples in their epics and traditions	107

Reports and Surveys

<i>Kulbaeva, D.</i> (Tashkent). Verbal means expressing the concept „desire” in Uzbek	114
<i>Nafasova, Vazira.</i> (Karshy). Paronyms in Uzbek and their enrichment through foreign words	118
<i>Mamedova, H.</i> (Baku). About Yashar Kemal's novel “The Legend of Binbogolar (Thousand Bulls)”	122
<i>Zakirova, L. N.</i> (Kazan). Material about V.V. Radlov in the State Archive of the Republic Tatarstan	125
<i>Soyegov, M.</i> (Ashgabad). 120th anniversary of publishing P.P. Shimkevich's manual on the Turkmen dialect of the Transcaspiian region	131

<i>Ganiev, F. A.</i> (Kazan). Tatar language studies at the Kazan Institute of Language, Literature and Art during the last twenty years	138
<i>Zaynullin, M. V.</i> (Ufa). Turkic Linguistics at the Bashkir State University: unsolved problems and research perspective	141

Reviews and Annotations

<i>Temirxanov, A.A.</i> (Kazan). Gayinutdinova A.F. Tatar teleneng isemleshken sūzler sūzlege. – Kazan', 2011. – 172 p.	147
<i>Khakimzyanov, F.S.</i> (Kazan). Arguncan M., Yılıksekkaya G.S., Tabaklar Ö. Karahanlıca, Harezmiçe, Kıpçakça dersler. – İstanbul: Kesit yayınları, 2010. – 368 s.	148
<i>Khakimzyanova, D.F.</i> (Kazan). Yılmaz M. Çuvaşçadaki arapça ve farsça kelimeler. – İstanbul: Renk matbaası: 2011. – 158 s.	148
<i>Khakimzyanov, F.S.</i> (Kazan). Taş I. Kutadgu bilig'de söz yapımı [Словообразование в «Кутадгу билиг»]. – Ankara: Türk dil kurumu, 2009. – 276 s.	149
<i>Khakimzyanov, F.S.</i> (Kazan). Öner M. Türkçe yazıları. – İstanbul: Kesit yayınları, 2011. – 480 s.	150
<i>Ozshahin, M.</i> (Türkiye). Stachowski Marek. Etimoloji. – Ankara: Türk kültürünü araştırma enstitüsü yayınları, 2011. – 118 s.	150
<i>Alkyn, D.</i> (Türkiye). Boz E. Türkiye Türkçesi (Biçimsel ve Anlamsal İşlevli) Biçimbilgisi (Tasnif Denemesi). – Ankara: Gazi Yayınevi, 2012.....	151

Scientific life, the Chronicle

<i>Nuriyeva, F.Sh.</i> International Turkology conference in Kazan	152
<i>Khakimzyanov, F.S.</i> Readings in commemoration of 85-th anniversary of V.X. Khakov's birth.....	153
Minutes of the Plenum of the Russian committee of turkologists (On February, 2-3rd, 2012)	154

Personalia

Chechenov, Aliy A.	162
Grunina, El'vira A.	165
Borolina, Irina V.	169
Uturgauri, Svetlana N.	171
Potseluevskiy, Evgeniy A.	173
Dobrodomov, Igor' G.	177
Zaynullin, Marat V.	181
Róna-Tas, André	183
Yohanson, Lars.....	186
Kiyekbayev, Jalil' G.	190

Obituaries

Safiullina, Fl'ora S.	194
Our authors	196
Contents	198

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала «Российская тюркология»/ «Russian Turcology» по СНГ:
— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 500 руб;

не в странах СНГ:

— стоимость подписки на один год (= два номера) печатной версии журнала РТ — 50 €;

Оплатить журнал «Российская тюркология» можно в:

- ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL

Порядок оформления подписки

Оплата через отделения банка

1. Закажите квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно скопировать из настоящего извещения или вырезать из последних страниц журнала.

2. Информацию об оплате, почтовый адрес, по которому следует высылать журнал (для электронной версии – электронный адрес), отправьте по электронному адресу:

jurnalrosturkologiya@mail.ru

3. Номера 2012 г. – оба – будут высланы одновременно, в сентябре-октябре 2012 г. на указанный адрес заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.

2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес:

jurnalrosturkologiya@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организации

Отправляйте запрос по электронному адресу: jurnalrosturkologiya@mail.ru

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

Price of the Journal «Russian Turcology» for CIS countries:

— price for a couple printed issue is 500 RUB.;

outside CIS countries:

— price for a couple printed issue is 50 €;

You can purchase RUSSIAN TURCOLOGY:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals

Payment via bank transfer:

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can copy here below or cut out from the last pages of the journal.

2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnalrosturkologiya@mail.ru.

3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.

2. Send us, please, an e-mail to jurnalrosturkologiya@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you're going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Send us, please, a request to jurnalrosturkologiya@mail.ru.

Attention!

Subscription price include postage expenses and does not include banking fees.

Извещение

Форма № ПД-4

ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АКБ «ТАТФОНDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКБ «ТАТФОНDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Российская психология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма: _____ р _____ к

Плательщик (подпись) _____

Кассир

ИП Кормушин И.В.,

Москов. фил. ОАО «АКБ «ТАТФОНDBANK»

(наименование получателя платежа)

ИНН 772631307908

(ИНН получателя платежа)

№ р/с 40802810041000000004

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «АКБ «ТАТФОНDBANK», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810900000000831, БИК 044552831

Оплата журнала:

«Российская психология»

(наименование платежа)

Дата _____ Сумма: _____ р _____ к

Плательщик (подпись) _____

Квитанция

Кассир

Извещение об оплате подписки направляется в РЕДАКЦИЮ
ЖУРНАЛА

как документ для рассылки

Информация о плательщике:

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН налогоплательщика)

№

(номер лицевого счета (воз) плательщика)

Журнал «Российская психология» № 2012 г.

Издатель: ИП *И.В. Кормушин*,
от имени Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН

Данный номер журнала
подготовлен редакторской группой в составе:

Выпускающий редактор *Ф.С. Хакимзянов*
Редактор-переводчик *Д.Ф. Хакимзянова*
Технический редактор *А.М. Галимова*
Компьютерная верстка *Г.Ф. Свиридовой*
Дизайн обложки *Ф.Н. Латыповой*

С готового оригинал-макета
подписано в печать 20.05.2012 г.

Формат 70x108^{1/16}.

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 19.0. Печать на RISO.

Тип. зак. № 83.

Отпечатано в типографии издательства ЗАО «Фон»
Москва, Сиреневый бульвар, д. 4.

 pdfelement

